

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

СО
СТОРОНЫ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

**ВЗГЛЯД
СО
СТОРОНЫ**

МОСКОВСКИЙ Р.

1991

ББК 65.02
Н95

Нэп. Взгляд со стороны: Сборник / Сост. Н95 В. В. Кудрявцев.— М.: Моск. рабочий, 1991.— 304 с.— (Экономические чтения).

В сборник вошли работы русских экономистов-эмигрантов 20-х годов С. Н. Прокоповича, С. С. Кона, С. Г. Шармана, Л. М. Пумпянского и А. Югова, посвященные проблемам новой экономической политики. Развитие внутреннего рынка и накопление капиталов, национализация промышленности и эффективность управления, экономическая свобода и политическая власть — все эти вопросы, волнующие сегодня не только экономистов и политиков, были в центре внимания русских ученых за рубежом. Многие наблюдения экономистов-эмигрантов чрезвычайно актуальны и сегодня.

Книга рассчитана на всех тех, кто интересуется проблемами экономической истории, ищет истину и при этом сохраняет терпимость к чужому мнению.

Н 0603000000—11 18—91
М172(03)—91

ББК 65.02

ISBN 5—239—01271—7

© Составитель Кудрявцев В. В., 1991

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перестройка экономических отношений в стране, а по существу, возвращение к здравому смыслу в хозяйственной деятельности необычайно усилили интерес к истории экономики и экономической мысли. Обращение к прошлому связано не только со стремлением понять причины, приведшие общество на грань национальной катастрофы, но и еще не преодоленной до конца иллюзией, что в прошлом можно найти некую идеальную модель для настоящего или хотя бы обрести успокоительное сознание того, что все-таки была альтернатива тупиковому пути, по которому шла страна на протяжении долгих и полных трагических событий десятилетий. Двадцатые годы, нэп — это тот период, к которому приковано внимание не только публицистов и историков, но и экономистов, внимательно изучающих опыт перехода от командно-распределительной системы к многоукладной экономике. И это не случайно. Ведь проблемы, волнующие нас сегодня, такие, как развитие внутреннего рынка и монополия внешней торговли, уровень национализации и эффективность управления, разгосударствление экономики и накопление капиталов для ее модернизации, правовые гарантии хозяйственной деятельности и финансовое оздоровление, политическая власть и многообразие форм собственности, — все они уже стояли перед политиками и экономистами двадцатых годов. По мере накопления фактов и выявления новых документов идеализация нэпа, проявившаяся в первые годы перестройки, уступает место трезвому анализу его внутренних противоречий. Схоластические споры о соотношении социализма и рыночных отношений, об альтернативности развития страны в двадцатые годы заменяются изучением реальных отношений между властью и обществом в условиях относительной свободы предпринимательской деятельности его граждан.

В преодолении характерного для российской интеллигенции рассмотрения реальных жизненных проблем не через соотношение интересов, а через призму идеалов, столь долго ею лелеянных, что

отказ от них порой кажется равносильным моральному самоубийству, не последнюю роль играет обращение к трудам современников нэпа — экономистов и хозяйственных деятелей, принимавших участие в разработке и осуществлении экономической политики двадцатых годов. Этому помогает появление многочисленных изданий книг и статей в последние годы. В том числе и в уже знакомой читателям серии «Экономические чтения».

Однако до сих пор почти нет публикаций работ экономистов, волею судьбы оказавшихся за пределами России, но продолжавших пристально следить за событиями, происходившими на их многострадальной Родине. Заполнению этой пустоты в наших представлениях о трудах русских ученых и служит предлагаемый читателям сборник работ экономистов, эмигрировавших или высланных из России.

Сейчас все чаще раздаются призывы к объединению усилий всех россиян и соотечественников за рубежом ради возрождения страны, ее духовного воскресения. Основой такого общенационального единения может быть только признание самоценности жизни народа, полный отаз от идеологических шор во имя объективной оценки положения в стране и понимания истинных национальных интересов, без чего ее хозяйственное процветание невозможно.

«Мы жаждем возрождения русского национального хозяйства, подъема его производительных сил и народного дохода,— писали в 1923 г. русские экономисты, объединившиеся вокруг только что начавшего выходить в Берлине журнала «Экономический вестник».— И мы знаем, что отправной точкой для этого возрождения, каковы бы ни были политические изменения, будет вот эта разоренная страна — Россия... Для того чтобы принять активное участие в восстановлении ее производительных сил, необходимо уже сейчас объединить всех работников в области экономических вопросов и приступить к собиранию материалов, необходимых для разработки конкретных планов восстановления русского хозяйства, учитывая при этом и сложную международную обстановку».

Не скрывая своего отношения к социалистическому строю, экономисты-эмигранты тем не менее стремились оставаться на научных, объективистских позициях. И в известной степени им это удалось. Свободные от цензуры и партийного давления, они смогли сделать целый ряд наблюдений и пророчеств, имеющих огромное значение для осмысления нашего исторического опыта и поиска путей выхода из кризиса, в котором оказалась страна в конце XX века.

Включенные в сборник работы экономистов-эмигрантов представляют собой лишь малую часть обширного творческого наследия русских ученых первой волны эмиграции. Более того, в книгу

вошли только произведения, написанные в течение двадцатых годов, до «великого перелома», окончательно похоронившего нэп и бросившего страну в бездну сталинского «социализма». Их авторы не могли оценить нэп в исторической перспективе, не могли предвидеть всего, что было потом. Следует учесть и то, что они опирались исключительно на опубликованные советские источники. Но тем интересней и поразительней глубина их наблюдений. Кроме того, по сравнению со своими коллегами, оставшимися в Советской России, у них было весьма существенное преимущество — им не надо было никому угождать, идти против своей научной совести. Их анализ экономических отношений в стране — это как бы взгляд со стороны на новую экономическую политику.

В сборник включены работы С. Н. Прокоповича, С. С. Кона, С. Г. Шермана, Л. М. Пумпянского и А. Югова — ученых, практически не известных советскому читателю. Исключение, пожалуй, составляет С. Н. Прокопович. Да и то, скорее, потому, что известен он как министр Временного правительства в августе — октябре 1917 г. К сожалению, подробных сведений о судьбах авторов помещенных в сборнике статей обнаружить не удалось. Однако все они, кроме А. Югова, сотрудничали с экономическим кабинетом профессора С. Н. Прокоповича в Праге и публиковались в «Экономическом вестнике» и «Русском экономическом сборнике».

В начале двадцатых годов около двух миллионов россиян оказалось за рубежом. В 1922 г. к ним прибавились высланные из Советской России десятки ученых, философов, публицистов, писателей, среди которых был и Сергей Николаевич Прокопович. В ноябре 1922 г. С. Н. Прокопович основал в Берлине экономический кабинет, сотрудники которого поставили перед собой задачу собирать и систематизировать информацию о жизни в современной России, а также знакомить эмиграцию, в особенности молодежь, с процессами и явлениями, происходившими на их Родине. Первым делом работники кабинета занялись собиранием библиотеки, что в то время было тем более необходимо, так как в 1922 г. даже чтение советских газет среди эмигрантов считалось предосудительным. Позднее кабинет стал издавать бюллетени и проводить заседания с обсуждением экономических проблем России. На основе бюллетеней возник журнал «Экономический вестник» (всего вышло три выпуска). Специально для молодежи проводились семинары по истории и современному положению народного хозяйства России, развитию кооперации и т. п. Однако весной 1924 г. из-за недостатка средств кабинет перенес свою деятельность из Берлина в Прагу. Правительство Чехословацкой республики благосклонно относилось к русским эмигрантским организациям, оказывая им материальную помощь. Благодаря поддержке кабинет С. Н. Прокоповича расши-

рил свою деятельность. Кроме современного положения в хозяйстве России члены кабинета изучали проблемы развития крестьянского хозяйства по материалам бюджетных обследований, широко проводившихся в СССР в двадцатые годы, а также экономику послевоенной Европы.

Многие выполненные учеными работы были опубликованы в начавшем выходить с 1925 г. под редакцией С. Н. Прокоповича «Русском экономическом сборнике» (всего вышло 12 книг), а затем в Бюллетене экономического кабинета. Редакция стремилась привлечь к сотрудничеству многих ученых независимо от их политической ориентации. Достаточно назвать имена профессоров А. А. Чупрова, Н. С. Тимашева, академика П. Б. Струве, профессора А. Н. Челинцева.

Деятельность кабинета продолжалась до 1938 г., когда в связи с угрозой со стороны фашистской Германии многие русские были вынуждены эмигрировать из Чехословакии. В том числе и профессор С. Н. Прокопович, который поселился сначала в Америке, а после войны вернулся в Европу, в Женеву, где и умер в 1955 г.

Предлагаемый читателям сборник открывается обобщающей статьей С. Н. Прокоповича «Что дал России нэп», в которой раскрываются характерные черты новой экономической политики в сравнении с периодом военно-коммунистического экспериментирования. Автор ставит важный с точки зрения уяснения действительных причин ликвидации нэпа вопрос — был ли нэп системой, внесшей действительно что-то принципиально новое в хозяйственное развитие страны, или же успехи начала двадцатых годов связаны лишь с ликвидацией «коммунистических начал», обручем стянувших предпринимательскую активность народа? Для С. Н. Прокоповича очевидно, что если в сельском хозяйстве страны ко второй половине двадцатых годов еще сохранялись перспективы для дальнейшего развития в рамках нэпа, то в промышленности по мере исчерпания старых запасов сырья, вовлечения в производство до последнего времени не используемого оборудования нэп себя исчерпал. Дальнейшее развитие экономики упиралось в проблему накопления капитала для модернизации промышленности. Прокопович показывает это отчетливо проявившееся противоречие между политической властью, объективно стремящейся к огосударствлению экономики, и обществом, заинтересованным в дальнейшем расширении экономической свободы. Между тем поскольку нэп сохранил огосударствление крупной промышленности, внешней торговли и банковского дела, не создал систему правовых гарантий собственности, он фактически исчерпал себя с ликвидацией «военно-коммунистических» начал. С одной стороны, власть понимала, что без развития промышленности, в которой она видела материальную осно-

ву своего существования, дальнейшего подъема экономики не будет, но с другой — она все более сталкивалась с трудностями изыскания средств для ее модернизации в рамках нэпа. С. Н. Прокопович считал, что объективные потребности развития народного хозяйства, а также давление усилившегося за годы нэпа крестьянства заставят власть пойти по пути дальнейшего раскрепощения экономики, расширения частной инициативы, создания юридических гарантий собственникам, что лишь это может создать условия для накопления капиталов внутри страны, а также открыть путь для притока капиталов из-за границы. Но статья была опубликована в 1926 г., ее автор, впрочем, как и многие в эмиграции, явно недооценивал силу созданного после революции государственного аппарата. К тому же ему трудно было предугадать исход внутрипартийной борьбы в СССР.

Огосударствление экономики — результат тотальной национализации, проведенной главным образом по политическим соображениям после революции 1917 г. Национализация промышленности всегда была краеугольным камнем социалистических программ. Сам принцип никогда не подвергался сомнению в социалистических кругах. Спорили лишь о мере национализации, о ее разумных пределах. Отголоски этих старых споров слышны и сейчас.

В 1926 г. в народническом журнале «Воля России», издававшемся в Праге, вышла обширная статья А. Пешехонова «Опыт национализации», в которой автор попытался доказать, что «идея национализации» в Советской России себя блестяще оправдала и что предубежденное отношение к советскому хозяйству в эмигрантских кругах основано главным образом на ненависти к большевикам.

В предлагаемом сборнике помещена статья приват-доцента С. С. Кона (1888—1933), ученика профессора А. А. Чупрова, специалиста в области статистических методов исследования экономики, сотрудника экономического кабинета профессора С. Н. Прокоповича, «Опыт советской национализации», представляющая собой ответ А. Пешехонову, написанный с объективистских позиций. Поскольку автор обильно цитирует своего оппонента, разбирая его аргументацию, то существо спора очевидно. Это в известной мере компенсирует невозможность помещения обеих статей в сборнике из-за его ограниченного объема.

«Для меня,— пишет С. С. Кон,— как и для А. В. Пешехонова, дорога идея устранения «социальных зол», свойственных существующему общественному укладу, но принцип национализации как годное средство устранения этих зол есть для меня проблема...» В известной мере спор двух экономистов напоминает современные споры между сторонниками социалистического выбора и свободного рынка. А если смотреть шире — то между приверженцами под-

хода к политике и экономике от принципов к действительности и сторонниками отказа от любых форм идеологической ограниченности. Для первых характерна фетишизация государственной собственности, в которой они видят гарантию социальной справедливости. При этом любые провалы в хозяйственной деятельности, как правило, списываются либо на плохих руководителей, либо на нерадивых, ленивых исполнителей. Но не подвергается сомнению сам принцип. Между тем нам, как никогда, необходимо отказаться от нашей «принципиальной» зашоренности, идти не от абстрактных идей к жизни, а от самой жизни. В этом отношении статья С. С. Кона представляет собой замечательный образец такого подхода. Не споря о принципах, автор анализирует ситуацию в экономике Советской России, сложившуюся в результате огосударствления ее промышленности, транспорта, банковского дела и внешней торговли. С. С. Кон пришел к выводу, что в самом принципе национализации кроются серьезные опасности, независимо от того, кто ее осуществляет — большевики или кто-то иной. В СССР в хозяйственном строе нэпа, основанном на ограниченной национализации, не обеспечиваются нормально дешевые производство товаров и их доставка потребителю из-за бюрократической и бесхозяйственной постановки дела. Этот строй создает помехи как для накопления капиталов внутри страны, так и для получения кредитов извне.

О том, как бюрократическое давление и политические ограничения сказывались на работе «хозрасчетных» трестов, возникших в начале двадцатых годов, говорится в статье Л. М. Пумпянского «Организация и работа советских трестов». Эти тресты, по мнению автора, не были результатом органического развития экономики, а представляли собой более или менее случайное объединение национализированных предприятий, сгруппированных по территориальным и производственным признакам под управлением хозяйствующих коллегий, возникших вследствие разложения бюрократической, командной системы «военного коммунизма». «Наши «тресты», — пишет Л. М. Пумпянский, — являются не переходной ступенью от более простых к более сложным отношениям капиталистической организации народного хозяйства, а переходом от феодально-бюрократической к примитивно-капиталистической системе».

Все надежды на улучшение жизни народа сейчас связываются с рынком. Но что такое рынок? Как политика государства сказывается на его развитии? Был ли полноценным рынок в условиях нэпа? Что препятствовало его развитию? Эти вопросы поднимаются в статье другого сотрудника экономического кабинета Прокоповича — С. Г. Шермана «Внутренний рынок и торговый быт Советской России».

Погром внутренней торговли, осуществленный большевиками в годы гражданской войны, по мнению С. Г. Шермана, не смог уничтожить рынка. Рынок оказался бессмертен, несмотря на всю ненависть к нему, которую питали коммунистические политики 1918—1921 гг. Он был неистребим и гибок, он питался сопротивляемостью народа, не желавшего умирать. Но политика центральной власти деформировала его до такой степени, что даже воровство утратило свое действительное значение и стало выражением «спасательного рефлекса самосохранения народа». Частичное, в той мере, в какой оно было безопасным для власти, раскрепощение внутренней торговли в начале двадцатых годов не могло удовлетворить экономику огромной страны. Русский рынок характеризовался насильственно замедленными темпами накопления, бескредитностью, искусственно пониженными доходами большей части населения, отсутствием свободного выхода на внешний рынок. И все это из-за боязни политической власти возрождения своего, «почвенного» капитализма, который казался ей много опасней иностранного.

Завершается сборник главами из книги А. Югова «Народное хозяйство Советской России и его проблемы». К сожалению, об этом, несомненно, талантливом авторе известно только то, что он принадлежал к социал-демократическим кругам русской эмиграции. В сборник включены лишь отдельные главы его книги, вышедшей в Берлине в 1929 г. В основном в них охватывается тот же круг проблем, что и в предыдущих статьях сборника, но в книге А. Югова упор сделан на материалы середины — второй половины двадцатых годов, т. е. он проанализировал состояние советской экономики как раз в тот период, когда решалась судьба нэпа — идти ли дальше по пути расширения свободы предпринимательской деятельности или в интересах сохранения власти свернуть и те ограниченные свободы, которые дала новая экономическая политика. Конечно, автор предполагал второй вариант, но все-таки считал, что жизнь заставит вернуться к разумной хозяйственной политике и даже к восстановлению капиталистических отношений. А. Югов в своей книге как бы подводит итоги развития экономики страны в двадцатые годы, раскрывая противоречия, для нее характерные, определяемые прежде всего утопической политикой Советской власти.

Политика государства, по мнению автора, осложняет и дезорганизует подъем народного хозяйства, отнимает у населения всякие стимулы к творческому труду, сводит к минимуму производительное накопление, ставит преграды хозяйственно целесообразному привлечению иностранного капитала. Освобождение экономики страны от оков утопической политики большевиков, по мнению А. Югова, позволило бы в кратчайший срок поставить хозяйство России на ноги. Нужно принять неизбежность развития страны в условиях по

преимуществу капиталистического хозяйства, нужно свести размеры национализированной промышленности до посильных для государства размеров и создать условия для развития и частной промышленности, и торговли, и сельского хозяйства.

Примечательно, что А. Югов связывает экономические преобразования с необходимостью изменения политических условий. Многие его мысли звучат так, как будто они высказаны сегодня. Семьдесят лет понадобилось нашему обществу, чтобы в нем начала утверждаться мысль, что развитие экономики упирается в политическую диктатуру. Что режим диктатуры, монополия одной партии, отсутствие в стране свободного общественного мнения — это именно та среда, в которой пышно расцветает коррупция, самодурство и произвол. Бесправие одних и произвол других парализуют предприимчивость населения, сводят на нет самые, казалось бы, радикальные реформы. В уничтожении режима диктатуры и в отказе от идеологических утопий в реальной экономической политике видел А. Югов условие хозяйственного возрождения страны. Но история распорядилась иначе. «Великий перелом», осуществленный Сталиным на рубеже двадцатых — тридцатых годов, привел к установлению тоталитарного режима, основанного на рабском труде большинства населения, невиданном терроре и социальной демагогии.

В результате, так же как и более шестидесяти лет назад, вновь возрождение русского национального хозяйства, подъем его производительных сил и народного дохода в разоренной России требуют объединения всех работников в области экономических проблем и составления конкретных планов восстановления экономики. Но нам и сложнее и проще. Сложней — потому что слишком велики потери, а проще — потому, что за нами опыт прошлого и богатое наследие русских экономистов, умевших понимать действительные национальные интересы, наследие ученых, искавших истину, а не доказательства правильности догм.

В. Кудрявцев

С. Прокопович

Из «Русского экономического сборника» (Прага, 1926, кн. V)

ЧТО ДАЛ РОССИИ НЭП

I

Прошло пять лет со дня отказа советской власти от коммунистической политики и перехода к новой экономической политике. Время вполне достаточное, чтобы содержание этой политики могло принять определенную форму и выявить заключающиеся в ней потенциальные возможности. Пора подвести итоги, что дал нам нэп.

К определению его содержания и оценке его результатов мы можем подойти, только беря его в процессе развития, как очередной фазис в разворачивании русской революции, фазис, имеющий свои закономерные причины и приводящий к закономерным же последствиям.

Тут не место входить в анализ общей политики большевиков. Мы должны лишь определенно констатировать, что эта политика имела свои положительные стороны. Она была очень соблазнительна для русского народа с его отсталой экономикой и культурой, лишь 56 лет тому назад освобожденного из рабства, не имевшего ни политических прав, ни сильных политических партий. Чем хуже режим, тем жесточе разрушающая его революция. Даже в чудовищных эксцессах большевиков была какая-то связь с историческим прошлым русского народа.

Нас интересует только экономическая политика большевиков. Первые полгода советской власти были временем овладения, со стороны власти, административным аппаратом и территорией страны. В это время происходили странные вещи. Административный аппарат Временного правительства продолжал функционировать до конца января 1918 г. Министерства и Госу-

дарственный банк подчинялись только распоряжениям, исходящим из административного центра, заседавшего в одном из подвалов Петербурга. Благодаря этой организации ходили поезда железных дорог, подвозился хлеб в столицы и на фронт, уголь на фабрики. Совет Народных Комиссаров в первое время во все эти дела не вмешивался; первый раз им были получены деньги из Государственного банка в середине января 1918 г. Начало 1918 г. ушло на овладение народными комиссарами административным аппаратом, и лишь в мае 1918 г. была формулирована и начата осуществлением та система экономической политики, которая впоследствии, в 1919 г., нашла свою систематическую формулировку в новой программе Российской коммунистической партии.

Для России после четырех лет войны самым острым вопросом был вопрос снабжения севера хлебом и топливом. И то, и другое дело были довольно удовлетворительно налажены при Временном правительстве; после октябрьского переворота аппарат снабжения продолжал работать довольно регулярно. Например, за ноябрь 1917 г.—апрель 1918 г. продовольственные органы подавали в среднем по 3730 вагонов продовольственных хлебов в месяц. В феврале — марте большевики захватили закупки хлеба, и подвоз хлеба сразу упал. Число подвезенных вагонов с хлебом равнялось:

в мае — 1622
в июне — 1086
в июле — 707

В результате уже в мае в столицах разразился голод. 27 июня 1918 г. Ленин в одной из своих речей констатирует, что в «Питере, Москве, в десятках уездов голодают и доходят до голодного тифа, до голода, смерти десятки тысяч русских крестьян и рабочих». Одновременно обнаружился недостаток топлива, грозивший остановить железные дороги и фабрики. По мнению Ленина, выход был один: организации распределения хлеба и топлива на коммунистических началах. «В России,— говорил он 22 мая 1918 г.,— может хватить хлеба для людей и хлеба, т. е. топлива, для промышленности при самом строгом разделе всего, что у нас есть, между всеми гражданами, чтобы никто не мог взять ни одного лишнего фунта хлеба, чтобы ни один фунт топ-

лива не оставался неизрасходованным. Только так можно спасти страну от голода. Этот урок коммунистического раздела, чтобы все было на учете, чтобы был хлеб для людей и топливо для промышленности, этот урок не из книжки — мы дошли до него путем горького опыта. Может быть, не сразу широкая рабочая масса поймет, что мы стоим перед катастрофой. Нужен крестовый поход рабочих против дезорганизации и против укрывания хлеба». «Правильное распределение хлеба и топлива, усиление добычи их, строжайший учет и контроль над этим со стороны рабочих и в общегосударственном масштабе, это — настоящее и главное преддверие социализма, это — уже не «общереволюционная», а именно коммунистическая задача, где трудящиеся и беднота должны дать решительный бой капитализму». «Мучительный голод нас силой подвел к задаче чисто коммунистической» *.

Конечно, организация снабжения хлебом могла быть построена на началах повышения цен на хлеб, — что было бы вполне правильно, ибо после октябрьского переворота обесценение денег пошло катастрофически. Но Ленин был против этого решения вопроса. Он утверждал, что «только продолжая политику социалистическую в вопросе о голоде, в борьбе с голодом, мы победим и голод, и контрреволюционеров, пользующихся этим голодом». Временное правительство ввело хлебную монополию, но только пугало ею, а не применяло ее на практике. Коммунисты решили, опираясь на эту монополию, отобрать у хозяйственных крестьян все хлебные излишки, снабжая в то же время бедных крестьян мануфактурой по пониженной цене. Против хлебной монополии, утверждал Ленин, «могут говорить только или люди совершенно невежественные, или прямо продавшиеся интересам денежного мешка» **.

Коммунистическая концепция, рисовавшаяся в это время умственному взору Ленина, была довольно неопределенна. В черновом наброске проекта партий-

* Ленин В. И. Собрание сочинений. Т. XV. С. 271, 277, 293. (Здесь и далее автор цитирует В. И. Ленина по первому Собранию сочинений 1920 — 1926 гг. — Примеч. сост.)

** Там же. Т. XV. С. 292, 312.

ной программы, представленном на XII съезде РКП в начале марта 1918 г., он говорит, что октябрьский переворот установил в России диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства. Эти классы должны осуществить коммунизм, основной принцип которого гласит: от каждого по способностям, каждому по потребностям. Коммунизм, следовательно, предполагает планомерное производство и распределение продуктов, уничтожение рыночной формы связи между отдельными хозяйствами. По мнению Ленина, «борьба за внедрение в массы идеи советского государственного контроля и учета, за проведение этой идеи в жизнь, за разрыв с проклятым прошлым, приучившим смотреть на добычу хлеба и одежды, как на «частное» дело, на куплю-продажу, как на сделку, которая «только меня касается», — эта борьба и есть важнейшая, имеющая всемирно-историческое значение, борьба социалистической сознательности против буржуазно-анархической стихийности... Безотчетность в деле производства и распределения продуктов есть гибель зачатков социализма, есть казнокрадство — ибо все имущество принадлежит казне, а казна — это и есть советская власть, власть большинства трудящихся» *. Принцип от каждого по его способностям предполагает всеобщую трудовую повинность и уничтожение вольного найма, который был «дисциплиной капиталистического рабства» **. Принцип каждому по потребностям предполагает равную оплату труда, изменяющуюся только в зависимости от размера семьи, но ни в коем случае не от квалификации работника; инженеры должны получать заработок среднего рабочего. Основною ячейкою коммунистического общества должны быть производительно-потребительские коммуны.

Эта абстрактная схема была развернута в 1918—1921 гг. в чрезвычайно интересную систему коммунистической политики, представляющей собою первую попытку применения коммунистических идей в государственном масштабе. Конечно, осуществить полностью коммунистический строй в России большевикам не удалось; коммунистическая организация народного хозяйства встретила упорное сопротивление со сторо-

* Там же. Т. XV. С. 191.

** Там же. С. 284.

ны народных масс. Но поскольку власть была в силах претворить коммунизм в жизнь, она его претворила. Кусок коммунизма, во всяком случае, был осуществлен. Основными чертами хозяйственного строя, созданного коммунистической политикой, являются {...}:

1. Уничтожение рыночной связи между частными хозяйствами, запрещение купли-продажи продуктов, торговли ими. Производство и распределение продуктов в стране должны были вестись по единому плану, выработанному в центре и проводимому в жизнь принудительно из центра. Народное хозяйство было превращено в одно огромное предприятие, управляемое правительственной властью. У жителей страны с так организованным народным хозяйством не существует личной хозяйственной заинтересованности, на ее место заступает служебная дисциплина. Все на службе у государства и получают от него средства к существованию в порядке государственного распределения продуктов. Плановое хозяйство возможно и на капиталистической основе — примером могут служить синдикаты и тресты. Но там весь производственный и распределительный план строится на учете хозяйственной ценности продукта и на хозяйственном же расчете. В плановой организации, созданной коммунистами, не было ни хозяйственного учета, ни расчета. Весь их план носил материально-технический характер. Каждую отдельную техническую операцию ведало особое учреждение, снабжавшее каждое предприятие сырьем, топливом, съестными припасами и т. д. совершенно независимо как от производительности предприятия, так и от действий других распределительных центров.

2. Уничтожение хозяйственного характера управления национализированными предприятиями. При капиталистическом строе каждое промышленное предприятие представляет собою телеологическое единство, во главе которого стоит хозяин, руководящий им на началах хозяйственного расчета, т. е. стремления к превышению результатов производства над его издержками и получению прибыли. Предприятия, дающие убыток, погибают, освобождая место другим, более совершенным в техническом и экономическом отношениях. С национализацией промышленности было уничтожено как единство руководящей хозяйственной воли, так и

внутреннее единство издержек и результатов производства каждого предприятия, существующие при капиталистическом строе. Было утрачено понимание того, что работа промышленных предприятий нужна обществу лишь до тех пор, пока она является экономически выгодной. Фабрики уподобились государственным учреждениям, работа которых нужна независимо от ее выгодности и должна быть произведена во всяком случае. Они утратили характер хозяйственных организаций. Это обстоятельство нашло свое внешнее выражение в бесхозяйственном, без ответственного хозяина и без учета издержек и выработки, ведении производства.

3. Уничтожение личной заинтересованности рабочих, инженеров, директоров и т. д. на национализированных предприятиях в производительности их труда и предприятий. Заработная плата была заменена пайком, высота которого определялась не интенсивностью и квалифицированностью труда рабочего, а размером его семьи. Усердный рабочий получал столько же, сколько и лодырь, квалифицированный рабочий — тот же паек, что и чернорабочий. Инженер получал паек «среднего рабочего». Этими мероприятиями были уничтожены стимулы к напряженному и квалифицированному труду. К концу 1920 г. на пайковом довольствии числилось 35 миллионов человек, большинство которых ничего не получало из комиссариата продовольствия.

4. 20 миллионов крестьянских хозяйств национализировать было нельзя. Но у них были национализированы все продукты их труда. С помощью вооруженных продовольственных отрядов и комитетов бедноты у них отбирались все «излишки», убивая у крестьян охоту сеять более того, что нужно собственной семье. Согласно идее, которой руководствовалась власть, крестьянин должен был свои «излишки» сдавать по продовольственной разверстке государству, а все ему необходимое получать из единого потребительного общества, ставшего распределительным органом государства.

По мере того как воздвигалось здание этой коммунистической системы народного хозяйства, производительные силы России падали все более и более. В конце концов Ленин понял пагубность коммунистической

политики и на коммунистическом съезде в марте 1921 г. выступил с предложением отказаться от нее и перейти к новой экономической политике. Он признал на этом съезде, что к перемене политики его толкает основное экономическое соображение — «увеличить количество продуктов. Мы находимся в условиях такого обнищания, разорения, переутомления и истощения главных производительных сил — крестьян и рабочих, что этому основному соображению — во что бы то ни стало увеличить количество продуктов — приходится на время подчинить все» *. Ниже читатель найдет статистические данные о том, до какого низкого уровня упала производительность фабрик и крестьянских хозяйств после трех лет коммунистической политики. Упадок народного дохода вызвал резкое недовольство всего населения, прежде всего крестьянства. На съезде партии 15 марта 1921 г. Ленин признал, что «крестьянство формой отношений, которая у нас установилась, недовольно, что оно этой формы отношений не хочет и дальше так существовать не будет. Это бесспорно. Эта воля его выразилась определенно. Это — воля громадных масс трудящегося населения». Много позже, в ноябре 1922 г., Ленин даже проговорился в одной из своих речей, что крестьянские восстания при коммунистической политике «так сказать, определяли общую картину России» и что тем не менее весной 1921 г. советская власть наткнулась на самый большой внутренний кризис, обнаруживший «недовольство не только значительной части крестьянства, но и рабочих, это было в первый и, надеюсь, в последний раз в истории Советской России, когда большие массы крестьянства, не сознательно, а инстинктивно, по настроению были против нас» **. Большое значение имел также мятеж в Кронштадте. Чтобы смягчить впечатление от отказа от коммунистической политики, Ленин пустил кличку «военного коммунизма», якобы вызванного условиями войны, а не коммунистической программой. Он утверждал даже, что «военный коммунизм был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой».

* Там же. Т. XVIII. Ч. 1. С. 152.

** Там же. Т. XVIII. Ч. 1. С. 138. Часть 2. С. 84, 86.

«В тех условиях войны, в которые мы были поставлены, эта политика была правильна. Мы не имели никакой другой возможности, кроме максимального применения немедленной монополии вплоть до взятия всех излишков, хотя бы без всякой компенсации. Иначе к этой задаче мы приступить не могли. Это не означало стройной экономической системы. Это была мера, вызванная условиями не экономическими, а предписанная нам в значительной степени условиями военными». «Мы, будучи в осажденной крепости, не могли поддерживаться иначе, как применением разверстки, т. е. взять все излишки у крестьян, какие только имеются, взять иногда даже не только излишки, а и кое-что необходимое крестьянину, лишь бы сохранить способной к борьбе армию и не дать промышленности развалиться совсем» *. Этим оправданиям Ленина противостоят и факт введения коммунистической политики в мае 1918 г., до начала гражданской войны, под влиянием недостаточного подвоза к столицам хлеба и топлива, и та аргументация, которая приводилась тогда самим Лениным в пользу этой политики.

В других, более поздних своих выступлениях Ленин был искреннее и правдивее. Особенно откровенен он был в речи на 2-м всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г. Он начал ее с обращения внимания своих слушателей на то, «какой резкий поворот сделала наша советская власть и наша коммунистическая партия, перейдя к той экономической политике, которую зовут новой... Наша предыдущая экономическая политика, если нельзя сказать: рассчитывала (мы в той обстановке вообще рассчитывали мало), то до известной степени предполагала непосредственный переход старой русской экономики к государственному производству и распределению на коммунистических началах... Отчасти под влиянием нахлынувших на нас военных задач и того, казалось бы, отчаянного положения, в котором находилась тогда республика, под влиянием этих обстоятельств и некоторых, может быть, других обстоятельств, о которых сейчас не время говорить, мы сделали ту ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению. Мы решили, что

* Там же. Т. XVIII. Ч. 1. С. 151—152, 190, 214.

крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам, и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение. Не могу сказать, что так определенно и наглядно мы такой план себе нарисовали, но приблизительно мы в этом духе действовали. Это, к сожалению, факт. Я говорю: к сожалению, потому что не весьма длинный опыт привел нас к убеждению в ошибочности этого построения... Наша новая экономическая политика по сути ее в том и состоит, что мы в этом приеме потерпели сильное поражение и стали производить стратегическое отступление: пока не разбили нас окончательно, давайте-ка отступим и перестроим все заново, но прочнее. Никакого сомнения в том, что мы понесли экономическое поражение на экономическом фронте, и поражение весьма тяжелое, у коммунистов быть не может, и мы ставим совершенно сознательно вопрос о новой экономической политике... На экономическом фронте с попыткой перехода к коммунизму мы к весне 1921 г. потерпели поражение более серьезное, чем какое бы то ни было поражение раньше, нанесенное нам Колчаком, Деникиным или Пилсудским... Разверстка в деревне и непосредственный коммунистический подход к задачам строительства в городе — эта политика мешала подъему производительных сил и оказалась основной причиной глубокого экономического и политического кризиса, на который мы наткнулись весной 1921 года. Вот почему случилось то, что с точки зрения нашей общей политики нельзя назвать ничем иным, как сильным поражением». Одновременно Ленин признал, что в советской России промышленный пролетариат «деклассирован, т. е. выбит из своей классовой колеи и перестал существовать как пролетариат» *.

Ленин не хотел далее углубляться в анализ причин, почему коммунистическая политика кончилась банкротством; у него не было мужества открыто признаться в нежизнеспособности коммунистических идей, в невозможности на коммунистических началах организовать народное хозяйство. Однако в одной из своих статей о продовольственном налоге он сделал несколько замечаний, которые показывают, что сущность дела

* Там же. Т. XVIII. Ч. 1. С. 371—373, 375.

была ему ясна. Говоря о попытке при существовании миллионов мелких производителей запретить рыночную связь между хозяйствами и торговлю, Ленин утверждает, что «такая политика была бы глупостью и самоубийством той партии, которая испробовала бы ее. Глупостью, ибо эта политика экономически невозможна; самоубийством, ибо партии, пробующие подобную политику, терпят неминуемо крах. Нечего греха таить, кое-кто из коммунистов «помышлением, словом и делом» грешил, впадая именно в такую политику. Постараемся от этих ошибок исправиться. Непременно надо от них исправиться, иначе совсем плохо будет» *.

В приведенных только что строках Ленин выразился в высшей степени дипломатично. Не кое-кто из коммунистов, а вся коммунистическая партия с самим Лениным во главе в мае 1918 г. впадала в такую политику и разрушила народное хозяйство России. Тем не менее слова эти очень ценны, так как показывают, что Ленин осознал в конце концов организующую творческую силу рынка и рыночных связей.

По мысли Ленина, этот возврат к началам личной заинтересованности, частной собственности и рыночным отношениям должен был начаться с крестьянского хозяйства. В речи 15 марта 1921 г. Ленин говорил:

«Разверстка предполагала изъять все излишки, установить обязательную государственную монополию. Мы не могли поступить иначе, мы были в состоянии крайней нужды. Теоретически это не обязательно, государственная монополия есть наилучшее с точки зрения социализма, но как переходная мера в стране крестьянской, которая имеет промышленность, и промышленность работает. И если есть некоторое количество товаров, возможно применить систему налога и свободного оборота. Этот самый оборот — стимул, побудитель, толчок для крестьянина. Хозяин может и должен стараться за свой собственный интерес, потому что с него не возьмут всех излишков, а только налог, который по возможности будет определен заранее. Основное, чтобы были стимул, побудитель, толчок мелкому земледельцу. Нам нужно строить нашу государственную экономику применительно к

* Там же. Т. XVIII. Ч. 1. С. 216.

экономике середняка, которую мы за три года не могли переделать и еще за десять лет не переделаем».

И далее: «Что такое свобода оборота? Свобода оборота, это свобода торговли, а свобода торговли — значит назад к капитализму. Свобода оборота и свобода торговли — это значит товарный обмен между отдельными мелкими хозяевами. Мы все, кто учился хотя бы азбуке марксизма, знаем, что из этого оборота и свободы торговли неизбежно вытекает деление товаропроизводителя на владельца капитала и владельца рук, разделение на капиталиста и на наемного рабочего, т. е. воссоздание снова капиталистического наемного рабства, которое не с неба сваливается, а вырастает во всем мире именно из товарного земледелия. Это мы прекрасно знаем теоретически, и в России всякий, кто присматривался к жизни и к условиям хозяйства мелкого земледельца, не может не наблюдать этого... Можно ли это сделать, теоретически говоря, можно ли до известной степени восстановить свободу торговли, свободу капитализма для мелких земледельцев, не подрывая этим самым корни политической власти пролетариата? Можно ли это? — Можно, ибо вопрос в мере... Мы можем в порядочной степени свободный местный оборот допустить, допустить, не разрушая, а укрепляя политическую власть пролетариата. Как это сделать — это дело практики» *.

В этом замысле новой экономической политики, сформулированном Лениным, мы находим две ограничительные идеи: 1) оборот товаров должен носить местный характер (по-видимому, в пределах губернии и при условии пользования только гужем) и 2) представлять собою не куплю-продажу, не торговлю, а натуральный обмен продуктов промышленности на продукты сельского хозяйства. Обоим этим ограничениям придавалось первоначально и Лениным, и коммунистической партией большое значение. В них они видели элементы социалистического порядка. Жизнь, однако, их быстро преодолела.

Ленин в своем выступлении 15 марта 1921 г. и последующих говорил исключительно о раскрепощении крестьянского хозяйства от коммунистических пут. Но, конечно, нельзя было для крестьян ввести новую по-

* Там же. Т. XVIII. Ч. 1. С. 140—142, 146.

литику, а для рабочих и промышленности сохранить старую, коммунистическую. Поэтому Совет Народных Комиссаров в своем наказе о проведении в жизнь начал новой экономической политики, изданном 9 августа 1921 г., расширяет поле приложения ее на всю область народного хозяйства. Согласно наказу, национализированные предприятия при нэпе «ведутся на началах точного хозяйственного расчета». При старой экономической политике снабжение предприятий было разбито между различными учреждениями и не поставлено в непосредственную связь с производительностью предприятия. В результате получались многовластие и безответственность. При новой политике должно быть установлено единство в снабжении и его зависимость от производительности. Что касается формы оплаты труда, то «при существующих условиях оплаты труда, участники производства не были и не могли быть заинтересованы в результате своего труда и в улучшении методов производства». При новой политике «все виды рабочего снабжения, кроме спец-одежды, входят в заработную плату... Снабжение распределяется как между отдельными рабочими, так и группами их (работающими аккордно, сдельно и т. п.), соответственно с достигнутыми ими производственными результатами». Таким образом, пайковое довольствие было уничтожено, заработная плата восстановлена в своих правах.

Ленин не боялся, что из новой экономической политики вырастет капитализм, опасный для коммунистической партии. В возрождении капитализма под влиянием новой политики, по его мнению, нет ничего страшного, ибо помещики и буржуазия экспроприированы, земля национализирована, власть держит в своих руках крупную промышленность, транспорт и внешнюю торговлю, и частные капиталистические предприятия будут под надзором и контролем государственной власти, находящейся в руках рабочего класса *.

Таким образом, в 1921 г. Ленин звал коммунистов к восстановлению капиталистического строя хозяйства — в известных рамках; систему хозяйства, которая должна была быть создана новой экономической поли-

* Там же. Т. XVIII. Ч. 1. С. 198—199, 223, 234. Ч. 2. С. 89—90.

тикой, он называл государственным капитализмом *, ибо никаких социалистических начал в организации производства и распределения при этой системе не было.

Но для развития капитализма нужны капиталы и капиталисты, гражданское право соответствующего содержания, признающее свободу частнохозяйственной инициативы и право собственности, суды и полиция, неприкосновенность личности и свобода печати, демократия и парламентаризм. Сказавши «а», Ленин не хотел говорить «б», а тем более проходить всю азбуку до конца. Для него, как крайнего материалиста в вопросах народного хозяйства, для развития капитализма нужен был один лишь капитал. Так как разоренная коммунистической политикой страна не давала накопления, то он мечтал о притоке капиталов извне. В своей речи 15 марта 1921 г. он говорил: «Пока революции нет в других странах, мы должны были бы вылезать десятилетиями, и тут не жалко сотен миллионов, а то и миллиардов, поступиться из наших необъятных богатств, из наших богатых источников сырья, лишь бы получить помощь крупного передового капитализма. Мы потом с лихвой себе вернем. Удержать же пролетарскую власть в стране, неслыханно разоренной, с гигантским преобладанием крестьянства, также разоренного, без помощи капитала, за которую, конечно, он сдерет сотенные проценты,— нельзя. Это надо понять. И поэтому либо этот тип экономических отношений, либо ничего. Кто иначе ставит вопрос, тот не понимает в практической экономике абсолютно ничего» **.

В чем же заключается экономическое и социальное содержание того строя народного хозяйства, который создан новой экономической политикой? Мы видим в нем в противоположность строю 1918—1921 гг. следующие характерные черты.

1. Если при коммунистической политике коммунистическая партия стремилась опереться на союз пролетариата с беднейшим крестьянством, то при нэпе она заговорила о союзе с середняком.

* Там же. Т. XVIII. Ч. 1. С. 216, 217, 332, 396, 402. Ч. 2. С. 89—90.

** Там же. Т. XVIII. Ч. 1. С. 144.

2. В мае 1918 г. коммунисты считали злом рыночные связи между хозяйствами; стихия рынка была для них врагом сознательной, планомерной организации народного хозяйства; в марте 1921 г. Ленин видит в рынке основу развития производительных сил народного хозяйства.

3. Рыночные отношения предполагают заинтересованность участников хозяйственной жизни в результатах производства,— отсюда возврат к заработной плате, высокой оплате квалифицированных работников и инженеров, признанию за крестьянином права собственности на продукт его хозяйства.

4. Каждое хозяйство, каждое предприятие строится на началах хозяйственного расчета; плановые моменты при нэпе приобретают совершенно иную природу, чем при коммунистической политике, они носят не материально-технический, а экономический характер.

5. Организаторами этих капиталистических фабрик и трестов при нэпе являются коммунисты, рабочие и советские чиновники; так как все эти социальные категории не располагают способностями и знаниями, которые необходимы для современных предпринимателей, этих капитанов промышленности, то и создаваемые ими предприятия страдают неувязкой частей, вялостью работы и оранжереиностью.

6. Отсутствие в этом капиталистическом строе без капиталистов правовых и политических условий, необходимых для роста производительных сил и развития культурного народного хозяйства, еще более подрывает жизнеспособность капиталистических предприятий при нэпе.

Посмотрим, как повлиял нэп на производительные силы России и ее социальную структуру.

II

Остановимся прежде всего на экономических последствиях новой экономической политики. Нас интересует в первую голову фактическая сторона дела: что происходит при нэпе с народным хозяйством России,— продолжает оно падать, как падало в 1918—1921 гг. при коммунистической политике, или

оно начало возрождаться? Растут или разрушаются производительные силы страны, увеличивается или сокращается национальная продукция?

Но мы не можем ограничиться фактической стороной дела. Нам нужно ее осмыслить. Мы должны выяснить, какие причины привели к данному фактическому развитию: лежат эти причины в чем-либо новом, что привнес нэп в народное хозяйство страны, или в уничтожении при нэпе тех коммунистических начал, которые внесены были в народное хозяйство в период 1918—1921 гг. Подобное причинное истолкование судеб народного хозяйства при нэпе важно само по себе; но кроме того, оно должно послужить нам опорной точкой при ответе на практически важный вопрос: изжил уже нэп за истекшие 5 лет таившиеся в нем экономические возможности или его потенциальное содержание еще не исчерпано?

Для выяснения всех этих вопросов мы должны обратиться к статистическим материалам СССР. Но на этом пути нас ждут большие трудности. Во-первых, публикуемые разными хозяйственными органами статистические цифры иногда противоречат одна другой, часто разногласят. Во-вторых, еще спорнее истолкование их значения. При нынешнем состоянии советской статистики вряд ли возможно разобраться во всем этом статистическом хаосе, особенно по сельскому хозяйству. Но нам, собственно, этого и не нужно. Для уяснения поставленных выше вопросов нам достаточно остановиться на нескольких основных показателях состояния производительных сил в стране, не вдаваясь в детали и не смущаясь тем, что наши цифры будут не вполне точны. Всякая детализация только затемнила бы то существенное, что мы ищем.

Таковыми показателями мы считаем:

- 1) посевную площадь и количество скота в стране;
- 2) производительность крупной промышленности;
- 3) высоту народного дохода на душу населения;
- 4) количество перевозок по железным дорогам.

1. О размерах посевных площадей на современной территории СССР и количестве на ней скота данные советской статистики очень противоречивы. Разные учреждения в один и тот же год, одно и то же учреждение в разные годы дают сильно расходящиеся циф-

ры. Причина этой путаницы лежит главным образом в различных «поправках», делаемых различными учреждениями к получаемым с мест цифрам. Но так как эти поправки обычно распространяются на все годовые данные о посевных площадях, начиная с 1913 и 1916 гг., то процентные отношения оказываются более устойчивыми, чем абсолютные величины.

Мы остановились на следующих цифрах: за 1913—1917 гг. мы имеем старые данные. За 1916, 1920—1922 гг. мы имеем данные в «Сборнике статистических сведений за 1918—1923 гг.», стр. 122—123. Сопоставление сельскохозяйственных переписей за 1919 и 1920 гг. позволяет нам установить приблизительные размеры посевной площади и для 1919 г. Для 1923 г. мы имеем сведения в «Статистическом ежегоднике 1922 и 1923 гг.», т. I, стр. 124—129. Посев 1924 г. мы приняли на 9,6% более предыдущего года, посев 1925 г. — на 7,1% более. О количестве скота мы берем данные комиссариата земледелия. Все эти цифры укладываются в следующую табличку:

Посевные площади		Лошади		
Годы	в десятинах, млн	в %	голов, млн	в %
1913	87,1	100	—	—
1916	79	90,7	31,3	100
1917	79,4	91,2	—	—
1918	—	—	—	—
1919	56,6	68,4	—	—
1920	63	72,3	24,5	78,3
1921	58,3	66,9	23,7	75,6
1922	49,3	56,6	20,2	64,4
1923	61,7	70,8	20	64,1
1924	67,6	77,6	22,3	71,4
1925	72,4	83,1	24,6	78,6

Мы видим, что до 1922 г. сельское хозяйство в стране находилось в состоянии упадка. За период коммунистической политики посевная площадь упала на 34,6%; за последующие 3 года новой экономической политики она увеличилась на 26,5%. А если мы примем еще во внимание, что в 1916 г. 9,3% всей посевной площади принадлежало частновладельческим хозяйствам, то посевная площадь всей массы крестьянских

хозяйств оказывается в настоящее время уже восстановленной, как это видно из следующих цифр:

в 1916 — 71,7 млн десятин — 100%

в 1925 — 72,4 млн десятин — 101%

Но за годы революции сельское население страны, несмотря на голод 1921 г., унесший по официальным данным 5 млн. человек, сильно увеличилось. Сверх естественного прироста большое значение имело также бегство городского населения в сельские местности, поближе к хлебу. В результате обеспечение населения посевом при расчете на душу процентов на 10—12 не достигает уровня 1916 г., как это видно из следующей таблички:

Годы	Сельское население. млн душ	Посевная площадь. млн десятин	На 1 человека. десятин
1916 *	102,6	71,7	0,7
1920	110,7	63	0,57
1922	109,1	49,3	0,45
1924	114,1	67,6	0,59
1925	116,8	72,4	0,62

* Данные о крестьянских хозяйствах, без частновладельческих.

Очевидными причинами возрождения крестьянского хозяйства были: прекращение гражданской войны в деревне, ликвидация комитетов бедноты, переход от продразверстки к продовольственному налогу, признание прав собственности крестьянина на продукты его труда, восстановление рыночного обращения. Все это — меры, ликвидирующие коммунистические мероприятия советской власти периода 1918—1920 гг. Последними декретами разрешены и наем рабочих, и аренда земли. Неотмененною остается лишь национализация земли, которая при признании права продажи произведенных на земле мелиораций и при отсутствии у правительства стремления или возможности отобрать у крестьян ренту, приносимую их землею, является вещью довольно безобидною.

Этот процесс восстановления сельского хозяйства шел путем возрождения крупных крестьянских хо-

зяйств. Вот данные о количестве дворов с разной площадью посева за разные годы:

Годы	Число обследованных хозяйств	Средний посев на 1 двор, десятин	% дворов без посева	% дворов с посевом		
				до 4 десятин	4—8 десятин	более 8 десятин
1917	6 034 114	3,73 *	11,4	59,1	21,6	7,9
1919	6 119 616	—	6,5	74	16,4	3,1
1922	1 200 872	2,4	6,7	78,6	12,4	2,3
1924	1 291 138	2,97	4,3	69,9	19,6	6,2

* Цифры 1916 г.

Таблица показывает, что до 1922 г. процент многопосевных дворов регулярно и быстро падал, а процент малопосевных регулярно рос. Можно считать, что поставщиками сельскохозяйственных продуктов на рынок являются в России только хозяйства, имеющие не менее 4 десятин посева. Но главными продавцами хлеба до революции были хозяйства, засевавшие более 8 десятин. Коммунистическая партия, по партийным соображениям, преследовала зажиточных крестьян, производящих продукты на рынок, объявляя их «кулаками», т. е. эксплуататорами. Их хозяйства энергично разрушались и органами власти, и комитетами бедноты. Сами зажиточные крестьяне сознательно сокращали свои посевы, ограничивая свое производство размерами нужды своей семьи в хлебе, чтобы избежать преследований. Три года коммунистической политики привели к крайнему сокращению числа хозяйств, производящих хлеб для продажи; под ее влиянием крестьянство вернулось к натуральному строю хозяйства. Таким образом, союз пролетариата с беднейшим крестьянством и начатая этим союзом гражданская война с хозяйственным мужиком лишила города и фабрики хлеба. Рабочие, оказалось, собственными руками срубили дерево, которое их питало. Поэтому в 1921 г. пришлось переменить союзника и от беднейшего крестьянства перейти к хозяйственному крестьянину. Когда с переходом к новой экономической политике началось восстановление крестьянского хозяйства, процесс этот выразился прежде всего и главным образом в возврате к производству сельско-

хозяйственных продуктов для продажи. Этот рост денежных элементов в крестьянском хозяйстве был результатом его окрупнения и роста процента многосеющих дворов.

Рост посевной площади предполагает соответственное увеличение капиталов в крестьянских хозяйствах. Данные о движении количества скота в стране показывают, что до 1922 г. включительно происходило уменьшение его количества, с 1923 г. началось его увеличение, продолжающееся и в настоящее время. Урожай 1925 г. в значительной своей части был употреблен в крестьянских хозяйствах на выкорм скота, и в ближайшие годы мы должны ожидать значительного развития скотоводства, пока не будет исчерпан тот прирост землепользования, который был достигнут в 1917 г. переходом частновладельческих земель в руки крестьян.

Таким образом, в области сельского хозяйства потенциальные возможности нэпа еще далеко не выявлены. В рамках нэпа крестьянское хозяйство может еще много лет непрерывно развиваться и увеличивать свою продукцию.

2. Статистические сведения о крупной промышленности в советской России обладают, само собою разумеется, гораздо большей точностью, чем данные о сельском хозяйстве. Но и в них мы находим неувязки и противоречия, устранить которые мы не в силах. Число рабочих крупной промышленности указано нами в тысячах, сумма валовой продукции — в миллионах рублей по ценам 1913 г.:

Годы	Число рабочих		Валовая продукция		Производительность 1 рабочего, %
	тыс человек	%	млн руб	%	
1913	2598,6	100	5620	100	100
1916	2926	112,7	6831,4	121,6	108
1917	3024,3	116,3	4344,1	77,2	66
1918	2486	95,7	1941,4	34,6	36
1919	2035,3	78,4	1447,7	25,8	33
1920/21	1480	57	981	17,4	30
1921/22	1243,4	47,9	1290,6	23	48
1922/23	1452,1	55,9	1607,5	28,6	51,2
1923/24	1568,5	60,4	1929,3	34,4	56,9
1924/25	1910	73,5	3247	57,8	78,6

За последние три года производительность одного рабочего взята по данным о крупной промышленности, учитываемой в ВСНХ. По этим данным, производительность 1 рабочего в октябре 1925 г. достигала 84,7% довоенной.

Таблица показывает, что крупная промышленность более пострадала от революции, чем сельское хозяйство. Посевная площадь в самый худший, 1922 г., упала только на 43,4%; крупная промышленность перед переходом к новой экономической политике в 1920/21 г. упала вдвое более, на 82,6% сравнительно с довоенным уровнем. Причину этой разницы понять нетрудно: крупная промышленность была национализирована, и коммунисты имели полную возможность перестраивать ее сообразно своим экономическим воззрениям, а следовательно, и разрушать; тогда как 18—20 млн крестьянских хозяйств национализировать было нельзя, и у них лишь отбирались продукты их хозяйства путем реквизиций и продразверстки.

Промышленность была разрушена передачею ее управления в руки заводских комитетов, отказом от принципа хозяйственного расчета, переводом рабочих на пайковое содержание, уничтожавшее заинтересованность рабочих в производительности их труда. С переходом к новой экономической политике фабрики были переведены на хозяйственный расчет, к руководству ими начали все более и более привлекаться техники-специалисты, пайки были отменены и заработная плата восстановлена. Особенно значительный подъем производительности труда мы находим в 1921/22 и 1924/25 гг. В 1921/22 г. происходил переход от пайка к заработной плате; вознаграждение рабочего было поставлено в зависимость от продукта его труда; этим была восстановлена заинтересованность рабочего в производительности труда и создан стимул к его интенсификации. Рост производительности труда в 1924/25 г. должен был приписан деятельности Дзержинского, весной 1924 г. назначенного председателем Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ) и энергично взявшегося за дело повышения интенсивности фабричного труда. В количественном отношении результаты получились блестящие, особенно на тех фабриках, где была введена урочная сдельщина. Сдельную плату получали всего <...> рабочих:

1923 г., март	41,5%
1923 г., сентябрь	45,7%
1924 г., март	47,8%
1924 г., сентябрь	51,4%
1924 г., март	58,3%

Но качество продукции при таком резком нажиме на рабочих сильно пострадало. Воспитание национальной производительности труда задача очень трудная, требующая целых десятилетий напряженной работы. В один-два года особенно значительных, а тем более прочных результатов получить нельзя. Неудивительно поэтому, что за последние месяцы замечается не только остановка в росте производительности труда, но даже некоторое ее падение. Производительность рабочего в день равнялась в рублях:

1924/25 г., апрель — июнь	6,04
1924/25 г., июль — сентябрь	5,98
1924/25 г., октябрь — декабрь	5,78

Во всяком случае, дальнейший значительный рост производительности труда вряд ли достигим. В этом направлении потенциальные возможности нэпа исчерпаны.

В минимуме теперь не трудовая сила, а капитал. В 1924/25 г. восстановительный процесс продолжался за счет емкости старого основного капитала промышленности, наследства дореволюционного времени. За период управления советской властью этот капитал в значительной своей части растрочен. Восстановление деятельности тех фабрик, работа на которых была остановлена и которые и сейчас находятся в состоянии консервации, вряд ли может быть достигнуто; их оборудование расхищено или пришло в негодное состояние. Действующие фабрики до последнего времени работали в убыток, «проедали» свои капиталы. При коммунистической политике, в период 1918—1920 гг., когда хозяйственный расчет в управлении фабриками принципиально отвергался, о ремонте машин и амортизации основного капитала никто не думал. Тогда жили наследством старого режима и о будущем не размышляли. После перехода к нэпу возник вопрос и о восстановлении основных капиталов. Но отчисления на амортизацию делались недостаточные, и шли они на

подкрепление оборотного капитала. Да и как можно было правильно амортизировать фабричные машины, если фабричная промышленность была убыточной и жила дотациями и кредитом из государственных банков?

Еще осенью 1924 г. было констатировано, что «на восьмом году революции мы еще не достигли безубыточности работы наших предприятий, а следовательно, продолжается проедание полученных нами с огромными жертвами капиталов^{*}. Известный хозяйственник Пятаков установил, что промышленные предприятия под влиянием революции «утратили свои амортизационные фонды. Как восполнить недостающие амортизационные фонды, как подойти к смене уже износившегося или изнашивающегося основного капитала? Нормальный процесс, процесс действительной амортизации, невозможен, потому что действительная амортизация привела бы к такому чудовищному увеличению себестоимости готового товара, которое сделало бы невозможным сбыт этого товара на рынке... Вот это-то и является центральной проблемой нашей промышленности на ближайшие годы^{**}.

В 1925 г. положение несколько улучшилось. Мы узнаем, что «в 1924/25 г. Большинство отраслей промышленности прекратило проедание своих основных капиталов и не только полностью использовало амортизационные средства данного года и часть неиспользованных амортизационных остатков прежних лет, но вложило в капитальные затраты часть своих прибылей и часть бюджетных ассигнований. По предварительным сведениям, капитальные затраты по всей государственной промышленности, подведомственной ВСНХ, выразились за 1924/25 г. в сумме 375—400 млн руб. До 1923/24 г. промышленность, не используя полностью своих амортизационных отчислений, обращала их в пополнение своих оборотных средств, в 1924/25 же г. замечается обратный процесс перехода части оборотных капиталов в основные»^{***}.

Это, конечно, шаг вперед, но много нужно сделать

^{*} Торгово-промышленная газета. 21 октября 1924 г.

^{**} Там же. 30 сентября 1924 г.

^{***} Экономическое обозрение. 1925. XII. С. 121.

таких шагов, чтобы поднять оборудование нашей промышленности хотя бы до уровня европейских требований, не говоря уж об американских.

А в результате, по утверждению советских хозяйственников, отменить монополию внешней торговли нельзя, ибо ее отмена привела бы к полному уничтожению советской промышленности, абсолютно не способной выдержать конкуренцию западноевропейской промышленности.

Однако, если советская промышленность лишена капиталобразующей способности, то ей, быть может, поможет обращение к кредиту? Но летом этого года на съезде управляющих филиалами Государственного банка было констатируется, что на частном денежном рынке учетный процент достигает 7—8% в месяц, до 84% в год *. По другим данным, в провинции в большинстве городов учет достигает 8—15%; в Петербурге — выше 15% **.

Поэтому в рамках существующих условий вряд ли можно ожидать значительного дальнейшего развития промышленности. Все вредные декреты коммунистического характера, ее касающиеся, уже отменены. Нэп дал все, что он мог дать. Теперь главной проблемой является привлечение частных капиталов в промышленность, чего нельзя достичь, не дав более широких прав частной собственности и частнохозяйственной инициативе и не поставив во главе капиталистических предприятий настоящих предпринимателей.

3. Данные об отдельных отраслях народного хозяйства очень показательны, но они охватывают обычно лишь немногие главные производственные группы и к тому же не учитывают относительный вес каждой отрасли в общей системе народного хозяйства. Поэтому они нуждаются в дополнении их данными о высоте народного дохода ***.

В Центральном статистическом управлении произведена чрезвычайно интересная работа о народном доходе советской России в 1923/24 г. Работа эта еще

* Экономическая жизнь. 28 июня 1925 г.

** Там же. № 33. 1926 г.

*** «Народный доход» — речь идет о национальном доходе, исчисляемом как разница между стоимостью произведенной продукции и затратами на ее производство. (Примеч. сост.)

не вышла из печати, но ее основные результаты опубликованы ее редактором П. И. Поповым в «Экономической жизни» (от 29 марта 1925 г.).

Исчисление это сделано в червонных рублях. Для удобства сравнений мы переведем его в рубли 1913 г., пользуясь индексом Госплана за 1923/24 г.: сельскохозяйственные продукты 1,37, промышленные товары 2,17, общий индекс 1,71.

Тогда мы получим следующую табличку национальной продукции СССР (в млн руб. и руб.):

Показатель	В червонных рублях	Индекс цен	В товарных рублях	На душу населения
Сельское хозяйство	5020	1,37	3664,2	27,3
Лесоводство и рыболовство	726,7	1,37	530,5	4
Промышленность	2629,9	2,17	1211,9	9
Транспорт	894,9	1,71	523,3	3,9
Строительное дело	— 54,4	1,71	— 31,8	— 0,2
Торговля	2444,1	1,71	1429,3	10,7
В с е г о	11661,2	—	7327,4	54,7

Насколько точен этот учет народного дохода? Такие учеты трудны и в мирное, нормальное время. Можно ли полагаться на этот учет, произведенный при том неустойчивом состоянии народного хозяйства, которое наблюдается сейчас в России, и при царствующих в ней порядках?

Наибольшие трудности представляет учет производительности сельского хозяйства. Попробуем проверить цифру его дохода, исчисленную Центральным статистическим управлением.

Прибегаем для этого к следующему приему. Доход от сельского хозяйства, начисленный в товарных рублях, очевидно, определяется в основной своей массе двумя моментами — площадью посева и урожаем. Пользуясь этими двумя моментами, мы можем исчислить вероятную величину народного дохода от сельского хозяйства на каждый год. Доход 1913 г. для территории СССР мы можем вычислить на основании

следующих данных: в 1913 г. на территории 50 губерний Европейской России, доход которых известен, жило 116,5 млн человек; а на территории СССР в этом году обитало 135,6 млн человек, на 16,4% более. Основываясь на этих данных, мы получим следующую примерную схему изменения народного дохода за последние годы:

Годы	Посевная площадь в млн десятин	Индекс	Урожай в пудах	Индекс	Общий индекс	Доход сельского хозяйства
1913	87,1	100	52,1	100	100	6553
1921	58,3	66,9	31,7	60,8	40,7	2667
1922	49,3	56,6	50,7	97,3	55,1	3611
1923	61,7	70,8	42	80,6	57,1	3742
1924	67,6	77,6	40,9	78,5	60,9	3991
1925	72,4	83,1	52,7	101,2	84,1	5511

Таким образом, для 1923/24 г. мы имеем по этому расчету 3742 млн руб. дохода от сельского хозяйства; а по расчету Центрального статистического управления — 3664,2 млн руб., на 2,1% менее. Большого совпадения цифр, полученных двумя столь различными способами, нельзя желать.

Итак, мы должны признать, что учет Центральным статистическим управлением произведен тщательно и добросовестно.

Однако против одной цифры в этом учете мы все же будем возражать, только по соображениям не методологического порядка, а иным. Мы имеем в виду цифру народного дохода от торговли.

По данным Центрального статистического управления, в 1923/24 г. торговые накладки достигали следующей высоты:

Показатель	Поступило на рынок, млн руб.	% накладки	То же без транспортных расходов
Продукция промышленности	6284,6	33,7	29,6
Продукция сельского хозяйства	2649,1	62,6	53,6
Всего	8933,7	39,7	36,8

Эти высокие наценки в розничной торговле привели к тому, что доход от нее достиг 19,5% всей суммы национальной производительности. Это — величина прямо-таки невероятная. Россия всегда была страной высоких торговых наценок; в 1913 г. доход от торговли достигал 8,3% национального дохода. Но нынешней высоты эти наценки могли достигнуть лишь под соединенным давлением монополии внешней торговли и отсутствия здоровой конкуренции во внутренней торговле.

Эти монопольные розничные цены ни в коем случае не могут считаться нормальной составной частью народного дохода. Если же мы примем для 1923/24 г. ту наценку в розничной торговле, которая практиковалась в дореволюционной России, тогда доход от торговли упадет до 4 руб. на душу, а весь доход — до 48 руб.

Итак, если в 1913 г. народный доход составлял на человека 101,3 руб., то в 1923/24 г. он упал до 48 руб. и составлял 47,4% дохода 1913 г. Такова мера падения производительных сил России после революции.

4. Хорошим показателем состояния народного хозяйства является работа железнодорожного транспорта. Вот данные о ежедневной погрузке вагонов и общем количестве перевезенных грузов в миллионах тонн:

Год	Погрузка вагонов		Общее количество грузов	
	млн т	%	млн т	%
1913	33 000	100	156,9	100
1920/21	—	—	34,8	22,2
1921/22	99 39	30,1	38	24,2
1922/23	11 683	35,4	57,8	36,8
1923/24	13 323	40,4	66,4	42,3
1924/25	17 401	52,7	82,9	52,9
1925, октябрь — декабрь	24 051	72,9	—	—

Вполне понятно, что восстановление работы транспорта несколько отстает от высоты послереволюционного народного дохода. Работа транспорта соответ-

ственно товарной части национальной продукции. А денежные отрасли народного хозяйства пострадали от революции гораздо более, чем натуральная часть народного хозяйства.

Очень важно признание, что «в области жилищного строительства и транспорта продолжается еще процесс растраты основного капитала» *.

Таковы основные данные о нынешнем состоянии народного хозяйства советской России по сравнению с тем уровнем экономического развития, которого достигла Россия перед началом мировой войны. Как показывают приведенные нами цифры, самый низший уровень экономического развала был пережит Россией в 1920 и 1921 гг. С тех пор под влиянием нэпа ее хозяйство начало понемногу восстанавливаться.

Но этот процесс хозяйственного восстановления идет очень медленно, с перебоями; ему на каждом шагу приходится преодолевать сопротивление враждебных сил. В этом отношении заслуживают внимания данные о нашей внешней торговле. С развитием народного хозяйства оно неизбежно вступает в международный обмен, и его участие в этом обмене тем значительнее, чем выше развиты его производительные силы. С этой точки зрения данные о внешней торговле России очень показательны (в млн товарных руб.):

Год	Привоз		Вывоз		Баланс
	руб	%	руб	%	
1913	1374	100	1520	100	+ 146
1920/21	201	14,6	10	0,7	- 191
1921/22	276	20,1	61	4	- 215
1922/23	148	10,8	133	8,7	- 15
1923/24	208	15,1	340	22,4	+ 132
1924/25	356	25,9	320	21,1	- 36
1925, октябрь — декабрь	119	34,5	118	31,1	+ 1

Как показывает эта печальная таблица, Россия в настоящее время перестала служить источником хлеба и сырья для Западной и Центральной Европы и утратила

* Контрольные цифры народного хозяйства за 1925/26 г. С. 41.

способность покупать ее промышленные изделия. Цифры торгового баланса нуждаются в существенной поправке: за последние годы контрабандный ввоз товаров достигает 70—80 млн руб. в год. Бездефицитен, следовательно, был один лишь урожайный 1923/24 год; все остальные дали значительный дефицит по торговому балансу.

В заключение мы должны еще привести основные статистические данные о финансах и денежном обращении советской России. Это — единственная отрасль хозяйственного управления, в которой достигнуты были значительные успехи. И достигнуты они были благодаря главным образом строгой экономии.

Если мы включим в государственный бюджет только приходно-расходный баланс по железным дорогам, почте и телеграфу, как чисто хозяйственным предприятиям, а не всю сумму их доходов и расходов, как это делает Комиссариат финансов, а также исключим отчисления в местный бюджет, то найдем, что за последние годы бюджет этот достигал следующих размеров (в млн руб.):

Год	В червонных руб.	В товарных руб.
1922 (9 мес)	—	537
1922/23	856,2	764,5
1923/24	1452,2	849,2
1924/25	1659,6	925,1

Чтобы уяснить себе характер политики финансового ведомства, сравним рост государственного бюджета с народнохозяйственными показателями за эти годы:

Год	Сельское хозяйство	Промышленность	Железнодорожный транспорт	Бюджет
1921/22	100	100	100	100
1922/23	135,4	124,6	152,1	106,8
1923/24	140,3	149,5	174,7	118,6
1924/25	149,6	251,6	216,1	129,2

Бюджет в своем росте определенно отставал от роста народного дохода. Эта разумная экономия дала

свои плоды: самая тяжкая форма налогового обложения, эмиссионный доход, составлявший в 1922 г. почти половину бюджета, в настоящее время отсутствует в советском бюджете. На первое место в нем выдвигаются косвенные налоги, как этому и быть надлежит в такой бедной стране, как Россия; с предстоящим восстановлением водочной монополии их значение в бюджете еще более возрастет. На 1925/26 г. доход от 40⁰-ной водки исчислен в 280 млн червонных рублей.

Интересно сравнить тягость налогового обложения в настоящее время и до войны (в млн руб.):

Год	Народный доход	Государственный бюджет	В %
1913/14	16 400	2134	13
1923/24	6 432	849,2	13,2

Норма обложения народного дохода оказывается приблизительно той же, как и до войны. Но население обеднело наполовину. Поэтому хозяйственная тяжесть налогового обложения в настоящее время значительно больше, чем до войны.

Устойчивое положение бюджетного хозяйства сделало возможной ликвидацию бумажно-денежной инфляции и введение устойчивой червонной валюты. На 1 января было в обращении денежных знаков на следующую сумму (млн товарных рублей):

1914	2403	1922	96
1917	2421	1923	109
1918	1177	1924	216
1919	266	1925	463
1920	65	1926	692
1921	44		

Размеры денежного обращения находятся в известном соответствии с количеством обращающихся товаров. Эта табличка лишний раз показывает, что самого глубокого упадка наша народнохозяйственная жизнь достигла в 1921 г. Затем спрос на деньги начал расти.

Сравнение размеров денежного обращения в

1923/24 г. и в 1913/14 г. дает следующие неожиданные результаты:

Год	Народный доход		Погрузка железнодорожных вагонов		Денежное обращение	
	млн руб	%	млн руб	%	млн руб	%
1913/14	16 400	100	33 000	100	2403	100
1923/24	6 432	39,2	13 323	40,4	216	9

Оказывается, количество денежного обращения, выраженное в относительных величинах, сильно отстает в 1923/24 г. и от высоты народного дохода, и от размеров железнодорожного транспорта. Объяснение этому явлению может быть дано только одно: население России так обнищало, что деньги в его карманах не залеживаются, и каждый рубль делает в четыре раза больше оборотов, чем в 1913 г.

Выпуск червонцев происходит в столь ограниченных размерах, что опасаться инфляции нет оснований. При бездефицитности советского бюджета червонцу могут угрожать только две опасности: очень большой дефицит по торговому балансу и война.

Итак, под влиянием нэпа наше народное хозяйство, несомненно, начало возрождаться. Производительные силы быстро росли, рос и народный доход.

Причины этого роста лежат не в каких-либо новых экономических началах, внесенных нэпом в наше народное хозяйство, а в ликвидации коммунистических начал, осуществленных в период 1918—1920 гг. и разрушивших наши производительные силы. Эти вредоносные начала в главной своей массе уже ликвидированы, так что нэп, по существу, исчерпал свою задачу, поскольку он сохраняет огосударствление крупной промышленности, внешней торговли и банковского дела. Не только изжиты его потенциальные возможности в этих рамках, но успело уже выявиться и внутреннее противоречие достигаемых им результатов тем целям и задачам, ради которых была введена система нэпа. Мы должны признать, что в период 1921—1925 гг. система эта дала положительные результаты. Промышленность, пользуясь оставшимся от дореволюционного времени оборудованием, была

за эти годы восстановлена в размере 60—70% ее довоенной величины. Но в настоящее время дореволюционное наследство исчерпано, и для дальнейшего ее роста необходим приток новых капиталов извне. Если эти капиталы не притекут, мы неизбежно будем иметь остановку в развитии промышленности и транспорта; энергично будет продолжать расти только сельское хозяйство, находящееся в руках 22 млн крестьянских дворов.

Между тем, судя по всем данным, при сохранении системы государственного капитализма русская промышленность этих капиталов не получит. Ведь взять их можно только у русских крестьян и иностранных капиталистов.

Иностранные капиталисты их не дадут, пока промышленность и банки не будут раскрепощены и пока не будет восстановлена свобода частнохозяйственной инициативы и право частной собственности. При этой реформе, само собою разумеется, интересы рабочих и могут, и должны быть ограждены рабочим законодательством; отмене подлежат лишь начала государственного капитализма.

Что же касается крестьян, то опыт осени 1925 г. показал, что их сбережения не так-то легко взять. Хороший урожай дал крупный прирост в народном доходе, и советская власть определенно рассчитывала апроприировать * эти избытки, свалившиеся с неба, и вложить в основные капиталы промышленности до 900—1000 млн руб. Крестьяне, однако, рассудили иначе. Они предпочли эти избыточные ценности сохранить в собственном хозяйстве; часть урожая пошла на восстановление запасов хлеба в хозяйствах, другая — на выращивание скота. В результате урожая 1925 г. основные и оборотные капиталы крестьянского хозяйства, несомненно, выросли, и притом значительно. А промышленность и транспорт не получили ничего. Таким образом, нэп не только перестал содействовать развитию промышленности и росту ее преобладания, но даже начал ему мешать. Тут уже мы вступаем в область классовой борьбы в советской России, к рассмотрению которой мы и перейдем.

* Апроприировать — лат. присвоить, завладеть. (Примеч. сост.)

Октябрьская революция уничтожила имущие классы дореволюционной России. В ней после революции остались только рабочие, крестьяне и служилый класс.

Рабочий класс сразу занял привилегированное положение. Коммунисты понимали, что единственной их опорой в крестьянской России могут быть рабочие. Рабочий класс должен был выделить из себя новый правящий слой, старших служащих в комиссариатах, командиров Красной Армии, директоров фабрик, председателей кооперативов. Экономическое и правовое положение рядовых рабочих, оставшихся на фабриках, должно быть радикально улучшено.

Осуществлению последней части этой программы помешало то падение производительности национального труда, которое являлось следствием попытки перестроить народное хозяйство на коммунистических началах. Особенно тяжелы были 1919 г. и 1920 г. После перехода к новой экономической политике положение начало быстро улучшаться. Мы располагаем следующими данными о высоте месячной заработной платы промышленных рабочих в товарных рублях — в последнем столбце, для сравнения, мы приводим данные о темпе роста производительности труда:

Год	Вся промышленность		Москва		Петербург		Производительность труда, %
	руб	%	руб.	%	руб	%	
1913	32,25	100	27,1	100	32	100	100
1922							
(9 мес)	9,35	29	11,37	42	10,78	33,7	48
1922/23	15,88	49,2	19,82	73,1	20,28	63,4	51,2
1923/24	20,75	64,3	27	99,6	26,11	81,6	56,9
1924/25	25,18	78,1	33,23	122,6	34,27	107,1	78,6

При этом всеобщем разорении, которое царит в стране, одни лишь рабочие в главных промышленных центрах — Москве, Петербурге, Иваново-Вознесенске — не только достигли довоенного уровня заработ-

ной платы, но и превысили его. В Москве на целых 22%

Но рабочие получают в настоящее время не одну только заработную плату. Промышленные предприятия не только оплачивают полностью все расходы по социальному страхованию и содержанию культурно-просветительных учреждений для рабочих, но и предоставляют рабочим даровые квартиры, бесплатное топливо, рабочую одежду, жиры, оплачивают расходы по найму и обработке огородов для рабочих, на бани и прачечные. В городах рабочие вносят квартирную плату только в размере текущих квартирных расходов по ремонту, к тому же по пониженным нормам; кроме того, имеют бесплатный проезд по трамваям на место работы и обратно. Эти прибавки, по некоторым данным, могут быть оценены в 20—30% от заработной платы.

Понятно, что такая высота заработной платы и дополнительных выдач ложится тяжелым бременем на промышленные предприятия и является одной из причин дефицитности промышленности. Чем острее становится вопрос о необходимости средств на замену изношенных и устаревших машин новыми, тем более косо смотрят фабричные управления на всерастущие требования рабочих. Отсюда разлад и антагонизм, приведшие за последние месяцы к довольно широкому стачечному движению со стороны рабочих и попытке остановить дальнейший рост заработной платы — со стороны администрации.

А рядом с этими привилегированными, имеющими работу и хороший заработок, за воротами фабрик теснится миллионная масса безработных. Их число равнялось в среднем за год:

в 1922/23 г.	962 000 человек
в 1923/24 г.	1 500 000 человек
в 1924/25 г.	1 250 000 человек

Чтобы ликвидировать безработицу, нужно восстановить промышленность в довоенных размерах. А для этого нужны деньги. Нужны они и для преодоления худосочия промышленности, слабого развития ее производительных сил, ее оранжерейного характера. Поэтому вопрос о притоке капиталов в промышленность

является очередной задачей момента. Но если денег не дают иностранные капиталисты, их можно получить только от крестьян.

Положение крестьян в годы революции было совсем иным по сравнению с положением рабочих. Рабочие все эти годы были любимым детищем власти; крестьяне были ее пасынком.

Октябрьский переворот передал им все частновладельческие земли, вместе с снятым с них хлебом и помещичьим инвентарем. Отобранные земли нужно было разделить между крестьянскими хозяйствами; их дележом крестьяне занимались 5 лет. Но затем, уже в начале 1918 г. обнаружились недостатки продовольствия в армии, в городах и на фабриках. А хлеб был, после ликвидации помещичьих хозяйств, только у крестьян. Получить его на мануфактуру и другие фабричные изделия было невозможно, потому что фабрики не отдавали производимые ими изделия центру, а распоряжались ими по собственному усмотрению, для удовлетворения нужд своих рабочих. Было решено (в марте 1918 г.) прибегнуть к насильственному отнятию хлеба у крестьян, под формою коллективного товарообмена. Хлеб должен был браться у средних и зажиточных крестьян, у которых только он и был, а фабричные изделия должны были равномерно распределяться между всем населением, независимо от того, давал тот или другой двор хлеб и сколько.

Этот коллективный товарообмен дал очень мало хлеба. Погрузка хлеба падала из месяца в месяц. В июне 1918 г. были организованы комитеты сельской бедноты, в задачи которых входило оказание содействия местным продовольственным органам в изъятии хлебных излишков из рук зажиточных крестьян. Одновременно началась организация вооруженных продовольственных отрядов из фабричных рабочих. По инструкции каждый отряд при отправке за хлебом должен был состоять не менее как из 75 человек при 2—3 пулеметах. Размеры этой продовольственной армии сильно колебались, от 20 до 45 тыс. человек. Работа рабочих отрядов оправдала ожидания советской власти; они отобрали у крестьян много хлеба. В феврале 1919 г. для урегулирования работы продовольственных отрядов был издан декрет о

продовольственной разверстке. Всего заготовлено было советской властью хлеба (млн пудов):

в 1917/18 г.	30
в 1918/19 г.	107,9
в 1919/20 г.	212,5
в 1920/21 г.	283,9

Таким образом, в «священной войне за хлеб» пролетарий одержал победу над крестьянином, город над деревней. Вооруженный поход за хлебом в деревню хотя и вызвал бесконечный ряд крестьянских восстаний, широко разлившихся по стране (в феврале 1919 г. в Москве говорили, что крестьянские восстания происходят в 64 уездах), но все эти движения крестьян скоро были подавлены, и победа осталась на стороне лучше вооруженных и организованных городских рабочих. Они сохранили за собою политическую и экономическую диктатуру, приобретенную в октябрьские дни. Внесение классовой борьбы в деревню путем организации комитетов бедноты позволило им национализировать весь доход крестьянского хозяйства. Если они не могли национализировать 18—20 млн крестьянских хозяйств, так как у них не было сил организовать в них производство на новых началах — как они сделали в национализированной крупной промышленности, — то они осуществили все же национализацию продукции этих 18—20 млн хозяйств.

Кроме отдачи всего хлеба крестьяне в годы коммунистической политики несли еще реквизиции скота, исполняли трудовую гужевую повинность и оплачивали эмиссию бумажных денег. Один советский экономист, А. Вайнштейн *, сделал недавно попытку учесть всю сумму этого налогового обложения, падавшего на крестьянские хозяйства, и определить, в каком отношении находилось это обложение к доходам сельского населения. Мы считаем, что первая задача — определение суммы налоговых изъятий — исполнена г. Вайнштейном вполне удовлетворительно. Напротив, вторая задача решена им неверно, ибо в одни годы доход крестьян он исчисляет по массовым данным, в другие — по бюджетным исследованиям, которые вообще дают повышенный учет этого дохода, а в годы

* Вайнштейн А. Обложение и платежи крестьянства. М., 1924.

революции эта преувеличенность данных тем более значительна. Если мы исчисляем доходы крестьян по массовым данным, пользуясь бюджетными данными только для учета заработков вне собственного хозяйства, то мы получим следующие величины при расчете на душу населения (в товарных рублях):

Год	Доход	Налогообложение	В %
1913	53,3	6,36	11,9
1918/19	32,4	6,9	21,3
1920/21	21,2	10,7	50,5

К концу коммунистической политики ни фабрики, ни железные дороги не приносили советской власти никакого дохода; она жила остатками запасов, доставшихся ей от старого режима, и поступлениями от крестьян. Так как все «излишки» сверх нужд собственного потребления отбирались у крестьян, то крестьяне перестали их производить. Их доход резко упал, и налоговое обложение достигло 50% их дохода. Тут терпение крестьян пришло к концу, и восстания крестьян в феврале 1921 г. в Западной Сибири и в Тамбовской и Саратовской губерниях сыграли большую роль в деле ликвидации коммунистической политики и перехода к нэпу.

После 1921 г. продовольственная разверстка была заменена хлебным налогом, гужевая повинность отменена, высота обложения крестьян налогами уменьшена. Для 1921/23 гг. данные о величине налогового обложения мы заимствуем у г. Вайнштейна, для 1924/25 г.— у В. Строгого * (в руб. на душу):

Год	Доход	Налогообложение	В %
1921/22	18	7,31	40,6
1922/23	26,2	7,05	26,9
1924/25	30,8	3,16	около 10

Цифры эти не могут претендовать на абсолютную точность; в революционное время очень трудно статистически учитывать все перипетии изменений в хо-

* Вестник финансов. 1925. № 10. С. 47.

зяйственных явлениях и процессах. Но основные линии изменений в положении крестьян схвачены ими верно.

В 1918/19, 1919/20 гг. крестьянин был рабом советской власти, отбиравшей у него все продукты его труда. Коммунисты говорили им: чего вы жалуетесь, ведь мы вам отдали помещичью землю; а хлеб отдайте нам. Крестьяне, однако, хотели иметь и землю, и хлеб. Их восстания и сокращение площади посевов принудили советскую власть к уступкам, к переходу к нэпу.

Но не следует преувеличивать значения этой победы крестьян. Отказавшись от их эксплуатации в порядке налоговом, советская власть прибегла к их эксплуатации в порядке частнохозяйственном. Обладая национализированною промышленностью, монополией внешней торговли и огосударствленной кооперацией, ей легко было это сделать.

Как изменялось положение крестьян на советском рынке, мы можем проследить только с конца 1922 г., когда была введена твердая червонная валюта.

Остановимся прежде всего на индексах оптовых цен сельскохозяйственных продуктов и фабричных изделий в некоторые показательные моменты времени (за основание взяты цены 1913 г., равные 100%).

Дата	В рублях		Относительная величина	
	сельское хозяйство	промышленность	сельское хозяйство	промышленность
1922 г., 1 сентября	144,1	156,6	95,9	104,2
1923 г., 1 сентября	88,8	275,7	56,7	176,2
1924 г., 1 мая	150,9	203,4	86,1	116,1
1924 г., 1 октября	136	198,6	82,8	120,9
1925 г., 1 апреля	197,9	190,6	101,7	98
1925 г., 1 июля	186,2	189,8	99	101
1925 г., 1 октября	155,6	194,9	89,3	111,9
1926 г., 1 января	169,4	198,2	92,4	108,1

До осени 1922 г. в советской России царил голод и цены на сельскохозяйственные продукты были выше цен на фабричные изделия. В августе 1922 г. урожай был превосходный и население перестало голодать. В 1922 г. произошел перелом: цены на промышлен-

ные изделия обогнали цены на продукты крестьянского хозяйства. Цены на сельскохозяйственные продукты пошли резко вниз. Но урожай следующего, 1923 г. был только удовлетворительный, и цены на хлеб опять пошли вверх; урожай 1924 г. был несколько хуже урожая предыдущего года, и цены продолжали расти. В 1925 г., несмотря на превосходный урожай, цены не упали, а даже повысились по сравнению с предыдущим годом. Таково было движение цен на сельскохозяйственные продукты.

Иначе развивались цены на фабричные изделия. Казалось бы, при быстром росте производительности фабричного труда в 1922—1924 гг. цены на фабричные товары должны были падать. На самом деле кривая этих цен носит совершенно иной характер. После августа 1922 г. они начали быстро расти и достигли к 1 октября 1923 г. своего максимума: их индекс в этот момент был равен 275, т. е. они стояли почти в 3 раза выше довоенных цен. А цены на сельскохозяйственные продукты стояли в это время ниже довоенных на 11 %. Получилась совершенно безудержная эксплуатация крестьян советскими промышленными трестами. Крестьяне перестали покупать железо, мануфактуру и прочие товары. Возник острейший кризис сбыта, приведший к резкому падению цен на фабричные изделия к весне 1924 г. Затем эти цены держались приблизительно на одном уровне, но относительно падали до весны 1925 г., когда три месяца цены на сельскохозяйственные продукты были выше цен на промышленные товары. Затем эти цены опять поднялись и зимой 1925/26 г. были выше сельскохозяйственных цен процентов на 20.

По этим данным, советская промышленность много заработала только в 1923 г. Но для крестьянского хозяйства важны не оптовые цены на промышленные изделия, а розничные. Свои продукты они продают по оптовым ценам или несколько ниже их, а покупают по розничным. Какие же наценки практикуются в розничной торговле в советской России?

Мы имеем сведения о розничных ценах в Москве и губернских городах; цены в сельских местностях никем не учитываются. По сведениям советской прессы, наценки в уездах вдвое превышают наценки в Москве. Разница между розничным московским и оп-

товым всероссийским индексом равнялась в % к оптовой цене:

Период	Оптовый индекс	Наценка в %	Розничный индекс
Январь — март 1923 г.	108,4	18,1	128
Апрель — сентябрь 1923 г.	138,6	21,4	168,2
Октябрь 1923 г. — март 1924 г.	170,6	19,3	203,5
Апрель — сентябрь 1924 г.	171,7	32	226,7
Октябрь 1924 г. — март 1925 г.	174,1	27,2	221,5
Апрель — сентябрь 1925 г.	184,7	20,2	222,1
Октябрь — декабрь 1925 г.	177,8	28,8	229

С 1 апреля 1925 г. ведется специальный учет накидок на оптовые цены в розничной торговле Москвы. В апреле — сентябре 1925 г. эти накладки составляли 39,7%, в октябре — декабре — 49,8% — были, следовательно, почти вдвое выше, чем показано в предшествующей табличке.

При исчислении народного дохода в 1923/24 г. процент накладки в розничной торговле в стране был принят Центральным статистическим управлением равным 42,3%.

Из всех этих данных мы можем сделать только два вывода: 1) накладки в рознице чудовищно велики и 2) в 1924 г. они выше, чем в 1923/24 г.

Причина этих высоких накидок лежит в высоте арендной платы за помещение, взимаемой городскими исполкомами, высоких местных налогов и дороговизне кредита, достигающей на вольном рынке до 15% в месяц. Большая часть торговой прибыли, собираемой торговцами с потребителей, идет в кассы городских управлений и на содержание непомерно разросшегося торгового аппарата внешторга и огосударственной кооперации.

В уже цитированном нами изложении итогов учета народного дохода в 1923/24 г. * П. И. Попов признает, что, по сравнению с довоенным капиталистическим строем, «удельный вес современной торговли возрос колоссально. И это увеличение удельного веса торговли не случайно,— именно в порядке торговли про-

* Экономическая жизнь. 29. III. 1925.

исходит и частное, и социалистическое накопление... В промышленности, при ее сравнительно пониженной производительности труда, с огромными издержками производства, огромной изношенностью машин и сооружений, нельзя в настоящее время искать глубокого и широкого источника социалистического накопления. Ни в транспорте, в котором 79% народного дохода поглощается издержками на труд и который нуждается еще в одной дотации, ни в строительстве, которое в настоящем, как губка, впитывает средства государства и местного хозяйства, но которое еще не может давать никакого дохода. Поэтому торговля при нэпе, являясь аппаратом распределения, является вместе с тем в руках государства и частных лиц аппаратом накопления».

П. И. Попов правильно начал свой анализ, но прервал его посередине и потому получил лишь наполовину верный вывод. Торговля сама не может создавать новых материальных благ, она лишь перераспределяет те блага, которые произведены в других отраслях народного хозяйства. Если в промышленности, транспорте и строительном деле избыточные ценности не производятся, то их источником, очевидно, может быть только сельское хозяйство, все целиком находящееся в руках крестьян. Высокие наценки в розничной торговле, как и высокие оптовые цены на промышленные товары, являются средством эксплуатации крестьянина на нужды местного управления и «социалистического накопления».

Следовательно, в области розничной торговли идет сейчас борьба между крестьянином и советской властью за производимые в крестьянском хозяйстве ценности. Власть хочет их экспроприировать. Крестьянин их не дает и прибегает для этого к бойкоту советской торговли — не продает хлеба, не покупает мануфактуры и железа. Он предпочитает хлебом кормить скот, ибо скот является наиболее ценною частью имущества крестьянского двора. Крестьянин стремится осуществить дело накопления национального капитала в своем собственном хозяйстве и совсем не хочет, несмотря на все любезности и улещивания, отдавать произведенные им избытки в руки советских торговцев и стоящей за их спиною советской власти.

Это настроение крестьян ярко сказалось минувшей

осенью. Несмотря на хороший урожай, они не продавали хлеба и не покупали советских товаров. Они хотели накапливать произведенные ими ценности в собственном хозяйстве. Отсюда просчет советских хозяйственников и тяжелый кризис советской промышленности. Цены на хлеб, несмотря на превосходный урожай, стоят значительно выше прошлогодних, а в потребляющей полосе, кроме того, растут значительно быстрее прошлогоднего. Весною надобно ждать чрезвычайно высоких цен на хлеб. Уездные цены в червонных копейках за пуд на первое число каждого месяца равнялись:

Месяц	Рожь — потребляющая полоса		Рожь — производящая полоса		Пшеница — производящая полоса	
	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26	1924/25	1925/26
Сентябрь	108	115	83	99	158	135
Октябрь	91	127	77	108	113	146
Ноябрь	99	143	80	112	107	144
Декабрь	104	154	84	111	109	147
Январь	111	176	92	129	116	157
Февраль	125	—	109	—	133	—
Март	158	—	137	—	155	—
Апрель	217	—	174	—	198	—
Май	205	—	187	—	222	—

Советские газеты осенью горячо старались убедить крестьян, что весною цены упадут. Мы не только не видим никаких признаков падения, но рост цен, на наш взгляд, приобретает угрожающий характер.

Перейдем к последней форме эксплуатации крестьян — монополии внешней торговли.

Об экономической стороне организации привоза товаров мы не имеем достаточных сведений. Мы знаем лишь, что качество ввозимых Внешторгом продуктов чрезвычайно низко. Об экономической стороне вывоза мы находим в высшей степени ценные сведения в советском экономическом журнале «Экономическое обозрение», в 10-й книжке за 1925 г.

М. Кауфман приводит там в высшей степени интересные данные о высоте покупной цены главных предметов нашего экспорта, накладных расходов и при-

были экспортера — все эти величины в % от продажной цены на заграничном рынке. До войны покупная цена, в % от продажной, достигала следующей высоты:

Пшеница	85,8
Рожь	87,9
Лен	78

В 1922/23 г., год хорошего урожая, относительная высота покупной цены чудовищно упала, накладные расходы и прибыль экспортера — самого Внешторга — чудовищно возросли:

Наименование	Покупная цена	Накладные расходы	Прибыль
Хлеб	20,5	26,5	53
Лен	34	17	49
Пушнина	30	16	54
Щетина	42	13	45

Попав в тиски монополии Внешторга, производитель хлеба и сырья стал получать вместо 80%—85% заграничной цены, которые он получал раньше, при капиталистическом строе хозяйства, только 20—40%. Внешторг стал брать прибыль в 45—54% и вогнал накладные расходы в 13—26% продажной цены. Конечно, такая организация торговли удержана быть не могла, и в следующем, 1923/24 г., год среднего урожая, мы имеем уже существенно иное распределение цены экспортируемых товаров:

Наименование	Покупная цена	Накладные расходы	Прибыль
Пшеница	73,3	41,3	Убыток
Рожь	56,7	50,3	Убыток
Лен	48,4	45	6,6
Белка	71	—	—

За один год доля крестьянина-производителя поднялась почти вдвое, накладные расходы увеличились ровно вдвое, а Внешторг получил убыток. Осенью 1925 г. при превосходном урожае — новые существен-

ные изменения в соотношении элементов продажной цены:

Наименование	Покупная цена	Накладные расходы	Прибыль
Пшеница	66,4	25	8,6
Рожь	67,8	37,7	Убыток
Лен	66,7	25,2	8,1
Белка	65,9	24,4	9,7

Накладные расходы понижены в среднем на 35%, покупные цены повышены только на 7%, прибыль Внешторга утверждена на довольно высоком уровне. Хотя доля производителя в цене продукта и возросла, но ей все же далеко еще до той высоты, на какой она стояла при довоенной организации внешней торговли.

При монопольной организации внешней торговли советская власть оказывается заинтересованной в снижении цен на продукты крестьянского хозяйства. Эта заинтересованность ясно обнаруживается при сопоставлении вольных цен на хлеб в производящей полосе с ценами заготовительных органов. Возьмем октябрь 1924 и 1925 гг. (цена в копейках):

Период	Цена ржи, коп		Цена пшеницы, коп	
	вольная	заготовительная	вольная	заготовительная
1924 г., октябрь	77	53	113	89
1925 г., октябрь	108	75	146	119

Но заготовочные цены — правительственные. Правительство их установило, оно за них и отвечает. Крестьянин прекрасно видит, как советская власть всячески стремится понизить цены на продукты его труда и скупить их за бесценок. То перераспределение народного дохода, которое производится советской торговлей, как внутренней, так и внешней, в высшей степени убыточно для крестьян. Они это видят и делают политические выводы из своих наблюдений. Отсюда та неустанная борьба, которую ведут крестьяне против советской власти за повышение цен на продук-

ты их хозяйства и понижение цен на продукты промышленности.

Время, когда можно было их безгранично эксплуатировать, прошло безвозвратно. Ни путем реквизиций и обложения, ни путем торговли у них не отберешь продукты их труда. Применению насильственных мер к крестьянам помешает Красная Армия, после восстановления всеобщей воинской повинности ставшая крестьянской армией. Недаром Троцкий как-то сострил: Красная Армия похожа на редиску, она красна только снаружи. Поэтому советская власть должна отказаться от мысли развивать государственную промышленность за счет избытков, производимых в крестьянских хозяйствах. При таком характере социальных отношений внутри СССР дальнейшее сохранение нэпа грозит создать совершенно невыносимое для советской власти положение. Крестьянское хозяйство будет крепнуть и расти, быстро умножая свои капиталы; крупная промышленность замрет на нынешнем низком уровне, работая с изношенными и устарелыми машинами. Но экономическая мощь рано или поздно приведет к овладению политической властью. Политические и экономические требования идущего к власти класса могут быть осуществлены двумя путями. Или путем приспособления, или путем революции.

Кризис 1921 г., в результате которого был введен нэп, был кризисом упадка народного хозяйства; как следует из нашего анализа, кризис 1925/26 г. является кризисом его роста. Поэтому борьба будет протекать теперь в иных формах, чем в 1921 г.

Но результаты этой борьбы между классами крестьян и промышленных рабочих предрешены. Все козыри в руках крестьян. Перед ними ровный путь дальнейшего развития производительных сил их хозяйства; для этого им достаточно тех свобод, которые принес с собою нэп. Крупная промышленность как более высокая хозяйственная форма нуждается в большем. Ей нужен свободный приток капиталов, свобода частнохозяйственной инициативы, неприкосновенное право частной собственности. Нынешняя система государственного капитализма, отрицающая эти права, обрекает в недалеком будущем крупную промышленность на застой, города — на дальнейшее падение

их значения, всю страну — на рустификацию *. Заграница не даст капиталов промышленности, в которой коммунисты играют роль капиталистов, а инженеры отнесены к разряду подозрительных лиц, за которыми нужен глаз да глаз. Русская промышленность была отсталой и до войны. Пока коммунисты после Октябрьской революции насаждали коммунизм, а потом при нэпе выпалывали его, европейские и американские предприниматели и инженеры занимались делом, и между техникою русской и европейской, не говоря уже об американской, образовалась глубокая пропасть **. Давать деньги на подправку заведомо нежизнеспособных предприятий никто не будет. Капиталист, давая деньги, хочет иметь уверенность, что они будут приносить доход. Этой уверенности в государственной промышленности, руководимой большевиками и советскими чиновниками, у него быть не может.

Между тем проблема привлечения новых капиталов в промышленность становится центральной проблемой хозяйственной политики советской власти. Дело тут не только в исчерпании основного капитала, оставшегося от старого режима, и изношенности и устарелости работающих машин. Политика советской власти все время была проникнута промышленным протекционизмом, ибо в крупной промышленности, ее работе и процветании она видит материальную основу своего существования. Монополия внешней торговли является крайним выражением этого протекционизма. Советская власть рассчитывала, что с помощью нэпа ей удастся обеспечить крупной промышленности доминирующее положение в русском народном хозяйстве. Оказалось, что крестьянское хозяйство как более элементарная форма, меньше пострадавшая при коммунистической политике, при нэпе сделало колоссальные успехи. Чтобы избежать экономического, а потом и политического засилья крестьян, власти нужно пойти на дальнейшие уступки, которые способны были бы привлечь иностранные капиталы: дать

* Рустификация — огрубление. (Примеч. сост.).

** См. статью С. Молчанова «Техническое состояние и издержки производства советской промышленности в «Социалистическом хозяйстве». 1925. кн. V.

простор частнохозяйственной инициативе, утвердить право частной собственности, заменить ряженных капиталистов настоящими и т. д. Поэтому переход к третьей системе экономической политики неизбежен — хотя бы и завуалированный в прозрачные демагогические покрывала.

Нам остается еще сказать несколько слов об остальных классах советской России. Третьим классом является класс служилых людей — в гражданском управлении, суде, армии, национализированной промышленности, государственной торговле, огосударствленных кооперативах. В социальной борьбе его роль ничтожна, и мы можем дальше о нем не распространяться.

Четвертым классом является зародившийся при нэпе класс частных торговцев и предпринимателей. Его зародышевою формою были мешочники при коммунистической политике — энергичные и предприимчивые люди, ездившие в 1918—1921 гг. на юг и восток за хлебом, крупкою, маслом, яйцами и т. д. и привозившие все эти продукты на север, главным образом в Москву и Петербург, в своих мешках. Многим из них приходилось ехать в стужу на крышах вагонов. Но без них в эти голодные годы население Москвы и Петербурга не выжило бы.

С переходом к нэпу мешочничество развернулось в настоящую торговлю. На долю частной торговли падает следующий процент торговых оборотов:

в 1923/24 г.	41,6%
в 1924/25 г., 1-я половина	29,1%

В розничной торговле роль частной торговли приблизительно в 3 раза более значительна, чем в оптовой. Кроме торговли главным прибежищем частнохозяйственной инициативы является мелкая промышленность, ремесленная и кустарная. В ней на долю частных производителей приходилась следующая часть производства:

в 1923/24 г.	84,6%
в 1924/25 г.	84,4%

В крупной промышленности роль частных предпринимателей, арендующих фабрики, совершенно ничтожна; по размеру производства она равнялась:

в 1923/24 г.	4,3%
в 1924/25 г.	3,6%

Концессий иностранным предпринимателям было выдано:

до конца 1922 г.	18%
в 1923 г.	44%
в 1924 г.	25%
в 1925, до 1 октября	23%

Из этих 110 концессий 22 прекратили свое действие, остаются в силе 88. Капитал, вложенный концессионерами в эти предприятия, составляет 25 млн руб. В области горного дела дано 13 концессий, обрабатывающей промышленности — 17, транспорта и связи — 12, торговли — 26, сельского хозяйства — 13, лесного дела — 6.

Очевидно, класс частных предпринимателей и торговцев находится еще в процессе зарождения и первичного сложения. Он также пока не играет никакой роли в социальной жизни СССР. Но в ближайшее время ему предстоит сильно разрастись и окрепнуть. В высших хозяйственных учреждениях Москвы существует проект предоставить частным лицам право открывать мелкие промышленные заведения (до 20 рабочих) в явочно-регистрационном порядке, средние (до 100 рабочих) — в разрешительном, крупные (свыше 100 рабочих) — в концессионном.

Таковы классы, существующие в современной России, и характер существующих между ними отношений. Конечно, крестьянство само заинтересовано в развитии крупной промышленности как одном из ценнейших элементов национальных производительных сил. Именно поэтому тот искусственный антагонизм, который создан диктатурой пролетариата и системой государственного капитализма между крестьянством и рабочим классом, должен быть в национальных интересах изжит возможно скорее.

С. Кон

Из «Русского экономического сборника» (Прага, 1926, кн. IX).

ОПЫТ СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ *

Напечатанная в «Воле России»... статья А. В. Пешехонова «Опыт национализации», вызвавшая уже оживленные отклики в печати, представляет из себя попытку решительного пересмотра привычной в зарубежной печати отрицательной оценки экономических результатов опыта советской национализации. Эта отрицательная оценка, по мнению А. В. Пешехонова, лишена всякой объективности и продиктована главным образом эмоциональным моментом — ненавистью к большевикам.

<...>Разделяя в значительной мере привычное в «эмигрантской» печати отрицательное отношение к итогам большевистского опыта, я считаю необходимым подвергнуть некоторому разбору тезисы и аргументацию А. В. Пешехонова.

При этом разборе я постараюсь быть возможно объективным и думаю, что, несмотря на мою эмигрантскую природу, это для меня не так уже недости-

* По поводу статьи А. В. Пешехонова — видного публициста, статистика, одного из лидеров партии народных социалистов, бывшего министра Временного правительства — «Опыт национализации», опубликованной в нескольких номерах народнического журнала «Воля России» в 1926—1927 гг. в Праге (VII—IX, X, XII). Эта статья вызвала широкую дискуссию среди эмигрантов-экономистов. По мнению автора, предубежденное отношение эмиграции к советскому хозяйству основано не на изучении объективных фактов, а на ненависти к большевикам. Между тем государственное хозяйство справилось с задачей восстановления разрушенного народнохозяйственного организма лучше, чем могло бы справиться при данных условиях частное хозяйство. Идея национализации, по мнению А. В. Пешехонова, в советских условиях себя блестяще оправдала. (Примеч. сост.)

жимо. Дело в том, что мое отношение к существующему в России политическому строю и к создавшим его и стоящим у власти людям в очень малой степени зависит от оценки экономических итогов их опытов. Если бы я вместе с А. В. Пешехоновым пришел к выводу, что эти опыты увенчались поразительным успехом, это мне не помешало бы продолжать видеть в теперешнем политическом строе России тяжкое ярмо, устранение которого должен желать всякий, кому дороги свобода и достоинство человека. Никакие экономические успехи, если бы они и в самом деле были достигнуты, не могли бы компенсировать тот глубокий ущерб в духовной жизни (интеллектуальной и моральной), который связан для России с существующим политическим строем.

Во-вторых, я не придаю экономическим фактам столь решающего значения для того оборота, который примут политические события. Пути, ведущие от экономики к политике, не столь просты и кратки, и точно так же, как экономический крах не обеспечивает политического падения власти, так и экономическое благополучие не всегда содействует ее долговечности.

Наконец, еще одно обстоятельство усиливает мои шансы на достижение объективности и даже, пожалуй, дает мне в этом смысле некоторые преимущества перед А. В. Пешехоновым: как он сам признается, его в данном случае интересуют не только факты, но и принцип: «издавна дорогой» для него принцип национализации. Собственно, во всей своей работе он ищет оправдания этого дорогого для него принципа национализации *. Для меня, как и для А. В. Пешехонова, дорога идея устранения «социальных зол», свойственных существующему общественному укладу, но принцип национализации как годное средство устранения этих зол есть для меня проблема (как он есть сейчас проблема для очень многих, разделяющих эту принципиальную позицию по отношению к существующему общественному строю).

* Отметим, что, как видно из контекста, под национализацией А. В. Пешехонов понимает переход собственности или собственности и управления хозяйством в руки государства. В дальнейшем мы тоже будем придерживаться этого понимания.

Между тем желание оправдать принцип национализации налагает известную печать субъективизма на весь анализ А. В. Пешехонова. Так, все успехи советского хозяйства он без колебаний ставит в кредит принципу национализации, рассуждая, что если «даже в этих условиях» принцип национализации привел к успехам, то тем более он бы к ним привел в других условиях. Во всех же неудачах советского хозяйства он наперед считает принцип национализации неповинным, имея для него наготове ссылку на неблагоприятные условия. И то и другое рассуждение не вполне убедительно: требует еще доказательства, что наряду с неблагоприятными условиями в обстановке советского опыта не было благоприятных (одно то, что опыт был проведен в стране самодовлеющей в смысле предметов питания, имеет огромное значение), с другой стороны, чрезвычайно трудно в каждом данном случае с уверенностью утверждать, что данный отрицательный результат национализации был связан именно с конкретной обстановкой данной страны, а не с некоторыми свойствами самого принципа национализации.

Субъективизм А. В. Пешехонова сказывается и в следующем. Казалось бы, под «опытом национализации» в России следовало бы разуместь весь опыт национализации от введения ее в течение 1918 г. вплоть до настоящего времени (различая в нем, конечно, до-нэповскую фазу, названную большевиками задним числом «военным коммунизмом», и фазу нэпа). Но А. В. Пешехонов почти на всем протяжении своей статьи под опытом национализации разумеет только фазу новой экономической политики, как если бы мы в период «военного коммунизма» не имели дела с национализацией, и притом с национализацией, проведенной значительно последовательнее, чем в период нэпа! Как всем известно, национализирована была тогда (по крайней мере, формально) вся промышленность, как крупная, так и мелкая, транспорт, торговля внешняя, торговля внутренняя (вернее, дело снабжения потребителей всеми предметами потребления), банки, земля, продукты сельскохозяйственного производства, городские недвижимые имущества и даже все движимое имущество граждан. Управление хозяйством производилось чрезвычайно централизованно, через

чиновников, в положении которых не было никаких моментов, отличающих их от обычных «fonctionnaires d'Etat» *.

Переход к нэпу означал существенное ограничение принципа национализации в пользу частногохозяйственных принципов, как в смысле ограничения числа подлежащих национализации отраслей хозяйства и объектов, так и количества и размеров национализированных хозяйств в каждой отрасли, так, наконец, и в смысле ограничения чистоты «чиновного» управления хозяйством и придания руководителям предприятий прав и положения, более близких к правам и положению частных хозяев.

Правда, национализация в донэповский период сочеталась еще с некоторыми элементами «потребительского коммунизма» (уравнительное обеспечение рабочих независимо от производимой ими работы), которые были устранены или ограничены в период нэпа. И если А. В. Пешехонов под опытом национализации понимает только вторую стадию ограниченной национализации, то в основе этого лежит, видимо, молчаливая предпосылка, что та хозяйственная катастрофа, которая наступила в донэповский период, была вызвана именно указанными элементами потребительского коммунизма, а не принципом национализации. Но разве можно доказать это положение? Наоборот, скорее можно показать, что первые толчки к тем порочным кругам, которые привели к катастрофе, исходили от расстройств национализированной промышленности, в которой не последнюю роль сыграли неуклюжесть бюрократического аппарата управления ею, характерный для национализации чиновный принцип управления, отсутствие ответственности и заинтересованности у чиновников, поставленных на месте бывших хозяев предприятий; и что наиболее важным дальнейшим звеном в цепи разрушительных влияний была национализация продуктов сельскохозяйственного производства (знаменитая «продразверстка»).

Положение таково: до нэпа была последовательная национализация в сочетании с элементами эгалитарного потребительского коммунизма — и наступила хо-

* Государственные служащие (фр.— Примеч. сост.).

зяйственная катастрофа. При нэпе мы имеем ограничение национализации и отступление от потребительского коммунизма в пользу «буржуазных» принципов; в итоге значительное улучшение хозяйственного положения. Казалось бы, с точки зрения оценки принципа национализации в целом, причем естественно было бы прежде всего поставить вопрос о том, не явилось ли, между прочим, и ограничение принципа национализации одной из причин улучшившегося экономического положения. И если это так, то, стало быть, то, что осталось от принципа национализации, лишь не мешает, но, во всяком случае, не содействует хозяйственному восстановлению? А поскольку хозяйственное положение все-таки еще не вполне благополучно (ущерб, нанесенный народному хозяйству, восполнен, по признанию А. В. Пешехонова, еще не весь, а лишь «в большей части»), то, может быть, то, что осталось от принципа национализации, даже мешает полному благополучию?

Я не отвечаю сейчас положительно на эти вопросы. Я хочу лишь подчеркнуть, что всех этих вполне естественных вопросов (отбросить которые можно было бы только на основании соответствующих доказательств) А. В. Пешехонов вовсе не ставит. Он просто отрывает вторую часть опыта — нэп — и называет ее «опытом национализации», как будто национализация только тогда и явилась на свет. И все хозяйственное улучшение нэповского периода ставит в положительную связь с принципом национализации, который-де «блестяще себя оправдал». Правда, он много говорит по каждому поводу о том, что частное хозяйство в том же положении действовало бы значительно хуже. Но такие гипотетические суждения ведь особенной доказательностью не отличаются. Сам Пешехонов где-то признает по этому поводу, что трудно спорить о том, что было бы, кабы...

Я бы понимал, если бы А. В. Пешехонов сказал прямо: никакой «принцип национализации» меня не интересует; интересует меня успех того конкретного сочетания ограниченной национализации с частно-хозяйственными, буржуазными элементами, которые мы имеем перед собою в лице нэпа; притом успех его — в той конкретной исторической обстановке, в которой оно имело место. Но он так вопроса не ста-

вит; его выводы бьют значительно дальше такой скромной постановки проблемы. А если это так, то и предмет наблюдения должен быть очерчен шире.

Памятуя об этих границах возможных выводов, последуем все же за А. В. Пешехоновым в его анализе того ограниченного объекта, который он привлекает к рассмотрению, т. е. попросту итогов нэпа.

Сосредоточим прежде всего свое внимание на положении национализированной сферы хозяйства или, как любят говорить большевики, «государственного сектора» в народном хозяйстве, и, прежде всего, государственной промышленности. В первой части своей статьи А. В. Пешехонов приводит ряд цифровых показателей, заимствуемых им главнейше из трудов московского Конъюнктурного института и рисующих быстрый рост производства и вообще объема работы национализированных отраслей хозяйства за годы нэпа. При этом за основу сравнения принимаются годы максимального разрушения русского народного хозяйства и показывается, что объем работы соответствующих отраслей вырос к 1925/26 г. в 3, в 4 раза. Оспаривать этих цифровых показателей не приходится: увеличение в несколько раз по сравнению с 1920/21 г. объема производства государственной промышленности, объема работы транспорта, воссоздание в значительной мере почти уничтоженных торговли и кредита не подлежит сомнению. Две только более или менее существенные поправки следует внести к цифрам А. В. Пешехонова (мелких вносить не стоит). Наиболее благополучной по его изложению является государственная промышленность, производство которой уже в 1925—1926 гг. достигло довоенного, между тем как в других областях объем полезной работы еще более или менее отстает от довоенного. Утверждение относительно промышленности не совсем верно: физический объем производства государственной промышленности в целом по новейшему индексу того же Конъюнктурного института (см. Бюллетень Конъюнктурного института № 11—12; 14 апреля 1926 г.) составил в 1925/26 г. 86 % довоенного, причем если для так называемой легкой промышленности он составил 104,9 %, то для тяжелой промышленности (вырабатывающей основные средства производства) он составил только 68,1 %.

Еще существеннее вот что: А. В. Пешехонов совсем не упоминает в этой связи о внешней торговле; между тем это есть самый слабый пункт в количественных достижениях нэпа: по тому же источнику индекс объема импорта по сравнению с довоенным временем для 1925/26 г. равен всего 34 %, а экспорта — 29 %. На значении этого факта мы подробно остановимся в дальнейшем *.

Но за всем тем, повторяю, быстрый и значительный рост объема работы большинства отраслей государственного хозяйства не подлежит сомнению. Однако так ли уже надо поражаться этому факту? Ведь в период «военного коммунизма», благодаря экономически-губительным принципам организации хозяйства, объем его полезной работы упал неслыханно низко. Достаточно сказать, что промышленное производство опустилось до 15 % довоенного. Промышленность, можно сказать, почти бездействовала. Но технический остов ее — здания, оборудование — продолжал существовать, хотя он в известной мере и изнашивался. Когда были ограничены наиболее нелепые, наиболее губительные принципы организации хозяйства, — централизованно-чиновное управление предприятия-

* Еще одна поправка. А. В. Пешехонов обращает внимание на быстрый рост оборотных капиталов промышленности, которые удалось «собрать и накопить» советской власти. Он исходит из первой цифры оборотных капиталов государственной промышленности на 1 октября 1922 г. в сумме 579 млн руб. и сравнивает с нею сумму в 1500 млн, которую промышленность располагала уже к концу 1924/25 хозяйственного года. Цифры оборотных капиталов советской промышленности вообще чрезвычайно противоречивы и ненадежны и нужно ими оперировать с большой осторожностью. Но специально первая цифра 1922 г., из которой исходит А. В. Пешехонов, совершенно непригодна для пользования. Вот что по этому поводу говорит автор специального исследования о «динамике капиталов промышленности Союза», М. Браун («Социалистическое хозяйство», кн. IV, 1926, с. 170): «Первая дата советского периода, на которую имеются данные о размерах средств промышленности, — 1 января 1923 г. Соответствующих данных на предшествующую отчетную дату — на 1 января 1922 г. — нет. По промышленности союзного значения сводный баланс на 1 января 1922 г. был, правда, составлен, но, считаясь с крайне неудовлетворительным состоянием учета в 1921 г. и с тем, что этот баланс не был никем рассмотрен и утвержден, ВСНХ счел возможным опубликовать его лишь в относительных величинах». Первая цифра, которой названный автор считает возможным пользоваться, есть, таким образом, цифра на 1 января 1923 г. и равна 1109 млн руб. (с. 173).

ми, при котором снабжение их, а стало быть, и ход дела нимало не зависели от непосредственной администрации данного промышленного заведения, а зависели всецело от далекой и неповоротливой центральной бюрократической машины, далее, когда был устранен уравнительный «собесовский» принцип вознаграждения за труд независимо от того, сколько и как человек трудится,— тогда, естественно, этот праздно стоящий технический остов должен был вновь заработать; а так как точка, до которой упала была его работа, была очень близка к нулю, то по отношению к той точке этапы восстановления его работы должны были выражаться очень значительными относительными величинами. Ведь речь шла лишь о постепенной «загрузке» готового аппарата, а не о строительстве нового. С проблемой недостаточности оборудования, близившегося к полной нагрузке, советское хозяйство по настоящему впервые столкнулось лишь в 1924/25 хозяйственном году. До того оно спокойно расширяло производство, втягивая в производственный процесс все новое, бездействовавшее ранее оборудование и даже очень мало затрачивая на его ремонт.

Во втором факторе производства — рабочей силе — промышленность до 1924/25 г. и даже, вернее, до 1925/26 г. тоже особенного недостатка не ощущала. По крайней мере, впервые в 1924/25 г. этот вопрос, главным образом в отношении квалифицированных рабочих, стал серьезно привлекать внимание советской печати.

Правда, в донэповский период кадры промышленных рабочих в значительной мере рассеялись по деревням. Но количество их уменьшилось не в той мере, в какой упало производство. По новейшим расчетам «Бюллетеня Конъюнктурного института» (№ 11—12, 1926, с. 31), «в 1921 г., с которого начался процесс промышленного подъема, объем продукции составил 15—20 % довоенного и, таким образом, производительность труда составляла примерно около 30 % довоенной». Эта сокращенная так сильно производительность труда означала тоже в некотором смысле резерв для промышленности (подобный резерву в бездействовавшем оборудовании): ясно, что индивидуальная производительность рабочего могла стоять так неслыханно низко лишь тогда, когда рабочие под влиянием специ-

фических условий вознаграждения, созданных «военным коммунизмом», а именно полной независимости вознаграждения от затраты труда, занимались чем угодно, но не работою для своего предприятия; и восстановление зависимости оплаты от труда должно было сейчас же повысить их производительность. За счет этого повышения производительности наличного кадра рабочих, даже без притока рабочей силы со стороны, промышленность уже могла в первое время значительно увеличить свое производство. Но и приток рабочих не заставил себя ждать: его в особенности стимулировал голод 1921/22 г., сведший временно на нет продовольственные преимущества деревни перед городом. Что касается роста производительности труда, то, помимо изменения условий оплаты труда, он был естественным, если угодно, автоматическим последствием того факта, что загрузка промышленного оборудования увеличивалась. Предоставим по этому поводу слово автору годовичного обзора промышленности в «Бюллетене Конъюнктурного института», № 11—12, 1926 г.

«При анализе производительности труда в наших условиях обычно весьма малое значение придается тому факту, что рост этого показателя, быть может, больше, чем какого-либо другого, носит «восстановительный» характер. Этот восстановительный характер роста производительности труда определяется тем, что условия использования труда в промышленном производстве, а следовательно, и самый уровень производительности труда, находятся в теснейшей зависимости от степени использования рассчитанной технической мощности отдельных работающих предприятий или от их загрузки; поскольку «восстановительный процесс» мыслится как процесс развертывания производства за счет ранее накопленных основных капиталов, за счет увеличения степени использования наличной технической мощности отдельных предприятий, постольку наличие этого процесса само по себе, независимо от действия других факторов, должно увеличивать производительность труда...»

«Наша крупная промышленность, весьма сильно концентрированная, состоит из предприятий, рассчитанных на большую мощность; такие крупные предприятия не могут рационально использовать занятую в

них рабочую силу при неполной загрузке предприятий, так как они не могут сокращать свой рабочий состав пропорционально сокращению нагрузки предприятия. Таким образом, сама структура нашего промышленного производства оказывала сильное влияние на степень использования рабочей силы при сокращении нагрузки предприятий. Кроме того, предприятия частично намеренно удерживали рабочих (главным образом квалифицированных) при сокращении производства, так как увольнение их создавало бы угрозу распыления кадров рабочего класса, которые потом было бы весьма трудно вновь собрать».

«Эти обстоятельства обуславливают то, что начавшийся в 1921 году процесс роста производительности труда происходил за счет двоякого рода факторов, имевших неодинаковое значение в разные периоды; такими факторами являлись, с одной стороны, рост индивидуальной производительности рабочего, стимулировавшийся главным образом условиями оплаты труда, и, с другой стороны, рост общей (средней по предприятию для всего рабочего персонала) производительности труда под влиянием увеличения нагрузки предприятия и приближения объема его работы к первоначальной рассчитанной мощности. Второй из этих факторов и связан самым непосредственным образом с наличием «восстановительного процесса» в промышленности».

Таким образом, тот самый факт, что восстановление производства имело место при наличии готового, лишь в ничтожной степени загруженного технического состава (это обстоятельство цитированный автор и называет «восстановительным характером» соответствующих процессов), этот факт обусловил в известной мере и чисто автоматический рост производительности труда.

Я не хочу сказать, что советские руководители промышленности не проявили никаких усилий по восстановлению расшатанной дисциплины труда и что этот фактор был без влияния на производительность труда. Но при наличии указанных двух существенных обстоятельств последний фактор сходит, скорее, на второй план — и поражаться, как чуду, восстановлению объема промышленного производства в этих условиях может только тот, кто недостаточно ясно представляет

себе механизм соответствующих процессов, представляет себе менее ясно, чем сами советские деятели, как мы это видели из приведенных только что цитат из советского источника.

Наконец, третий фактор — оборотные средства. Их было очень мало при переходе к нэпу; сейчас они имеются в довольно значительных (хотя и крайне недостаточных для здорового хода дела) суммах и у государственной промышленности, и у торговых и кредитных организаций. Но что же, эти деньги накоплены внутри промышленности, торговых и кредитных органов? Нет, этого А. В. Пешехонов не утверждает и утверждать не может. Они «собраны» отчасти ими, отчасти и для них государственной властью. Значит, речь идет об источниках средств, накопленных в пределах государственного хозяйства в целом (включая сюда и не-хозяйственную в собственном смысле часть государственного аппарата, охватываемую общим бюджетом государства). Источники эти довольно хорошо известны. В начальный период нэпа это были главным образом эмиссия, реализация материальных фондов, унаследованных преимущественно в пределах промышленности от прежнего периода, наконец, не истраченные еще остатки золотого фонда и фонда драгоценностей, которые, как известно, через публикуемый советский бюджет не проходят. В следующий период нэпа это была главным образом сильнейшая эксплуатация ненационализированных отраслей хозяйства, и прежде всего сельского хозяйства, путем диспропорции цен на продукты промышленности и сельского хозяйства, далее, налоги и, наконец, та же эмиссия, ибо как известно, «твердая валюта» в первый период после стабилизации может быть источником значительного дохода для государства, поскольку уменьшение скорости обращения денег позволяет вдвигать в обращение безнаказанно для твердой валюты значительные суммы. Так, до настоящего времени было выпущено в обращение червонцев (банкнот и казначейских билетов) на сумму около 1300 млн руб., при затрате на их обеспечение металла и иностранной валюты не более 270 млн руб.; чистый доход от эмиссии составил около миллиарда рублей. Этот фокус, который не менее удачно, чем большевики, проделало и столь презренное буржуаз-

ное государство, как германское, конечно, тоже никакого чуда из себя не представляет.

Конечно, можно поражаться энергии, с какой советское государственное хозяйство выколачивает ценности из ненационализованного хозяйства. Можно даже думать, что другая государственная организация в этом отношении не поспела бы за советской властью. Но измерять одним этим критерием хозяйственную годность существующего строя, конечно, не приходится.

Достаточным критерием годности существующего строя хозяйства не могут быть количественные показатели роста объема производства государственных отраслей хозяйства. Как мы видели, этот рост в данных условиях ничего поразительного из себя не представляет. Он говорит, конечно, о том, что теперешний хозяйственный строй неизмеримо более способен обеспечить рост производства, чем донэповский строй. Но количественный рост производства есть не все, о чем надо справляться, прежде чем выносить суждения о хозяйственной годности данного строя. Надо справляться, прежде всего, еще с тем с какими затратами производятся товары, в какой мере данная организация хозяйства способна нормально дешево производить и нормально дешево доставлять товары потребителю, притом товары нормально хорошего качества. Иначе говоря, наряду с количественными показателями должны приниматься во внимание и некоторые качественные показатели, показатели, качественно характеризующие работу хозяйственной организации.

А. В. Пешехонов как будто не возражает против такой постановки вопроса. Констатируя, что «внимание противников национализации все больше и больше сосредоточивается на качественной стороне» государственного хозяйства, он не ограничивается рассмотрением количественных показателей, а переходит к разбору этих аргументов, относящихся к качественной стороне дела.

Здесь он указывает, что самое слабое место советского государственного хозяйства его противники видят обычно в его убыточности. Против этого тезиса об убыточности национализированных отраслей хозяйства в разных возможных смыслах этого утверж-

дения и направляется его аргументация. Здесь он кое в чем прав. Прав он в том, что нельзя сейчас утверждать, будто все советские промышленные предприятия убыточны (правда, вряд ли кто-нибудь в последние годы выставлял это положение); нельзя утверждать сейчас с уверенностью и что вся промышленность в целом убыточна. Прав он отчасти в том, что недостаточным критерием для оценки работы промышленности является тот факт, что государство вкладывает в нее больше, чем от нее получает. Наоборот, совершенно не прав он в своих рассуждениях об «убыточности» национализированной промышленности для народного хозяйства и для частного, неогосударственного хозяйства; но о последнем вопросе потом.

Я скажу более: убыточность или прибыльность промышленности вообще не есть надлежащий критерий для оценки качества ее работы, не только в том смысле, что убытки не всегда промышленность порочат, но и в том смысле, что прибыли и убытки носят в себе значительный элемент конъюнктурности, от качества постановки дела не зависящий. Далее, у монополярной промышленности, каковой по существу является советская национализированная промышленность, прибыли и убытки вообще мало показательны, ибо цены в условиях монополии имеют лишь отдаленную верхнюю границу (определяемую сокращением спроса до такого уровня, когда оно уже перестает компенсироваться повышением цены), и до этой границы промышленность может устанавливать свои цены в значительной мере произвольно.

Но даже если рассуждать в этих пределах, т. е. говорить о прибылях и убытках, получающихся в результате этого монополярного установления цен, то и так ограниченный вопрос оказывается чрезвычайно сложным. Начать с того, что в установлении прибылей и убытков первостепенную роль играет размер амортизационных отчислений. Отчисления эти могут быть достаточны, а могут быть и недостаточны для покрытия текущего износа фабричного имущества. Если они недостаточны, то с суммы выведенных в балансе прибылей должна была бы быть скинута величина, на которую износ превышает амортизационные отчисления. Что в советской промышленности амортизационные отчисления были еще в 1924/25 г. недостаточны для

покрытия текущего износа, в этом не может быть сомнений. Ведь если «эмигрантские экономисты» не доверяют советской бухгалтерии в отношении выводимых ею прибылей (против чего ополчается А. В. Пешехонов), то они главным образом имеют в виду именно эту сторону дела — недостаточность амортизационных отчислений. Но с этой точки зрения А. В. Пешехонову следовало бы ополчаться и против ответственных руководителей советской промышленности, ибо и они неоднократно указывали на недостаточность амортизационных отчислений. Не кто иной, как покойный председатель ВСНХ Дзержинский в речи на XIV Московской губпартконференции (в декабре 1925 г.), говоря об опубликованных цифрах прибылей промышленности за 1923/24, 1924/25 и о предположительных прибылях 1925/26 г., указывал что «этими прибылями не следует увлекаться, ибо если мы рассмотрим, как восстанавливается оборудование промышленности, то мы должны сказать, что те амортизационные отчисления, которые мы делаем, слишком недостаточны для того, чтобы восстановить то, что мы изнашиваем». И до и после Дзержинского то же самое признавалось и многими другими советскими деятелями. Указывалось именно на то, что обычные нормы амортизации применяются советской промышленностью не к сумме полноценного имущества, как если бы это имущество могло еще служить нормальные сроки, что, кроме того, отчисления делаются с суммы капитала, выраженной в довоенных, а не в червонных рублях. Так дело обстояло еще в 1924/25 хозяйственном году. Только в 1925/26 г. положение, по-видимому, улучшилось. Так, согласно предварительным данным А. Дезена о финансовых итогах 1925/26 г. в области промышленности («Экономическое обозрение», январь 1927 г.), амортизационные отчисления в связи с последовавшей в начале года переоценкой имущества довольно заметно увеличились.

Правда, фактически затраты промышленности на восстановление оборудования, вероятно, уже с 1924/25 г., и несомненно в 1925/26 г., превышают текущий его износ (ибо траты лишь отчасти идут за счет амортизационных отчислений, а отчасти за счет «прибылей»). Но в той мере, в которой текущий износ не покрывается (или не покрывался) амортизацион-

ными отчислениями, правильнее говорить о затратах «из прибылей», а, наоборот, внести поправку в самый размер прибыли, уменьшая их на соответствующую сумму. На какую сумму пришлось бы их уменьшить, сказать трудно, тем более что самые исчисления реального текущего износа, с которыми мы встречаемся в советских источниках, тоже возбуждают некоторые сомнения. Так, в «контрольных цифрах» Госплана на 1926/27 г. текущий годичный износ всей промышленности (государственной, кооперативной и частной) за 1923/24, 1924/25 гг. определяется приблизительно одинаково в 264—267 млн червонных рублей. Полная «восстановительная стоимость» основного капитала промышленности по новейшим исчислениям (см. доклад М. Рухимовича на пленуме ВСНХ, «Экономическая жизнь» от 23 февраля 1927 г.) равна 8,2 млрд руб. (современных). По отношению к этой сумме износ в 264—267 млн руб. составляет 3,2—3,3 %, что представляет из себя скромную норму годичного износа даже для нормально изношенного имущества. Но ведь имущество советской промышленности, перенесшее 5—6 лет хищнического хозяйничанья без ремонта и восстановления, не может не разрушаться сейчас быстрее нормального.

Мы видим, насколько сложен вопрос о прибылях и насколько осторожно надо относиться к тем бухгалтерским цифрам, за доверие к которым ратует А. В. Пешехонов.

Если сейчас, независимо от вопроса о размере прибылей промышленности, остановиться на фактических затратах промышленности на восстановление основного капитала, то необходимо признать, что в 1925/26 г. проедание основного капитала промышленности прекратилось, ибо затраты на переоборудование превысили значительно текущий износ, даже если считаться с возможными ошибками в его исчислении (для 1924/25 г. это несомненно, так как капитальные вложения лишь незначительно превышают исчисленный официально текущий износ). Именно по тем же «контрольным цифрам» Госплана на 1926/27 г. капитальные вложения в государственную промышленность за 1925/26 г. составили 779 млн руб. при износе в 267 млн руб. Излишек (512 млн) пошел на то, что советская печать

называет «новым строительством», «расширением», «реконструкцией», но что по существу есть покрытие былого износа, последовавшего в те годы, когда промышленность лишь изнашивалась, но не восстанавливалась совсем. Ибо ясно, что когда сейчас приобретается новое оборудование или даже строится новая фабрика, то это еще не есть расширение основного капитала против той его ценности, которая досталась в наследство советской власти от прежнего строя. Ведь если бы советская власть решилась износить до конца существующее оборудование, не ремонтируя его, и затем строить новые фабрики («доработать до ручки» оборудование, как выражались в советской печати,—такие проекты одно время всерьез обсуждались), то разве это новое строительство тоже должно было рассматриваться, как расширение технического остова промышленности, как новые ценности, внесенные в нее советским хозяйством? Конечно, нет. С другой стороны, вряд ли можно всерьез полагать, что за один-единственный год более или менее значительных затрат на оборудование был покрыт с избытком тот урон в ценности, который был нанесен промышленному имуществу 5—6-летним хищническим хозяйничанием*. Таким образом, промышленность начала в 1925/26 г. целиком покрывать свой текущий износ и приступила к покрытию былого износа. Но в какой мере она приступила к последнему самостоятельно, за счет своих собственных ресурсов?

Здесь надо иметь в виду, что 512 млн руб. затрат на покрытие былого износа (для государственной промышленности, собственно, лишь 482 млн) противостоят сумма в 584 млн руб. средств, приливших в 1925/26 г.

* По данным того же Рухимовича, весь основной капитал промышленности в современной оценке, с учетом износа, выражался по балансу на 1 октября 1925 г. в 5120 млн руб. Стало быть, по сравнению с полной восстановительной стоимостью основного капитала, равной, по тем данным, 8200 млн руб., потеря ценности до начала 1925/26 г. составляет 3080 млн руб. (или 38%). Из этой огромной суммы капитальными затратами 1925/26 г., равными, за вычетом текущего износа этого года, 512 млн руб., покрыто пока только 17%. Можно ли при таком положении согласиться с А. В. Пешехоновым, что «ущерб, нанесенный народному хозяйству войной, революцией и военным коммунизмом, уже в большей части восполнен»? Оборудование промышленности есть ведь очень существенный элемент в народном хозяйстве.

в промышленность со стороны: 363 млн. по бюджету, займу хозяйственного восстановления и пр. и 221,2 млн в порядке увеличения задолженности банкам *. Конечно, часть этих сумм пошла на увеличение оборотных средств промышленности. Но при наличности столь солидного подспорья со стороны трудно пока говорить о том, что советская промышленность способна самостоятельно не только покрывать свой текущий износ, но и залечивать раны, нанесенные себе самой прежним хозяйничанием (даже на основе тех монопольных цен, которые она устанавливает на свои товары).

Тут я формулирую положение, которое А. В. Пешехонов считает собственным грехом со стороны эмигрантских экономистов: я упрекаю национальную промышленность в том, что она пользуется притоком средств от государства, что она больше берет от казны, чем ей дает. Ведь если Форд, говорит А. В. Пешехонов, вкладывает в свое предприятие некоторую сумму (то ли на расширение оборудования, то ли на увеличение оборотов), то разве это значит обязательно, что он несет убытки?

Нет, это не значит. Но дело зависит от того, на что употребляется эта сумма. Если она идет на расширение дела в каком-нибудь смысле, это хорошо. Но если Форд из года в год будет приплачивать некоторую сумму из своего личного кармана, а предприятие будет оставаться стационарным или даже уменьшаться в ценности, то Форд сделает вывод, что с предприятием неладно. В этом положении была советская промышленность ряд лет. Она поглощала средства со стороны, продолжая проедать свой капитал, и тогда ее «пассивное сальдо» было грозным симптомом. Сейчас этого больше нет. Сейчас она, по-видимому, в состоянии самостоятельно покрывать свой текущий износ, но еще не в состоянии самостоятельно покрывать былой непокрытый износ ряда лет донэповского и нэповского периода.

Я не хочу сказать, что это есть достаточный и убе-

* См.: Экономическое обозрение, декабрь 1926 г., с. 65. По другим данным, увеличение задолженности банкам составляло 198 млн, а по третьим данным — 270 млн (см.: Экономическое обозрение, январь 1927 г., статья Дезена).

дительный критерий ее хозяйственной «негодности». Может быть, и требовать этого пока нельзя. С другой стороны, если бы даже это было достигнуто за счет повышения цен, то ввиду монопольного положения промышленности нельзя было бы это почитать за ее особенную заслугу. Но для характеристики положения этот момент — самостоятельность в удовлетворении своих финансовых нужд разного свойства — все же некоторый интерес представляет, в особенности как показатель возможного неблагополучия, и считать сплошным недоразумением все относящиеся сюда рассуждения «эмигрантских экономистов» не приходится.

Но если, таким образом, в прибыльности и убыточности и в финансовом самодовлении мы не находим достаточных критериев для оценки работы национализованной промышленности, то это не значит, что таких критериев нет. Я уже указал выше на основной такой критерий: на способность промышленности нормально дешево производить товары. Речь идет об уровне себестоимости изделий или издержек производства, совершенно независимо от того, как сказывается этот уровень на прибылях или убытках промышленности. Всем известно, что советская промышленность производит весьма дорого и вопрос о снижении чрезмерно высокой себестоимости ее изделий уже больше двух лет привлекает к себе пристальнейшее внимание советских руководящих кругов и советской печати. Существует об этом уже чуть ли не целая литература. Но как это ни поразительно, мы по этому поводу в статье А. В. Пешехонова не находим ни единого слова. Он ограничился опровержением более уязвимых тезисов об убыточности промышленности.

В смысле снижения себестоимости промышленных изделий в 1924/25 хозяйственном году были достигнуты довольно заметные успехи: себестоимость была снижена по сравнению с 1923/24 г. в среднем на 13 % (по новейшим данным; другие данные говорят о снижении на 15—20 %). Это было достигнуто главным образом за счет повышения производительности труда (на 40 %) без соответствующего увеличения заработной платы. Однако и после этих успехов в 1924/25 г. себестоимость, по данным советского специалиста

С. Молчанова, составляла для 11 отраслей промышленности от 151 до 247 % довоенной себестоимости, в среднем 197 % *. Что же касается следующего (1925/26) хозяйственного года, то тут мы уже не только не имеем понижения себестоимости, но налицо даже небольшое ее повышение — по приблизительным расчетам ВСНХ — на 1 %, по другим расчетам — несколько больше. На 1926/27 г. тоже не предусматривается существенного понижения себестоимости; говорилось даже о возможном повышении; и только в последнее время ВСНХ предложил трестам во что бы то ни стало добиваться снижения себестоимости хотя бы на 2—3 %.

Причины такого неблагоприятного положения с себестоимостью изделий в докладе президиуму ВСНХ, сделанном А. Л. Соколовским, охарактеризованы следующим образом:

«Причины этого явления глубоко заложены в современной экономике промышленности. К ним в первую очередь следует отнести изношенность и устарелость оборудования, в особенности теплосилового хозяйства, повышение по сравнению с довоенным почти в два раза уровня номинальной заработной платы, недостижение довоенного уровня в области производительности труда, высоту социальных расходов, превышающих довоенные издержки промышленности по этой статье в 8—11 раз, высокий уровень налогов, расходов на ремонты (в связи с изношенностью оборудования) и т. д. К этому следует добавить также все еще нерациональное ведение хозяйства в смысле использования сырья, топлива, рабочей силы, недостаточно удовлетворительную постановку снабжения, высокие накладные расходы и т. д.» **.

В частности, в 1925/26 г. сыграл существенную роль кроме подорожания некоторых видов сырья рост заработной платы на 23 %, не сопровождавшийся соответствующим ростом производительности труда (последняя повысилась лишь на 11,7 %). В движении производительности труда в 1925/26 г. был даже дли-

* Экономическое обозрение, сентябрь 1925 г. По другим расчетам (А. Л. Соколовский. Экономическая жизнь, № 212, 1926), себестоимость 1924/25 г. превышала довоенную в среднем на 70%.

** Экономическая жизнь. № 212. 1926.

тельный период ее понижения в связи с общим падением трудовой дисциплины, которое наблюдалось в этом году (пьянство, прогулы) и должно быть в известной мере отнесено на счет восстановления казенной винной монополии. На основании (...) речи народного комиссара Рабоче-крестьянской инспекции Орджоникидзе (на VII съезде профсоюзов) об итогах борьбы с бюрократизмом и чрезмерным разбуханием советских «аппаратов» (итогах, по утверждению Орджоникидзе, весьма мизерных) мы можем судить о том, какую роль играет дороговизна аппарата управления в вопросе о высоте себестоимости промышленных изделий. Одна отчетность, достигающая анекдотических размеров, стоит огромных сумм. А во что обходится бесконечная волокита и перепись, в особенности связанная с прохождением «планов» производства через все инстанции? Помимо непосредственной траты на нее времени и денег, она зачастую приводит к значительным убыткам, как это имело место, например, с «капитальным строительством» промышленности в 1925/26 г., когда из-за запоздания в утверждении планов был в ряде случаев упущен надлежащий сезон работ.

А как отражается советское плановое хозяйство (к которому А. В. Пешехонов относится с полным одобрением) на текущей работе предприятий, об этом некоторое представление дают прения на недавнем совещании «красных директоров» заводов («Экономическая жизнь» от 12 января 1927 г., № 9). На совещании директорами усиленно подчеркивалось, что мелочная опека и вмешательство в работу предприятий вышестоящих органов и связанность предприятий устанавливаемыми для них планами чаще всего дезорганизующе влияют на производство. «Существующее положение,— говорил один из участников,— сводит директора предприятия к роли простого наблюдателя, смотрителя, который в большинстве случаев ничего не может самостоятельно разрешить. Тресты непосредственно управляют фабриками, вмешиваются в их оперативную жизнь, а директор, который знает свое оборудование, все субъективные и объективные условия своего предприятия лучше, чем трест, скован по рукам и ногам и не может шага сделать, пока трест ему этого не разрешит. Все бьет по производству, де-

зорганизует фабричный аппарат и нервирует самих рабочих». На общих собраниях рабочих можно часто слышать разговоры о том, что производственные программы, даваемые свыше, совершенно не соответствуют оборудованию данного предприятия, его мощности, что они создают большие перебои в работе предприятия, и т. д.

«Самым больным вопросом в жизни предприятия является вопрос о снабжении. Мы настолько жестко централизованы,— говорит т. Гроссман,— что директор сам не может разрешить вопроса о самых мелких закупках, крайне ему необходимых. Положение в трестах должно быть уточнено с тем, чтобы дать возможность фабрике развиваться. Между тем в этой области существует консерватизм, который душит все живое. Противодействие здесь замечается не только со стороны трестов, но и вышестоящих органов в лице отдельных управлений ВСНХ».

Но, скажет А. В. Пешехонов, так говорят директора, которым выгодно добиться большей самостоятельности. Но почему выгодно? Ведь большая самостоятельность означает и большую ответственность? Положим, однако, что это так. Но вот что говорил на том же совещании председатель Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции Гольцман: «Тов. Гольцман (РКИ),— читаем мы в отчете,— считает, что условия, в которые поставлен директор, не дают ему возможности проявить все свои способности в деле управления. Заводы, подчиненные трестам, как будто бы отвечают за все, а на самом деле ни за что не отвечают. Есть много маленьких заводов, не подчиненных трестам, которые гораздо быстрее работают, чем большие, подчиненные трестам».

«Если взять частную промышленность в СССР,— говорит тов. Гольцман,— то оказывается, что производительность на частных фабриках во многих случаях выше, чем на государственных. У нас имеется лучшее оборудование, больше капиталов, и казалось бы, что результаты должны были бы быть другие. Причина этого явления кроется в ненормальных отношениях между заводами и вышестоящими организациями. У нас заводы не знают, чем они располагают, в то время как за границей заводы, например, Всеобщей компании электричества, расположенные в различных

местах земного шара, имеют свой баланс, свой основной оборотный капитал и сами за все отвечают. У нас трест является и поставщиком товаров, и органом сбыта продукции, и финансирующим учреждением, и органом нормирования труда и организации труда. За границей таких трестов не существует. У нас трест — универсальное учреждение, которое все знает, а директор — лишь поставщик треста. Все заводы у нас поставлены под «крепостную опеку», как того не было даже в дореволюционной фабрике. Конечно, при таком закреплении нам трудно поднимать производство».

Можно прямо подумать, что это говорит какой-нибудь «неофит буржуазной идеологии» (выражение А. В. Пешехонова) из среды эмигрантских экономистов! А. В. Пешехонов на каждой странице убеждает нас, что при частном промышленном хозяйстве все обстоит несравненно хуже, чем при советском плановом, а тут представитель «НК РКИ» ставит частное хозяйство в смысле системы управления в пример советскому. И это не единичное суждение: в советской печати проскальзывают от времени до времени такого рода заявления (...).

Все сказанное в достаточной мере объясняет дороговизну работы советской промышленности. Тут дело, конечно, не в отдельных дефектах, а в системе. В системе ли государственного хозяйства вообще или конкретного советского государственного хозяйства, этот вопрос оставим открытым: на эту тему спор был бы довольно бесплодным. Но одно можно сказать во всяком случае: утверждение А. В. Пешехонова, что государственное хозяйство на опыте России «блестяще себя оправдало», в высокой степени смелое.

К изложенному надо добавить, что советская национализированная промышленность не только работает дорого. Она производит к тому же товары весьма плохого качества. И об этом уже исписаны советскими экономистами и публицистами моря чернил (ибо «кампания за улучшение качества продукции» ведется уже два года), но А. В. Пешехонов и этому вопросу не уделяет ни одного слова.

Рельсы, из которых 20—30 % не выдерживают испытания, железобетон, выдерживающий на 30 % меньшее напряжение, чем нормальный, галоши, которые

носятся 2 месяца, — такие характеристики изделий промышленности мы постоянно читаем в советской печати. Как указывают некоторые экономисты (см. обзор промышленности в № 11—12 «Бюллетеня Конъюнктурного института», 1926 г.), если бы количественно учесть это понижение качества изделий, то пришлось бы внести значительные поправки в исчисления объема производства. «Если кирпич, по утверждению специалистов, дает вместо 5—10 % боя 20—25 %, а железобетон вместо напряжения в 1000—1200 кг на квадратный сантиметр дает из-за чрезмерной сталистости железа напряжение в 800 кг, что заставляет тратить железа на 40—50 % больше, то очевидно, что недоучет качества изделий при исчислении объема результатов производства создает ложную картину». Прибавим, что это создает ложную картину и при исчислении себестоимости изделий по сравнению с довоенным временем, ибо та же себестоимость изделий в 2 раза худшего качества не есть реально та же себестоимость.

Довольно много фактов, относящихся к вопросу качества продукции советской промышленности, я привожу в заметке, (печатаемой в «Обзрении русской жизни» (Русский экономический сборник. Прага, 1926)), и к ней я позволяю себе отослать читателя. Из всех этих фактов создается достаточно отчетливое представление о том, как мало советская промышленность заботится о потребителе. Что и тут дело не в отдельных дефектах и ошибках (которые всегда готов признать А. В. Пешехонов), а в системе, это опять-таки недурно сознают, а иногда и высказывают советские деятели. Так, в прениях по докладу об «итогах кампании по улучшению качества продукции» в президиуме Госплана («Экономическая жизнь» от 28 декабря 1926 г.) председатель Госплана Кржижановский указал, что «неблагополучие на этом участке хозяйственного фронта» объясняется, «с одной стороны, тем, что нашей промышленности приходится выработать продукцию, пользуясь изношенным оборудованием; а с другой стороны, наше производство, по существу монопольное, отличается малой гибкостью и эластичностью в деле улучшения качества. Все это создает опасность, что еще долгое время качество нашей продукции не будет улучшаться».

Так обстоит дело с качественной характеристикой работы советской промышленности. Не лучше дело обстоит и на других участках «государственного сектора» народного хозяйства, в частности в торговле внутренней и торговле внешней.

Если советское хозяйство не умеет производить нормально дешево товары нормального качества, то оно не умеет обеспечивать и нормальную дешевую доставку их потребителю. «Наценки» или «накидки», которыми товар обрастает по дороге от производителя к потребителю через руки торговых органов, иначе говоря, разница между отпускными ценами промышленности и розничными ценами, — непомерно высоки. «Кампания» за снижение розничных цен промышленных товаров и приближение их к отпускным ценам промышленности занимает видное место в числе прочих «кампаний», которые ведутся властями и печатью; в то же время это есть одна из самых неудачных кампаний, ибо в этом направлении за два года не достигнуто никаких успехов.

Этому рассуждению можно противопоставить определенные цифры и факты. Недавно опубликован индекс «оптово-розничных ножниц», составленный подотделом цен и индексов ВСНХ СССР (см.: «Экономическая жизнь» и «Торговая промышленная газета» от 14 января 1926 г.), представляющий собою попытку привести в сравнимый вид существующие индексы оптовых и розничных цен (первый — Госплана, второй — Конъюнктурного института) и исходя из приблизительного соотношения уровней оптовых и розничных цен в довоенное время установить современное их соотношение. При всей приблизительности этих расчетов они впервые позволяют на основе данных о большом числе товаров проследить изменения в соотношении оптовых и розничных цен и сопоставить это соотношение с таким же соотношением в довоенное время. Согласно этому индексу, отношение общего уровня розничных цен к общему уровню оптовых составляло на 1 января 1926 г. от 165 до 172 % (по двум вариантам расчета) против среднего довоенного соотношения, определяемого авторами индекса в 120—125 % *. Таким образом, средний размер

* Авторы указывают, что последнее исчисление вполне точным считаться не может, но что все советские статистико-экономи-

торговых накидок сейчас приблизительно в 3 раза превышает довоенный их размер. При этом из индекса видно, что в течение последнего года имело место лишь временное незначительное снижение размера накидок и сейчас мы имеем в точности такое же положение, как год тому назад. Этими данными устраняются сомнения А. В. Пешехонова в том, выше ли сейчас торговые накладки, чем они были при капиталистических порядках.

Однако приведенные данные относятся преимущественно к розничным ценам частного рынка. Может быть, А. В. Пешехонов прав в том, что если накладки сейчас ненормально высоки, то лишь в частной торговле, но не в государственной торговле и кооперации? Он приводит в подтверждение этого цифры, по которым видно, что 1 сентября 1926 г. в кооперативной торговле г. Москвы будто бы не было никаких «оптово-розничных ножниц», так как уровень розничных цен (по индексу Конъюнктурного института) был лишь на 79 % выше довоенного, между тем как уровень оптовых цен (по всероссийскому индексу!) был на 80 % выше довоенного. Из какого издания Конъюнктурного института А. В. Пешехонов взял первую цифру, он не сообщает; найти ее в изданиях Конъюнктурного института я, к сожалению, не мог; вполне возможно, что она там где-нибудь и находится. Но дело не в том; важнее то, что А. В. Пешехонов приходит к своему выводу путем сравнения розничного индекса Конъюнктурного института по Москве с оптовым индексом Госплана по всей России! В качестве профессионального статистика он не может не знать, насколько осторожным надо быть при такого рода сравнениях. Ведь оба эти индекса не только относятся к разным территориям, но они по составу товаров и по методу построения совершенно различны, и их сравнение говорит очень мало. Советские статистики были осторожнее А. В. Пешехонова: прежде чем выносить суждения о размере накидок, они постарались привести оптовый и розничный индексы в

ческие органы, занимавшиеся этим вопросом (ВСНХ, статистика труда ВЦСПС, статистико-экономическая секция Госплана), определяли размер довоенных накидок в этих пределах (см. статью А. Гринцера в «Экономическом обозрении» за ноябрь 1926 г.).

сравнимый вид (в результате чего и получились приведенные выше цифры).

Однако мы сейчас располагаем прямыми и массовыми цифровыми данными о том, насколько различные накладки в кооперативной и государственной торговле ниже, чем в розничной. В декабрьской книжке «Экономического обозрения» мы находим таблицу показателей этого соотношения, разработанных для значительного числа (29) важнейших товаров по большому числу городов и сел (почти две сотни городов и до 350 сел). В таблице приведены средние процентные отношения цен кооперативной и государственной торговли к ценам частной торговли (для каждого пункта и товара определялось это процентное отношение, а потом вычислялась их средняя). Я считаю нелишним привести эту таблицу в части, относящейся к промышленным товарам, в отношении которых, главным образом, и возникает проблема «оптово-розничных ножниц» и которые нас здесь ближайшим образом интересуют.

**Процентное отношение розничных цен
промышленных товаров у кооперативной
и государственной торговли
к таким же ценам местного частного рынка**

Показатель	В более крупных городах, где находятся правления кооперативных Союзов		В прочих городских и фабричных поселках		В селах
	Кооп. торговля	Гос. торговля	Кооп. торговля	Гос. торговля	Кооп. торговля
Средняя за 1924/25	90	89	89	88	88,4
Средняя за 1925/26	83,3	88,4	87,1	88,8	88,5
I четверть 1925/26	89,1	89	87,1	87,6	89,2
II четверть 1925/26	88,1	87,8	86,7	88,8	88,1
III четверть 1925/26	87,8	88,6	87	89	88,3
IV четверть 1925/26	88,2	88,4	87,6	89,9	86,6

Мы видим, что интересующее нас соотношение отличается замечательным постоянством как для разных видов торговли (кооперативная и государствен-

ная), так и для разных категорий населенных пунктов, так и, наконец, во времени. Оно колеблется в пределах приблизительно от 87 до 90%, т. е. цены кооперативной и государственной торговли по России в целом на 10 — 13% ниже цен частной торговли. Трудно не признать эту разницу весьма незначительной, даже неожиданно малой, в особенности если принять во внимание, что частная торговля облагается несравненно тяжелее государственной и кооперативной, что она значительно больше страдает от разных полупринудительных сборов, что она многим дороже платит за помещения и проч.<...>

Из приведенной таблицы вытекает, кроме того, с несомненностью, что вопреки утверждению А.В. Пешехонова и в государственной и в кооперативной торговле существуют «оптово-розничные ножницы», и притом немалые. В самом деле: среднее отношение цен кооперативной и государственной торговли к частным для IV квартала 1925/26 г. по таблице определяется в 88,5% (причем стабильность этого отношения позволяет считать его вполне характерным для всероссийского рынка); с другой стороны, общий уровень розничных цен промышленных товаров по всероссийскому индексу Конъюнктурного института (выражающему преимущественно цены частной торговли) превышал приблизительно в то же время уровень оптовых цен, как было указано выше, по одному варианту расчета на 65%, а по другому — на 72%; ясно, что общий уровень розничных кооперативных и государственных цен превышает уровень оптовых цен приблизительно на 46—52% (ибо $165 \times 0,885 = 146$, а $172 \times 0,885 = 152$). Стало быть, торговая наценка в советской кооперации и государственной торговле более чем в 2 раза выше довоенной наценки в частной торговле, которую, как мы видели выше, советские статистики принимают равной 20 — 25%. Так обстоит дело в среднем по всей России; быть может, что в отдельных крупных городах, в особенности в столицах, где кооперативный аппарат лучше налажен, положение благоприятнее. Но ведь важны не эти исключения, а общее правило.

Следует подчеркнуть еще раз, что, несмотря на два года «борьбы за снижение розничных цен», розничные наценки, и в частности наценки у кооперации

и государственной торговли, упорно держатся на одном и том же уровне, а порою даже растут. Что отношение кооперативных и государственных цен к частным остается стабильным с 1924/25 г., это мы видели из приведенной только что таблицы. Что общий размер розничных накидок за последние годы не проявляет тенденции к падению, видно из следующих цифр того индекса «оптово-розничных ножиц», на который мы уже ссылались выше («Экономическая жизнь», и «Торгово-промышленная газета» от 14 января 1926 г.).

Дата	Отношение уровня розничных цен к оптовым	
	по I варианту расчета	по II варианту расчета
1 октября 1924 г.	140	146
1 декабря 1925 г.	158	165
1 апреля 1926 г.	162	169
1 июля 1926 г.	164	172
1 октября 1926 г.	163,1	169,8
1 ноября 1926 г.	164,1	171,3
1 декабря 1926 г.	165,2	171,9

Таково фактическое положение дела. Что касается причин его, относительно которых у А. В. Пешехонова имеется столько сомнений, то советская печать рисует весьма ясную и недвусмысленную их картину, а я думаю, что нам мудрить больше, чем советские экономисты, в этом отношении нет надобности.

Так, например, «Экономическая жизнь» от 12 января 1926 г., ставя вопрос о причине высоких розничных накидок у государственной торговли и кооперации, отвечает на это следующим образом:

«Основным злом в этом вопросе является косность и цепляние за сохранение торговых аппаратов в их теперешнем виде. Охват государственным и кооперативным аппаратом значительной части торгового оборота, к сожалению, почти совсем не сопровождается упрощением этого аппарата. Не говоря уже о том, что в торговых расходах до сих пор в лучшем случае около 50% падает на содержание служащих (цифра огромная!) и что уплотнение работы этих

служащих проводится страшно медленно, дороговизна торгово-посреднических услуг в огромной степени еще зависит от совершенно неупорядоченного вопроса о звенности. В пределах огромных районов по таким товарам, как мануфактура, сахар и т. п., эта звенность в среднем выражается в 2,5 — 3. Довольно обычным являются также четыре звена. При таких условиях, когда торговый аппарат в большей части принадлежит обобществленному, планируемому сектору? Мы полагаем, что для этого нет никаких оснований...»

«Снижение розничных цен теснейшим образом связано с проведением режима экономии в торговле. Но местные материалы показывают, что практически делается в этом отношении очень мало. Аппараты во всем их многообразии существуют, занимаясь перекупкой товаров друг у друга. Нагрузка отдельных торговых предприятий совершенно не обеспечивает полного и целесообразного их использования».

Не менее определенно ставится вопрос о причинах зла в статье «Торгово-промышленной газеты» от 27 января 1926 г. «Новый этап в борьбе за розницу». Здесь, между прочим, указывается на то, что ссылки на товарный голод, как на объяснение и оправдание высоких розничных накидок (ссылки, которые мы находим и у А. В. Пешехонова), не имеют под собою достаточного основания. В указанной статье мы читаем:

«Говоря о перспективах борьбы за снижение цен, следует отметить, что теперь окончательно скомпрометировано объяснение или оправдание высоты розничных цен, вернее, обоснование невозможности их снижения напряженным состоянием рынка промтоваров. Изменение рыночной обстановки никем больше не отрицается. Вместе с тем, судя по сравнительным данным за I квартал 1925/26 г. и 1926/27 г., движение розничных цен оказывается в наших советских условиях в значительной мере независимым от изменений рыночной конъюнктуры; при понижении конъюнктуры, при ослаблении товарного голода рост розничных цен продолжается. Это наблюдение имеет громадное значение, ибо успеха в борьбе за снижение розничных цен следует искать не только в расши-

рении производства промтоваров, но сейчас — главным образом — в борьбе с дороговизной торгового аппарата, в борьбе с многозвенностью торговой сети, с высотой торговых и накладных расходов и, наконец, с высотой накопления в кооперации».

Таких выдержек можно было бы привести много: всюду основной причиной рисуется косность чрезмерно разбухших и не желающих идти на сокращение бюрократических торговых «аппаратов», т. е. то главное, что, как мы видели, создает и дороговизну работы государственной промышленности.

Наконец, возьмем область внешней торговли. Это, как мы уже указывали, особенно неблагоприятный участок «хозяйственного фронта», ибо экспорт за границу все еще не превышает 30% довоенного экспорта, а это мешает развиваться и столь необходимому для восстановления народного хозяйства импорту. Причина такого положения — отчасти в неблагоприятном соотношении цен экспортных товаров на внешнем и внутреннем рынке, но главным образом в чрезвычайных накладных расходах советского внешнеторгового аппарата, из-за которых экспорт оказывается убыточным, хотя при нормальных накладных расходах он был бы рентабельным. Я не буду здесь подробно обосновывать это положение ссылками на советские источники, ибо совсем недавно (в VIII кн. «Экономического сборника») был мною напечатан обширный обзор вопросов советской внешней торговли за последние годы, где подвергнут подробному разбору и вопрос о причинах убыточности экспорта. К этой статье я позволю себе и здесь отослать читателя.

Сейчас я хочу привести главным образом некоторые разительные цифры, которые до меня дошли уже после напечатания той моей статьи. Так, в статье М. Кауфмана «Внешняя торговля» в декабрьской книжке «Экономического обозрения» 1926 г. мы находим следующую таблицу:

Накладные расходы в экспорте главных сельскохозяйственных товаров

Показатель	Хлебобродукты				Масло				Яйца				Лен			
	накладные расходы		накладные расходы		накладные расходы		накладные расходы		накладные расходы		накладные расходы		накладные расходы		накладные расходы	
	заготовительная цена за пуд, коп	за пуд, коп	к заготовительной цене, %	заготовительная цена за пуд, коп	за пуд, коп	к заготовительной цене, %	заготовительная цена за пуд, коп	за пуд, коп	к заготовительной цене, %	заготовительная цена за пуд, коп	за пуд, коп	к заготовительной цене, %	заготовительная цена за пуд, коп	за пуд, коп	к заготовительной цене, %	заготовительная цена за пуд, коп
Довоенное время 1923/24 г. 1924/25 г. 1925/26 г. Процент накладных расходов 1925/26 г. к накладным рас- ходам довоенного времени	74	25,7	37,1	14,19	2,35	16,5	27	9,97	36,5	5,9	0,75	12	5,9	0,75	12	5,9
	55	64	116,3	14,81	38	5,63	—	—	—	6,7	6,35	102,2	6,7	6,35	102,2	6,7
	75,5	68,5	90,7	16,87	36,7	6,19	33,5	27,4	82,8	9,02	3,25	36	9,02	3,25	36	9,02
	89	62	69,6	15,46	36,8	5,7	41,1	30,7	74,6	6,9	3,07	44,5	6,9	3,07	44,5	6,9
	—	225	—	—	242	—	—	310	—	—	420	—	—	420	—	—

Мы видим, что накладные расходы по экспорту в настоящее время превышают довоенные по хлебу в $2\frac{1}{4}$ раза, по маслу — в $2\frac{1}{2}$, по яйцам — более чем в 3 и по льну — более чем в 4 раза! Мы видим также, что за исключением одного льна успехи, достигнутые за последние годы в смысле снижения накладных расходов, совершенно ничтожны, как это единодушно и подчеркивает советская печать (речь идет, конечно, об абсолютных накладных расходах на пуд товара, которые только и показательны; процент расходов к заготовительной цене испытал в некоторых случаях снижение за счет повышения заготовительных цен).

Каковы причины этих колоссальных накладных расходов по экспорту — и в этом советская печать не питает никаких сомнений. В бесконечном количестве статей, которые посвящались этой проблеме (проблеме, которой, кстати сказать, А. В. Пешехонов опять-таки не уделяет ни единого слова), в качестве основной причины указывается косность и бюрократизм чрезмерно разбухших аппаратов — как аппарата реализации товаров на внешних рынках (торгпредства и проч.), так и аппарата заготовок экспортных товаров внутри страны. Особенное внимание советской печати в последнее время привлекает аппарат заготовок. «Основная причина дороговизны заготовок, — читаем мы в №26 «Экономической жизни» 1926 г., — несомненно, заключается в несоответствии низового заготовительного аппарата с размерами фактических заготовок. В этом непосредственно сказывается отсутствие достаточной гибкости, неумение заготовителей организационно приспособливаться к быстро меняющейся экономической обстановке, в которой протекает экономическая работа, и, наконец, неэкономность и бюрократическое отношение «государственных приказчиков» к расходованию государственных средств. Весьма интересна по сопоставлению работы государственных заготовителей с работой частной торговли еще и следующая выдержка из статьи «Экономической жизни» (№132, 1926 г.) о сырьевых заготовках:

«Мы не раз уже отмечали, что в стремлении согласовать внутреннюю цену на сырье с ценой внешнего рынка и тем сделать возможным рентабельный экспорт наши заготовительные организации слишком

часто шли по линии наименьшего сопротивления: ограничивая твердыми пределами первичную цену, выплачиваемую производителю, они допускали совершенно неограниченный рост накидок на эту цену, т. е. накладных заготовительных расходов, сводивших в конце концов к убыточности реализацию сырья на внешнем рынке. Дороговизна заготовок, высота накладных издержек заготовительного аппарата давят с особенной силой на все решительно стороны заготовительных операций. Активность частного заготовителя, которая весьма сильно чувствуется и на рынке льноволокна, и в заготовках животного сырья — шерсти и кожи, питается именно сравнительной дешевизной его работы по сравнению с работой государственного и кооперативного заготовителей и широкой возможностью в связи с этим предлагать более высокие цены».

Таким образом, и в области национализированной внешней торговли причина высоких накладных расходов та же, что и в области национализированной промышленности и национализированной внутренней торговли — «гипертрофия аппаратов», «отсутствие гибкости», «бюрократическое отношение государственных приказчиков к расходованию государственных средств».

Уже одна общность этой причины для всех областей советского государственного хозяйства не оставляет сомнений в том, что дело тут именно в системе советского государственного хозяйства, и мудрствовать о том, что «может быть, национализация тут ни при чем», может только человек, желающий упорно закрывать глаза на факты.

Как же отражается эта непомерная дороговизна работы национализированных отраслей хозяйства на ненационализированных отраслях хозяйства и на народном хозяйстве в целом?

Внешним проявлением ее на той меже, где национализированное хозяйство соприкасается с ненационализированным (т. е. главным образом с сельским хозяйством), является тот общеизвестный факт, что национализированное хозяйство продает свои продукты (продукты промышленности) ненационализированному хозяйству чрезвычайно дорого и платит ему за его продукты (т. е. продукты сельского хозяйства) очень

дешево. Ведь продукты сельского хозяйства, идущие на экспорт, для того чтобы выдержать огромный груз советских накладных расходов и быть проданными на внешнем рынке, должны быть куплены по очень низкой цене, и мы уже видели в приведенных цитатах, как государственные заготовки «идут по пути наименьшего сопротивления» и, не снижая накладных расходов, предпочитают снижать заготовительные цены. То же относится и к ценам сельскохозяйственных продуктов, предназначенных для потребления внутри страны; и здесь государственное хозяйство заинтересовано в их снижении, ибо от них отчасти зависит уровень издержек производства промышленности (сырье, заработная плата) и других частей государственного аппарата; а эти издержки и без того очень высоки. Но, с другой стороны, снижение цен сельскохозяйственных продуктов имеет и свои пределы, за которыми начинается бойкот советских «промотоваров» крестьянством, удержание ими сельскохозяйственных излишков в своих руках и даже сокращение производства. Памятный всем кризис сбыта промышленных товаров 1923 г. был в том отношении хорошей наукой для советской власти. С тех пор она и лавирует в своей политике цен между опасением кризиса сбыта промышленных товаров и сокращения сельскохозяйственного производства, с одной стороны, и стремлением по возможности снизить цены сельскохозяйственных продуктов — с другой стороны. Средства снижения сельскохозяйственных цен в руках советской власти имеются довольно мощные: монопольный «фронт» государственных заготовителей и сельскохозяйственный налог, заставляющий крестьянство в период заготовок продавать сельскохозяйственные продукты для получения необходимых денежных средств. Но, конечно, и крестьянство не бессильно: оно бойкотирует товары советской промышленности, выбрасывает на рынок второстепенные сельскохозяйственные товары, упорно удерживая в руках основные, сокращает производство и прочее. В зависимости от перипетий этой борьбы и складывается более или менее выгодно для государственного хозяйства соотношение цен, причем в неурожайные годы шансы государства, конечно, хуже, и тут приходится иногда пасовать перед «частнохозяйственной стихией» (1924/25 хозяйственный год).

Об этой проблеме «ножниц цен» исписаны уже горы бумаги в советской России, и она есть действительно одна из основных трудностей советского хозяйства. В чем же мы должны видеть меру эксплуатации, которой подвергается крестьянство в порядке этих «ножниц цен»?

Ясно, что мы должны ее видеть в соотношении тех цен, по которым изделия советской промышленности попадают в руки крестьянства, и тех, по которым крестьянство продает государству свои сельскохозяйственные продукты. Сравнительная степень вздорожания тех и других по сравнению с довоенным временем даст меру современной эксплуатации по сравнению с довоенным периодом.

Однако, к сожалению, такие индексы цен систематически не публикуются. Обычно оперируют индексами оптовых либо розничных цен на городских рынках. В настоящее время, например (на 1 января 1927 г.), по всероссийскому индексу оптовых цен ЦСУ (бывший индекс Госплана) промышленные товары вздорожали по сравнению с довоенным временем в 2,03 раза, а сельскохозяйственные — в 1,55 раза. Отношение первого индекса ко второму («раствор ножниц») равно 1,32. По всероссийскому розничному индексу Конъюнктурного института вздорожание промышленных товаров выражается в цифре 2,7, вздорожание сельскохозяйственных — в цифре 2,03, отношение первого ко второму — 1,33. В среднем за 1925/26 хозяйственный год это отношение по оптовому индексу было равно 1,23, по розничному — 1,17; в среднем за 1924/25 г. — 1,18 и 1,15 (причем в течение этого года — года плохого урожая бывали моменты, когда оно приближалось к единице); зато в среднем за 1923/24 г. оно было равно и по тому и по другому индексу 1,6, а в среднем за 1922/23 г. — 2,01 и 1,91. Летом и осенью 1923 г., когда разразился знаменитый кризис сбыта, отношение это доходило почти до 3.

Однако все это не дает настоящей меры эксплуатации деревни, ибо заготовительные цены государственных органов, по которым крестьянин продает главную массу своих продуктов, многим ниже рыночных, а розничные продажные цены промышленных товаров в деревнях многим выше, чем в городах. В «контрольных цифрах» Госплана на 1926/27 г. мы находим неко-

торую попытку учесть степень этой реальной эксплуатации деревни. <Ниже приведены> индексы заготовительных цен сельскохозяйственных товаров и индексы продажных цен промышленных товаров (городского производства) в деревне. <...>

Показатель	1923/24 г	1924/25 г	1925/26 г
Индекс заготовительных цен сельскохозяйственных товаров	112	132	138
Индекс продажных цен промышленных товаров	268	211	240
Отношение второго к первому	2,39	1,6	1,74

По этим данным, вздорожание для крестьянина промышленных товаров по сравнению с довоенным временем было в 1925/26 г. уже в 1,74 раза больше увеличения цен на продаваемые им сельскохозяйственные продукты (против соотношения 1,23 и 1,17, которые мы имели по обычным индексам, оптовому и розничному). Но и эта величина не дает полной меры эксплуатации. Индекс продажных цен промышленных товаров в деревне, примененный в этой таблице, явно преуменьшен: он даже ниже розничного индекса промышленных товаров Конъюнктурного института (относящегося к городским рынкам), который равен в среднем для 1925/26 г. 257. Это явная несообразность, ибо розничные цены в деревнях значительно выше розничных цен в городах. Насколько они выше, в точности судить трудно, но по некоторым указаниям советских источников, относящихся к кооперативной торговле, можно думать, что они там на 30 — 40% выше, чем на городских рынках *. Так как до войны деревенские цены промышленных товаров едва ли в среднем могли превышать городские розничные цены больше, чем на 15 — 20% **, то степень вздорожания деревенских цен для 1925/26 г. против довоенного времени должна

* См.: Дзержинский Ф. Промышленность СССР, ее достижения и задачи. М.-Л. 1925 г.

** Вся разница между розничными и оптовыми ценами в довоенное время составляла, по расчетам советских статистиков, как мы видели выше, не более 20—25%.

выражаться почти индексом в 300% ($257 \times 130 : 120 = 290$), а для 1 января 1927 г. даже более чем в 300%. Что касается индексов заготовительных цен сельскохозяйственных товаров, то есть основания думать, что и те Госпланом преувеличены, во всяком случае для настоящего момента. Так, в «Торгово-промышленной газете» (28 января 1927 г.) мы находим следующие проценты отношения средних розничных цен ржи к средним заготовительным ценам:

на 1 июля 1925 г. — 164%
на 1 октября 1925 г. — 162%
на 1 января 1926 г. — 205%

на 1 декабря 1926 г. — 260%
на 1 октября 1926 г. — 215%
на 1 января 1927 г. — 220%

Если исходить хотя бы из отношения 200% и из индекса розничных цен сельскохозяйственных товаров Конъюнктурного института на 1 января 1927 г., равного 203, то индекс заготовительных цен окажется равным только 102 (а не 138, как в «контрольных цифрах»), т. е. в 3 раза ниже индекса промышленных цен. Но если исходить даже из индекса заготовительных цен «контрольных цифр», то и тогда вздорожание промышленных товаров для деревни окажется больше чем в 2 раза значительнее, чем увеличение цен, получаемых ею от государства за сельскохозяйственные продукты. В такую реальную величину превращается скромное отношение 1,32, вытекающее из обычных индексов. И ясно, что даже в те редкие моменты, когда по обычным индексам «ножницы» сходились, реально эксплуатация крестьянства выражалась еще очень крупными величинами. Обращаю внимание на то, что хотя индексы розничных цен в городах, из которых мы исходили в наших расчетах, относятся преимущественно к частной торговле, но сваливать эксплуатацию деревни на нее не приходится, ибо, как мы видели выше, розничные цены у кооперации и государственной торговли всего на 10—13% ниже, чем у частной торговли. Поправка на эту величину почти не меняет результатов, к которым мы пришли. Такова мера эксплуатации частного (сельского) хозяйства государственным, мера паразитирования разбухшего, расточительного аппарата государственного хозяйства на хозяйстве частном*.

* Конечно, и эта мера не является полной, ибо мы не учли совсем налоги и сборы, тяготеющие на крестьянском хозяйстве.

Что же говорит об этой проблеме «ножниц» А. В. Пешехонов? Он останавливается на ней довольно пространно, и это, пожалуй, самая поразительная часть его статьи. Он начинает со сравнения общего уровня цен в Советской России и в странах Запада и обращает внимание на то, что уровень цен в России не так уж сильно превышает уровень цен в других странах. Но при чем тут общий уровень цен, в образовании которого принимают одинаковое участие и промышленные и сельскохозяйственные товары, когда речь идет об эксплуатации сельского хозяйства промышленностью? <...>

Далее он заявляет, что «раствор ножниц» (которого он не отрицает, но измеряет, конечно, обычными индексами) зависит не от государственного хозяйства, а от хозяйства частного (сельского), из сферы которого исходят будто бы колебания, определяющие собою движение «раствора ножниц». В подтверждение этого он ссылается на относительную стабильность цен промышленных товаров и на периодические значительные колебания цен сельскохозяйственных товаров, которые всегда падают осенью и поднимаются к весне. <...>

Но разве тот факт, что сельскохозяйственные цены колеблются больше, чем промышленные, хоть сколько-нибудь свидетельствует о том, что эти колебания не зависят от государственного хозяйства, и, в особенности, о том, что отстаивание уровня сельскохозяйственных цен от уровня промышленных цен <...> зависит от сельского хозяйства, а не от хозяйства государственного? Разве если предположить <...>, что государство постоянно борется с крестьянством за снижение сельскохозяйственных цен, причем, естественно, эта борьба оказывается более удачной после урожая, чем к весне, то этим не могут объясняться периодические колебания сельскохозяйственных цен? А. В. Пешехонов язвит, что, по-видимому, советская власть становится каждый год всемогущей осенью и бессильной весной; но разве он <...> ничего не слышал о том, что из года в год осенью подготавливается со всей тщательностью, с одной стороны, налоговый пресс, который должен заставить крестьянина продавать зерно, а с другой — «единый фронт» государственных заготовителей, который должен, действуя с возможной соли-

дарностью, не допустить повышения крестьянством цен в период заготовок? Что иногда <...> твердыми административными мерами совершенно устраняется с рынка частный скупщик, дабы не нарушался единый фронт «госзаготовителей»? И разве так трудно понять, что после того, как государственные заготовки в основной массе произведены (что продолжается обычно несколько месяцев), власть может ослабить уже нажим на цены, тем более что борьба за их понижение становится тогда — по мере сокращения ресурсов сельскохозяйственных товаров — все более трудной?

Но, вменив «ножницы» сельскому хозяйству, А. В. Пешехонов на этом не успокаивается: он доказывает еще, что в теперешнем соотношении цен вообще ничего особенно ненормального нет, что оно, правда, несколько менее выгодно для сельского хозяйства, чем в 1913 г., но в другие годы войны оно бывало почти также <невыгодно>, а иногда (и то довольно долго) так же невыгодно для него, как и сейчас. Так, если сравнить теперешний уровень сельскохозяйственных и промышленных цен с уровнем их в 1896 г., то никаких «ножниц» не получится — вздорожание тех и других окажется одинаковым. Отсюда вывод — нечего пенять на большевиков: эксплуатация сельского хозяйства в пользу промышленности была в России всегда.

Конечно, некоторая эксплуатация была: насаждаемую промышленность опекали таможенными мерами, этого никто отрицать не станет. Но дело в степени. А тут количественная разница настолько велика, что она переходит в качественную. Мы видели, какова мера реальной эксплуатации деревни сейчас по сравнению с довоенным временем: промышленные товары для крестьянина вздорожали более чем в 2, если даже не в 3 раза сильнее, чем продаваемые им сельскохозяйственные товары. Но А. В. Пешехонов этой реальной мерой не интересуется, он удовлетворяется ничего не говорящими обычными индексами. Однако и здесь в его рассуждение нужно внести существенные поправки. Неужели даже по общим индексам оптовых цен до войны бывали в России периоды, когда подолгу (А. В. Пешехонов это подчеркивает) соотношение цен было такое, как сейчас? Обратимся к единственному источнику, которым, очевидно, пользовался и А. В. Пе-

шехонов, именно к данным «Свода товарных цен» Министерства торговли и промышленности, извлечение из которого (в виде таблицы индексов с 1890 по 1914 г.) напечатано недавно советским статистиком Бобровым в виде приложения к брошюре «Индексы Госплана». Просмотрим по этим данным ряды годовичных индексов, выражающих уровень цен сельскохозяйственных и промышленных товаров по отношению к среднему уровню 1890 — 1899 гг., принятому за 100:

Год	Сельскохозяйственный индекс	Промышленный индекс
1890	101,2	108,9
1891	103,1	98,1
1892	102,5	92,7
1893	106,6	101,8
1894	98,7	96,3
1895	92	95,4
1896	89,6	97
1897	93,3	97,7
1898	103,8	99,9
1899	107,1	106,9
1900	115,3	114,3
1901	122,8	105,1
1902	120,8	101,8
1903	115,1	106,7
1904	117,2	111,9
1905	121,5	115,2
1906	131,2	126,4
1907	139,7	133,4
1908	136,9	125,8
1909	143	119,9
1910	144,4	126,9
1911	141,1	130
1912	147,9	133,4
1913	147,2	137,7
1914	148,6	151

Мы видим, что начиная с 1900 г. все время сельскохозяйственный индекс стоит значительно выше промышленного, т. е. по сравнению со средней 90-х годов, положенной в основу индексов, положение сельского хозяйства было все время лучше, чем промышленности. В 90-х же годах 1896 г. занимает исключительное положение: сельскохозяйственный индекс был тогда ниже, чем в каком бы то ни было другом году, и сам по себе, и по отношению к промышленному индексу. Этот исключительный год и выбрал А. В. Пешехонов, пере-

числил на него индексы неурожайного 1924/25 г. (наиболее выгодные для сельского хозяйства из всех лет советского периода) и получил одинаковые сельскохозяйственный и промышленный индексы 1924/25 г. по отношению к 1896 г. Помимо всех методологических соображений, которые могут быть выдвинуты против такой статистической операции (несравнимость довоенного и современного индексов по составу товаров, ошибка, вытекающая из простого перемножения индексов, так называемой интеркаляции, когда индекс, как в данном случае, представляет из себя арифметическую, а не геометрическую среднюю и проч.), нужно подчеркнуть, что для перечисления выбран был год исключительный в том отношении, что он наступил после двух прекрасных урожаев, и в том, что подготовка денежной реформы и собирание необходимых запасов золота в стране вызывали в это время особенно энергичные таможенные меры против импорта промышленных изделий. Заключать на основании этого одного года (даже если бы расчет был вполне правилен), что соотношение до войны бывало, и довольно долго, такое, как сейчас, не совсем законно.

Но самое главное, конечно, то, что полагаемые А. В. Пешехоновым в основу своей операции современные обычные индексы, как было показано, ни в малой степени не рисуют полной меры эксплуатации крестьянства. Кроме того, важно еще и следующее: средства, выжимаемые из деревни сейчас, бесхозяйственно растрачиваются на содержание гипертрофических советских «аппаратов», а тогда они шли на создание и развитие русской промышленности, которая, что бы об этом ни думал А. В. Пешехонов, за последние десятилетия до войны сделала огромный шаг вперед во всех смыслах, чего внешним проявлением было, между прочим, и то постепенное удешевление промышленных товаров для крестьянства, которое вытекает из проведенных только что рядов цифр. Но тут мы уже подходим к вопросу о преимуществах и недостатках частного хозяйства по сравнению с советским государственным, который я отложил на конец моих возражений.

Что было бы, если бы процесс восстановления русского народного хозяйства после разрушений, нанесенных ему в эпоху «военного коммунизма», происходил

не в условиях советской национализации, а на частно-хозяйственных основах?

А. В. Пешехонов, как я уже упоминал, признает в одном месте своей статьи, что трудно спорить о том, «что было бы, кабы», и к этому, конечно, можно только присоединиться. Но это не мешает ему в течение всей статьи сплошь и рядом высказывать весьма категорические суждения по этому поводу, суждения не в пользу частного хозяйства. Он утверждает, что частное хозяйство не нашло бы «так быстро» выхода из того чрезвычайно тяжелого положения, в котором находились промышленные предприятия в момент перехода к нэпу; что неизбежная на первых порах до восстановления рынка сбыта убыточность предприятий вызвала бы стихийную их ликвидацию, стало быть, «вместо восстановления народного хозяйства продолжалось бы его дальнейшее разрушение». Далее, что в условиях частного хозяйства не могли бы быть так быстро накоплены нужные для работы промышленности оборотные средства; а что достать средства за границей частное хозяйство тоже бы не сумело. Наконец, он утверждает, что эксплуатация крестьянства в пользу промышленности при частнохозяйственном строе была бы больше, чем сейчас.

Чем же он обосновывает эти свои утверждения? Несмотря на то что он многократно и многоречиво возвращается к этим мотивам, я кроме некоторых общих рассуждений (которым могут быть легко противопоставлены одинаково убедительные рассуждения противоположного смысла) нашел у него только три фактических аргумента: 1) то, что сейчас в советской России частный капитал работает плохо и, скорее, во вред, чем на пользу народному хозяйству; 2) что русская промышленность и до войны жила на казенные субсидии; 3) что хозяйственное восстановление Западной Европы после войны идет медленно.

Первый аргумент должен быть решительно отвергнут. Ведь когда говорят о восстановлении русского народного хозяйства на частнохозяйственных основаниях, то, конечно, речь идет не о денационализации промышленности в условиях существующего политического и правового режима, а на основе восстановления в России условий правового государства. Современный частный капиталист в советской России есть целиком

порождение того уродливого режима бесправия, административного произвола и классовой юстиции, который сохранен до сих пор в полной неприкосновенности. В таких условиях, когда специально против частного капитала как конкурента государства на экономическом поприще направляется целый арсенал средств — от тягчайших налогов и сборов до отказа в кредите, в отпуске товаров, в перевозке грузов, — тогда на работу в качестве частных торговцев и промышленников могут идти, казалось бы, только особо авантюристские элементы, причем, нажившись, тут же нажитое богатство и проматывать, ибо копить его на предмет конфискации тем или иным порядком — бессмысленно. И судить по тому, как работает этот советский нэпман, о том, как бы работала частная инициатива в условиях правового государства и гражданской свободы, — нет никакой возможности.

Я должен, впрочем, сказать, что то, как этот советский нэпман сейчас работает при этих невероятно трудных условиях, — это делает ему, скорее, честь, чем его порочит. Хотя этот социальный тип мне так же малосимпатичен, как и А. В. Пешехонову, я объективно не могу этого не признать. Мы уже выше, в некоторых выдержках из советской печати, встречали отдельные указания на то, что частная промышленность и торговля работают лучше, дешевле, экономнее, чем государственная. Если мы прочитаем упомянутые выше материалы Комиссии ВСНХ о положении частного капитала, то мы там найдем целый ряд таких указаний, причем встретимся там с признанием, что если частный капитал, несмотря на невероятно тяжелые условия, создаваемые для него советским государством, все-таки кое-как живет, работает — то это главным образом благодаря его большой деловитости и умению хозяйствовать *. А если это так, то это говорит кое-что в пользу частной предприимчивости и инициативы...

Но обратимся к вопросу о том, что было бы, если бы русское народное хозяйство восстанавливалось бы на частнохозяйственных основах в условиях правового государства.

Конечно, после разрушений, нанесенных народному хозяйству тремя годами донэповской национали-

* Экономическое обозрение. 1926 г. Август. С. 102, 104, 113, 114, 116 и др.

зации, трудности восстановительного процесса были значительны, и я не стану утверждать, что все пошло бы сразу быстро и гладко. Был бы, несомненно, период неизбежной убыточности, если не в среднем для всех, то для значительной части предприятий; и, предоставленные самим себе, многие из них, может быть, и не справились бы с затруднениями. Но зачем непременно представлять себе восстановление частнохозяйственной инициативы и денационализацию после «военного коммунизма» сразу же в форме чистейшего «манчестерского» (попустительства, небрежности) с полной некоординированностью действий отдельных хозяев, с отсутствием у них всякой связи друг с другом и с государством? * Вероятнее всего, найдены были бы какие-нибудь требуемые катастрофическим состоянием хозяйства разумные переходные формы кооперации отдельных частных хозяйств с участием государства или под контролем государства, которые бы позволили наиболее безболезненно пережить тяжелый момент и перейти в нормальные условия. Ведь и восстановление хозяйства западноевропейских стран после войны, его переход от «военного социализма» к нормальным условиям происходило преимущественно на основе таких переходных компромиссных форм, характеризующихся некоторым ограничением автономии хозяйственного индивида и в то же время не отдающих его всецело во власть конъюнктурной стихии. Трудно гадать о том, какие конкретные формы такого рода найдены были бы в России. Но надо думать, что они бы обеспечили, во всяком случае, тот элемент взаимопомощи, если угодно, взаимного страхования, который нужен был бы в первый, наиболее тяжелый период после устранения коммунизма. Таким образом, были бы обеспечены все выгоды, которые А. В. Пешехонов видит в национализации в тот переходный период, а в то же время не было бы налицо очень существенной ее невыгоды — государственного предпринимательства, ведения хозяйственных предприятий чиновниками, теми «государственными приказчиками», о бюрократизме и косности которых так красноречиво говорит один из цитированных выше советских эконо-

* А. В. Пешехонову частнохозяйственный строй, по-видимому, только в таком виде и рисуется, — как совокупность ничем не связанных друг с другом и расталкивающих друг друга в бешеной погоне за наживой «капиталистических акул».

номистов. Была бы та выгода, что во главе предприятий стояли бы люди, относящиеся к делу, как к своему, а не как к чужому делу, с которым человек прочно не связан и за счет которого ему важно лишь пожить-ся. Не нужно никакой «мистической веры в чудодейственную силу частной предприимчивости», чтобы понять этот простой факт. Почему же мы должны думать, что при наличии этой существенной выгоды и при прочих равных условиях процесс восстановления должен был бы пойти медленнее, а не наоборот?

Вопрос денежных средств? Но ведь нужно быть совершенно слепым, чтобы утверждать, что теперешний советский хозяйственный и правовой уклад создает более благоприятные условия для накопления средств, чем частнохозяйственный строй в правовом государстве. Одним из самых важных пороков существующего в России строя является то, что он создает серьезнейшие помехи для накопления капиталов в стране. Накопление требует прежде всего уверенности в завтрашнем дне, уверенности в неприкосновенности имущества граждан; эту уверенность советская власть радикально у своих граждан искоренила. Одна маленькая цитата. В «Экономической жизни» от 6 февраля 1926 г. некий Гольберг пишет о неудачах, которые постигали до сих пор работу советских государственных сберегательных касс в деревне. А вот причина: «Основное препятствие, лежащее на пути применения 1-й формы (речь идет о формах утилизации народных сбережений; 1-я форма — сберегательные кассы), это опасность разглашения тайны вкладов. Недоверие, как известно, — одна из характернейших черт психологии крестьянина, а в данном случае опасность разглашения связана с такими неприятными перспективами, что вряд ли крестьянин скоро решится преодолеть свои опасения. Опыт дает нам в этом отношении любопытнейшие факты. Обследование деревенских касс указывает, что если крестьянин и держит свои деньги кое-где в сберкассе, то ни в коем случае не в своей деревне: он стремится держать их в соседнем селе или ближайшем городе. Несоблюдение тайны вкладов — это такое затруднение, с которым сберкассам и кооперации вряд ли удастся справиться в ближайшее время. Но это означает лишь одно: надо усилить работу в самой деревне, особенно разъяснительную».

Опасность разглашения тайны сбережений! Вот что тяготеет над накоплением средств у населения. Какой же смысл сберегать, когда завтра узнают и отнимут?

Этой опасности при нормальном хозяйственном и правовом строе не будет. И это фактор огромного значения, фактор, который А. В. Пешехонов решительно недооценивает.

Советская власть за эти годы собрала значительные средства. Да, но мы видели, каким путем она их собрала: извлечение средств из ненационализированных отраслей хозяйства не есть накопление. Даже более: поскольку это извлечение носит чрезмерно жестокий характер и посягает на «жир» частного хозяйства преждевременно, не дав ему достаточно нарасти, оно препятствует накоплению в частном хозяйстве, не создавая в то же время новых капиталов в государственном хозяйстве.

А получение средств извне, из-за границы? Неужели и здесь советская власть и советский хозяйственный строй имеет преимущества перед частным хозяйством? Этого А. В. Пешехонов не решается сказать. Он удовлетворяется указанием, что у частного хозяйства здесь нет преимуществ перед советским хозяйством: все равно капиталов из-за границы бы не достали, ибо их там нет. А где доказательства? Доказательство простое: ведь не идут же они в Советскую Россию!! Нужно ли мне доказывать А. В. Пешехонову, что не идут-то они в Россию главным образом потому, что в существующих там политических и правовых условиях это связано с неприемлемым для солидного капиталиста риском? И что то, что они не идут в Советскую Россию, отнюдь не говорит о том, что они не пошли бы в Россию, если бы там был правовой и хозяйственный строй, который они привыкли видеть в современных цивилизованных государствах?

Есть (веские) основания думать, что они бы туда пошли. Ибо совершенно неверно, что свободных капиталов в мире нет. Капиталообразование после войны сократилось по сравнению с довоенным временем, но не настолько, чтобы Россия со своими неисчерпаемыми богатствами не могла достать нескольких миллиардов рублей. Одни Соединенные Штаты накапливают около 9 млрд золотых рублей в год новых капиталов. Не надо к тому же забывать, что почти все страны пере-

живают кризис сбыта промышленных товаров, почему они, во всяком случае, охотно идут на товарные кредиты. Если бы не эти обстоятельства, то вряд ли советские представители сидели бы с 1920 г. в Лондоне: с ними бы там и разговаривать не стали.

Кстати, по поводу хозяйственных затруднений Европы как довода в пользу того, что и в России частное хозяйство плохо справилось бы с восстановлением: А. В. Пешехонов знает, конечно, что экономические трудности, переживаемые Европой, состоят главным образом в кризисе недопотребления, в сузившемся рынке сбыта, а не в плохой работе промышленности, транспорта или торговли. Но ведь эта-то как раз опасность России угрожала бы в несравненно меньшей степени, ибо, как А. В. Пешехонов сам многократно подчеркивает, для современной России характерна высокая и прочная конъюнктура сбыта промышленных товаров, конъюнктура товарного голода. Высокая конъюнктура начала устанавливаться уже на третий год нэпа, как только крестьянское хозяйство окрепло от нанесенных ему до нэпа разрушений, и если сейчас она начинает ослабевать, то главным образом из-за чрезмерных «ножниц цен», создаваемых государственным хозяйством, и из-за очень плохого качества изделий советской промышленности. И на основе широкого и ненасыщенного русского рынка частная промышленность, вероятно, не позже, а раньше преодолела бы хозяйственные затруднения, чем государственная. Поручкой тому тот факт, что себестоимость промышленного производства, несмотря на все дефекты, которые можно видеть в русской довоенной промышленности, была у нее в 2 раза ниже, чем сейчас *.

Но не стала ли бы частная промышленность чрезмерно наживаться за счет мужика, тоже нажимая на «ножницы цен»? Эту опасность А. В. Пешехонов усиленно подчеркивает. Возможно, что были бы такие тенденции. Но ведь государство имело бы всегда возмож-

* Надо еще заметить, что так как в условиях частнохозяйственного строя и правового государства не было бы тех моментов, мешающих накоплению населения, которые имеются в советском строе, то процесс накопления и у сельского и у городского населения и восстановление его покупательской способности пошел бы быстрее, а тем самым период затруднений в сбыте промышленных изделий был бы изжит и скорее и легче.

ность путем умелой таможенной политики эти тенденции умерить. А! — говорит А. В. Пешехонов, — ведь это значит открыть двери иностранным товарам и превратить Россию в колонию!

Зачем сразу открывать двери и превращать в колонию? Ведь может быть найдена разумная линия политики, избегающая обеих крайностей. Можно быть вполне уверенным, что демократическое правительство было бы, по меньшей мере, столь же несклонно превращать Россию в колонию, как и советская власть. А что касается второй крайности — чрезмерной эксплуатации крестьянства, — то один удельный вес крестьянских масс в населении России при условиях демократического представительного строя служит достаточной гарантией того, что мерами государственной власти такая чрезмерная эксплуатация не была бы допущена.

Я прихожу к концу моего разбора. Я думаю, мне удалось показать, что современный хозяйственный строй России, основанный на принципе ограниченной национализации: 1) не обеспечивает нормально дешевого производства промышленных товаров и доставки их потребителю, что, наоборот, промышленность и торговля работают при нем чрезвычайно дорого благодаря бюрократической и бесхозяйственной постановке дела, 2) что он создает серьезные помехи для накопления капиталов в стране и что 3) он мешает получению кредитов извне. Можно ли при этих условиях утверждать, что этот строй был и останется специально квалифицированным для восстановления народного хозяйства России или, наоборот, надлежит, скорее, считать, что он является обузой, мешающей этому восстановлению? Я думаю, что возможен лишь один объективный ответ — во втором смысле.

Что же отсюда вытекает для принципа национализации вообще? Какое значение для оценки этого принципа имеет русский опыт?

Что принцип национализации на русском опыте «блестяще себя оправдал», как утверждает А. В. Пешехонов, — это из рассмотренных фактов не вытекает ни в малой степени. Вытекает обратное — что в России он себя совсем не оправдал. Значит ли это, что он обанкротился вообще?

В такой безусловной форме я бы этого утверждать

не стал. Ибо так трудно решить, что должно быть в неудаче опыта положено насчет имманентных ему черт, а что насчет условий его осуществления. Но именно потому, что решить это так трудно, не следует, с другой стороны, совсем отрешиваться от уроков русского опыта, ссылаясь на неподходящие условия. Этот опыт, во всяком случае, говорит о том, что в принципе национализации могут крыться серьезные опасности для национального производства, опасности, с которыми должен считаться всякий вдумчивый политик. И с этими опасностями фактически все более считаются не только в широких демократических, но и в социалистических кругах Европы.

Л. Пумпянский

Из сборника «Экономический вестник» (Берлин, 1923, кн. I)

ОРГАНИЗАЦИЯ И РАБОТА СОВЕТСКИХ ТРЕСТОВ

II

«Новая экономическая политика» является резким поворотом в истории советского хозяйства. Скованные по рукам и ногам, закрепощенные сверху донизу народные массы вновь призываются к хозяйственной активности. Коммунистический Левиафан признает свое банкротство и спешно сдает свои позиции. Укрепившаяся при его помощи советская власть не в состоянии дольше удерживаться на позиции парализованного народного хозяйства; накопленные ранее запасы приходят к концу. Чтоб продолжать существовать, государство должно вызвать экономически творческие силы. И нужно отдать справедливость советской власти, она с неподражаемой откровенностью и смелостью признала непригодность тех коллективистски-коммунистических принципов, осуществление которых она с таким упорством и с такой жесткостью в течение стольких лет проповедовала словом и делом, неспособность их к народнохозяйственному творчеству и губительность для будущего страны. Она попыталась только оправдать свою коммунистическую политику указанием на ее относительное, историческое значение в период войны, но в дальнейшем «всерьез и надолго» от нее отказалась и начала «спуск на тормозах» обратно к капитализму.

Но, поставив себе задачу развязывания капиталистических творческих сил, советская власть, возглавляемая коммунистической партией, вызывала враждебных себе духов, бояться которых она имела немало оснований. Поэтому в отношении власти к ее экономической политике неизбежно обнаруживалась двойственность. Инстинкт самосохранения толкнул ее на путь капита-

лизма и тот же инстинкт самосохранения удерживал ее от него; однако если в предыдущий период власть, опираясь на захваченные ею богатства, могла не считаться с хозяйственно-творческими силами, то теперь, когда самое существование власти оказалось в зависимости от степени народнохозяйственной производительности страны, от народного дохода, сила производительных элементов и их влияние на государство стали определяющим фактором, борьба с которым представляет величайшие трудности.

Капиталистическая стихия почувствовала свое историческое значение, разворачивается быстро и стремительно, несмотря на опасности, личные и имущественные риски. <...> Восстановить национальный рынок — первая задача в деле восстановления народного хозяйства. В течение одного года эта задача разрешается. Разбитые местные рынки, уже перешедшие на примитивно-товарообменный оборот, установившие свои товарно-денежные единицы, замкнувшиеся в своем местном хозяйстве, начинают при помощи все укрупняющейся торговли вновь связываться друг с другом, затем с промышленными центрами и, наконец, с внешним рынком. Пробуждается сначала мелкая, затем оптовая и импортно-экспортная торговля. Возобновляя товарооборот в стране, она преобразует натуральное хозяйство в производительское, восстанавливает транспорт и стимулирует промышленную активность.

«Свободная торговля», восстановившая рынок, нуждается в товарах для его питания, но национализированная, мертвой хваткой коллективизма придушенная промышленность остается закрытой для хозяйственного творчества. Процесс раскрепощения ее должен тоже коснуться. И животворящий дух начинает вслед за обменом проникать в производство.

Свобода торговли свалила идола коммунистической экономики, натворившего больше хозяйственных разрушений, чем все остальные советские божки; этим идолом был Народный Комиссариат Продовольствия (Наркомпрод). <...>

Победа новой экономической политики была поражением Наркомпрода. Он сопротивлялся, как мог, но логика жизни оказалась сильнее. Монополии Наркомпрода рухнули, а сам Наркомпрод постепенно преобразовался в... акционерное общество Хлебопродукт,

оценив накопленные богатства в 75 млн золотых рублей — основной капитал акционерного общества.

Падение Наркомпрода развязало руки ВСНХ. Перед промышленностью открылись новые перспективы. Раз руки Наркомпрода сброшены с продовольствия, сырья и рынка сбыта, промышленность может вновь развивать свою работу. И промышленность потянулась к сырью и рынку, где ее ждали уже освободившиеся от Наркомпрода покупатели и продавцы.

Перевод промышленности на капиталистические рельсы представлял, однако, гораздо больше трудностей, чем восстановление капиталистической торговли. Во-первых, по причинам свойства политического. Предоставление населению свободы торговли развивало общественно-политические силы распыленной массы мелких производителей, трудно поддающейся политической организации, раскрепощение же промышленности высвобождает из-под непосредственного касательства власти легко поддающиеся организации и политически быстро воспламеняемые слои фабрично-заводского пролетариата, усиливая в то же время влияние на них наиболее активной и политически сознательной части буржуазии, ее промышленного отряда. Во-вторых, по причинам свойства экономического. Современная капиталистическая промышленность представляет из себя сложный общественно-хозяйственный организм, требующий для своего нормального функционирования наличности определенных экономических предпосылок: определенного капитала, соответственного рынка сбыта, пригодной и поддающейся промышленной дисциплине рабочей силы и т. д. В 1921 г. промышленность находилась еще в таком состоянии, что ни одна из этих предпосылок не была сколько-нибудь прочно установлена. Промышленный капитал валялся в истерзанном, часто истрепанном виде; готового внутреннего капитала для промышленной деятельности не было, а на иностранный капитал рассчитывать мешала политическая обстановка; рынок сбыта еще не был обработан торговым капиталом, а сырьевые источники находились в совершенно дезорганизованном и разрушенном состоянии; рабочая сила, деморализованная и распыленная предыдущим периодом, должна была подвергнуться суровой дисциплинировке, для которой требовалась исключительная обстановка.

Поэтому со свободой промышленности правительство не спешило, а под давлением требований жизни выдумало компромиссное решение, сохранявшее связь промышленности с государством, но распускавшее натянутые ранее вожжи государственного управления промышленными предприятиями и предоставлявшее им теперь плавать в мутной воде бушующей стихии по воле ее волн. На языке советских бюрократов программа этого компромисса формулирована следующим образом: «Президиум выдвинул принцип применения в промышленности хозяйственного расчета, понимая под этим ведение предприятий на таких началах, при которых все затраты на предприятия должны строго учитываться и окупаться, а в результате работы предприятия должно быть увеличение материальных благ. Это положение требовало применения в самой широкой мере принципов как концентрации предприятий, так и их комбинирования, а все, вместе взятое: и хозяйственный расчет, и концентрация, и комбинирование — требовали реорганизации самого порядка управления предприятиями и неизбежно выдвигали тот современный тип организации крупной промышленности, который заставляет сосредоточить ряд крупных единиц в одном управлении, другими словами, проводить «трестирование» (председатель ВСНХ П. Богданов, «Русская промышленность в 1921 г. и ее перспективы. Отчет к 9-му съезду Советов», с. VII). <...>

III

Положение о трестировании национализированной промышленности и переводе ее на хозяйственный расчет отличалось свойственной большинству советских декретов неясностью и расплывчатостью. Ни юридическая природа, ни экономическое положение трестов не получили сколько-нибудь детальной разработки. Сказано было: работайте, а как работать и чем в работе руководствоваться, покажет жизненная практика.

Инициатива переорганизации промышленности и ее оживления была фактически передана тем элементам, которые сработались друг с другом в секциях совнархозов и состояли в одной части из лиц, причастных к

возглавляемой ими отрасли промышленности, работавших в частных предприятиях в качестве техников или служащих, а частью из коммунистов, к ним приставленных. Эти люди взяли на себя тяжелую задачу организации на коммерческих началах трестов, увлекаемые перспективой относительно независимой, творческой и доходной работы. К этой работе они привлекли те живые хозяйственные силы, которые сохранились от частнохозяйственной организации на предприятиях, в качестве управляющих, служащих и рабочих. Без этих переживших годы испытаний промышленных ячеек возобновление промышленной деятельности было бы невозможно.

Только через полтора года после торжественного провозглашения правительством новых начал промышленной политики, когда уже 90 % национализированной промышленности перестроилось на коммерческий лад, руководители советской экономической политики заметили, что их участие в деле пуска в ход промышленности совершенно ничтожно и что какие-то другие силы, худо ли, хорошо ли, эту работу выполняют. Вот как пишет об этом редактор «Экономической жизни» г. Крумин в номере от 14 декабря: «Действительность показывает, что процесс образования трестов является стихийным процессом по всей линии, процессом, которым мы не владеем по сей день и который ни в какой степени мы не направляем. Действия высших регулирующих промышленность органов сводились по большей части к формальному утверждению *status-quo*». Дальше тот же Крумин приводит целый ряд фактов, показывающих, «до чего стихийен и самоволен был процесс трестирования». Так, Орехово-Зуевский трест перешел на самоснабжение, т. е. стал работать за свой счет, 1 июня 1921 г. явочным порядком, начал общую работу с октября, а правление его утверждено было Московским советом народного хозяйства только 12 декабря 1921 г.; Главрезина перешла на хозяйственный расчет в октябре 1921 г., а положение о резинотресте утверждено только 13 января 1922 г. и т. д.

Итак, реорганизация промышленности в 1921 г. произошла с точки зрения государственно-хозяйственной власти «стихийно и самовольно». Ее носителями были те живые активные силы, которые скрывались в недрах закрепощенной в 1919 г. промышлен-

ности. Эти силы своей практической работой взорвали изнутри всю воздвигнутую по коммунистическому плану бюрократическую систему промышленного управления. Они прорвали, а затем уничтожили порядок сметного финансирования промышленности, они явочным порядком связались с сырьевым и сбытовым рынком и стали хозяйничать на свой риск и страх. Руководители же советской экономической политики долго спорили о том, как им надлежит отнестись к этой идущей снизу ломке обанкротившейся системы, и, не имея сил для сопротивления творческому процессу, дали ему в конце концов свое благословение, прикрыв его туманными формулами «перехода от централизации управления к децентрализации», «трестирования», «хозяйственного расчета» и т. д., формулами, затуманивающими действительно происходящую перестройку промышленности. Не будучи в состоянии творчески вмешаться в работу освобождающейся от государственного управления промышленности, Высший Совет Народного Хозяйства предоставил ее руководителям на время свободу действий, занявшись сломом своего громоздкого, никчемного аппарата и приспособлением его к условиям и нуждам момента.

Обратимся теперь к «трестам» и установим, что под этими советскими трестами следует понимать.

IV

Советские тресты 1921/22 г. являются более или менее случайными объединениями национализированных предприятий по территориальным и производственным признакам, сгруппированных под управлением самочинно образовавшихся, произвольно хозяйствующих коллегий, возникших вследствие разложения бюрократически коллективистической системы народного хозяйства, осуществлявшейся в России в 1918—1920 гг.

Советским трестам не свойственны те организационно-производственные и коммерческие устремления, которые отличают промышленные тресты на Западе. Не дух монополии, не цели исключительного господства в данной отрасли производства и на данных рынках характерны для наших «трестов», а, скорее, наоборот,

разрушение умертвившего промышленность государственно-монопольного уклада ее. Не подчинение разрозненных предпринимательских усилий общему коммерчески-техническому руководству в лице правления какого-нибудь американского треста, а, наоборот, изъятие этого управления и руководства из центрального управления ВСНХ и распыление его по большим или меньшим группам промышленных предприятий — сущность советского трестирования. Наши «тресты» являются не переходной ступенью от более простых к более сложным отношениям капиталистической организации народного хозяйства, а переходом от феодально-бюрократической к примитивно-капиталистической системе.

Наши тресты, как указано, вылупились из той бюрократической оболочки, в которую была по схеме ВСНХ, ГСНХ и Экономического отдела совдепа, по схеме секционных управлений отраслями промышленности и т. д. уложена наша промышленность. В большинстве случаев образование трестов практически произошло путем переделки частей этого сложного аппарата. «Тресты сплошь и рядом — механическое продолжение прежних главков, кустов и т. д. (Главрезина, Главстекло, Главсахар)» *, а в провинции тех органов губсовнархозов, которые управляли ныне трестируемыми предприятиями. Ввиду же того, что инициатива перехода на «хозяйственный расчет» и эмансипации от ненавистой бюрократической системы исходила от местных работников, организация трестов автоматически ломала прежний аппарат централизованного управления и рассыпалась на множество сравнительно мелких, не связанных друг с другом объединений. Преемственность трестов от всеобъемлющего аппарата ВСНХ обеспечила трестам размах деятельности, распространение вносимого ими капиталистического метода хозяйства почти на всю национализированную промышленность.

Из нижеприведенной таблицы видно, насколько процесс разложения бюрократической системы управления промышленности на самоуправляющиеся трестовские группы охватил нашу промышленность:

* Наша трестированная промышленность, изд. РКИ.

Промышленность	Количество трестов	Количество предприятий	Количество рабочих в них	Количество рабочих во всей промышленности	% рабочих трестов промышленности к общему количеству рабочих
Электротехническая	19	104	21017	21017	100
Швейная	10	72	22661	25000	90
Текстильная	52	484	284615	310000	91
Горная, каменно-угольная и нефтяная	34	494	191600	200000	95
Полиграфическая	24	198	15437	20000	77
Химическая	34	271	38784	46611	84
Бумажная	9	59	19318	19318	100
Деревообрабатывающая	28	385	25547	45000	56
Силикатная	49	347	37785	41000	92
Металлическая	57	411	230415	290000	79
Кожевенная	10	809	34159	40000	85
Пищевая	65	1010	54694	63000	86
Всего	430	4144	976942	1 110946	88

Таким образом, 88% промышленности, учтенной советской властью, занимающей около одного миллиона рабочих, разбилось на 430 трестов, 172 находятся в ведении Москвы, Петербурга, Юго-Восточного и Сибирского центров и распоряжаются 2281 предприятием и 816 883 рабочими, а 258 <трестов> с 1863 предприятиями и 159 024 рабочими совершенно оторваны от центров, находясь в ведении губернских совнархозов.

Если же отойти от обобщающих цифр и приглядеться к пестрой действительности, то немедленно обнаруживается, что под общей кличкой трестов, распространившейся почти на всю промышленность, скрываются самые разнообразные промышленные образования, как по величине, так и по доброкачественности, как по финансовому, так и по производственному своему положению. <...>.

Значительное количество трестов представляет из себя чисто номинальное объединение отдельных, ничем не связанных друг с другом мелких заводов или мастерских, принадлежащих к одной отрасли

промышленности, но производящих совершенно различные изделия и фактически совершенно не связанных друг с другом в производственно-хозяйственном отношении. В других случаях тресты являются территориальными объединениями, оказавшимися в руках местного совнархоза предприятий, в которых наряду с лесопильным заводом можно найти кондитерскую фабрику, слесарную мастерскую, кирпичный, кожевенный или маслобойный завод.

Что же касается до крупных объединений, то и в них случайные, административные и политические моменты превалировали при выделении той или иной группы в объединение над моментами производственно-хозяйственными, на что жалуются теперь советские экономисты, указывая на Богородско-Щелковский трест, ткацкие фабрики которого могут переработать всего 50% его прядильной выработки, в то время как в камвольном тресте наблюдается обратное положение, недостаток прядильных веретен и избыток ткацких станков.

Тем не менее на пестрой и запутанной картине, которую представляет разбитая по советским трестам русская промышленность, отчетливо видны следы истории каждой отрасли в период ее органического, капиталистического развития. В тех отраслях промышленности, где до революции была подготовлена полная концентрация, мы находим монопольные тресты (резинотрест), в тех отраслях, где происходили процессы частичных концентраций, мы находим их отражение в образовании ряда крупных объединений-трестов, наконец, в зависимости от большей или меньшей степени распыления промышленных предприятий мы находим более или менее механическое включение разных предприятий в одно трестовое управление. Мы, таким образом, имеем перед собою стихийно происходящую, но еще не доделанную реставрацию дореволюционной организации промышленности.

Обратимся теперь к внутренним организационным отношениям трестов: к взаимоотношениям трестов с государством и правлений трестов с заводоуправлениями.

Наиболее запутанным и до сих пор не разрешенным вопросом в жизни советских трестов является вопрос об их юридической природе. Являются ли тресты «самостоятельными субъектами права» или «органами государства, которым предоставлены широкие права административного и хозяйственного самоуправления» (Л. А. Лунц), являются ли они «доверенными приказчиками казны, получившими в свое управление определенную статью государственного имущества» (С. А. Хренников) или «юридическими лицами в формальном смысле», но в отношении переданного имущества нет полной раздельности треста и государства, и трест здесь должен скорее рассматриваться как орган государства (А. Ф. Вормс) *, об этом спорят московские юристы, а английские юристы при обсуждении этого вопроса в связи с рядом предполагавшихся к заключению в Англии договоров между Северолесом и английскими предприятиями пришли к заключению, что Северолес не юридическое лицо и не самостоятельный субъект права в частноправовом смысле, а орган государства.

Но если трест орган государства, то он должен иметь точно регламентированное положение, определяющее его права и обязанности, а между тем уставы, наспех составленные для оформления самочинно начавших хозяйствовать правлений трестов, ничего подобного не содержат. «На основании данных, полученных из ВСНХ, выясняется, что существеннейшие стороны деятельности трестов остались вовсе без законодательной нормировки и без регламентации в порядке устава. Так, в уставах в большинстве случаев ничего не говорится об учете имущества трестов, переданного им от государства, нет срока для составления начинательного баланса и инвентаря имущества, полученного трестом, не установлено достаточных гарантий надлежащего употребления оборотного капитала, не ясны основания исчисления чистой прибыли, погашения выданных ссуд, не говорится о порядке ликвидации и не установлена пла-

* Очередные вопросы финансовой политики: Сборник второй Наркомфина. Москва, 1922. С. 97.

та государству за полученное имущество — основной капитал» *.

Не имея под собою сколько-нибудь определенной правовой почвы, правления трестов должны были творить свое право; сообразно с этим они по отношению к внешнему миру выступали как юридические лица, как самостоятельные субъекты права в частно-правовом смысле, а по отношению к правительству как поставленные им приказчики, управляющие казенным добром.

Отношения Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ) и его органов к трестам заключались, во-первых, в определении состава правлений, причем определяющим моментом было наличие тех или иных предприимчивых специалистов, которые являлись инициаторами образования треста, и подбор подходящих для сотрудничества с ними представителей правительства и профсоюзов, во-вторых, в общем регулировании и контроле деятельности трестов, предусмотренных в положении о трестах. Однако за отсутствием конкретных форм «регулирования и контроля» вмешательство ВСНХ в работу трестов носило совершенно неопределенный характер и находилось в зависимости от степени деловитости и умелости правления. В тех случаях, когда правление треста занимало твердую и решительную позицию, когда оно смело и умело принималось за работу, оно тем самым ограждалось от мелочного вмешательства высших хозяйственных органов власти в жизнь треста и ограничивалось заполнением анкетных листов и дружеским общением с начальством; в тех же случаях, когда правление обнаруживало внутреннюю разрозненность и деловую слабость, оно подпадало под назойливый и непрестанный контроль и еще больше парализовалось в своей деятельности, что вело к безжизненности треста и поискам новых людей для правления.

В общем и целом взаимоотношения трестов и ВСНХ основывались на их заинтересованности и зависимости друг от друга. Успешная работа трестов была основой престижа ВСНХ, поддержка ВСНХ, финансовая и политическая, была необходимым условием

* Там же. С. 91.

для развития практической работы трестов. Правительственный аппарат в обстановке, созданной новой экономической политикой, пропитался обостренными ведомственными и групповыми антагонизмами, и каждый действующий в нем орган должен делать чрезвычайные усилия для отстаивания своих специфических интересов. Наркомфин (финансы), РКИ (Рабоче-крестьянская инспекция), ГПУ (Госполитуправление), Наркомтруд, Комиссия по внутренней торговле, НКВТ (Народный комиссариат внешней торговли), враждующие по отдельным вопросам между собою, по отношению к промышленности занимали далеко не благожелательную позицию, не говоря уже о крупнейших заказчиках, но неисправнейших плательщиках промышленности, путях сообщения и военном комиссариате. В постоянных столкновениях с этими ведомствами протекала беспокойная жизнь ВСНХ и трестов, и наличность общих врагов заставляла их искать друг у друга помощи и поддерживать между собою тесную связь. Эту «высокую политику» обычно проводили входившие в состав правлений представители ВСНХ и профсоюзов — коммунисты, самым фактом работы в тресте проникавшие его интересами.

Однако отсутствие твердых правовых гарантий и постоянное отвлечение правлений вопросами «высокой политики» не могли не отражаться на и без того весьма сложной и ответственной практической работе трестов, затрудняя ее до крайней степени. И если, тем не менее, трестам удалось ею с большим или меньшим успехом овладеть, то лишь благодаря тому подъему творческой активности, который проявился после нескольких лет бездействия у привыкших к работе живых промышленных сил.

Также неопределенно складывались взаимоотношения правлений трестов с подчиненными им заводууправлениями, и тут отсутствие каких бы то ни было установленных регламентов и инструкций заменялось эмпирически устанавливавшимися практическими отношениями, определявшимися большей частью деловыми качествами, умелостью и тактом правленцев и заводских людей. Зависимость этих двух групп промышленных деятелей друг от друга ощущалась не меньше, чем взаимозависимость правлений и соответствующих органов власти. И так же,

как ВСНХ не в состоянии был командовать над трестами, так правления трестов не в состоянии были командовать над подчиненными им заводоуправлениями, для этого у них не было ни достаточной власти, ни достаточных средств.

Заводоуправления вели работу на своих предприятиях в производственном отношении совершенно независимо, ибо правление треста, занятое, с одной стороны, «высокой политикой», а с другой — финансово-коммерческой частью, не имело ни возможности, ни аппарата, ни досуга, чтоб задумываться над рациональной постановкой производственной работы. Оно требовало от заводоуправлений выработки, и заводоуправления проявляли в этом отношении достаточно энергии, поскольку правление давало им деньги и сырье, которое они требовали.

Таким образом, произошло естественное разделение труда, заводоуправление ведало производственной частью своего предприятия, а правление треста обслуживало его финансово-коммерческие нужды. Общая же производственная программа и политика треста по большей части являлась бумажным творчеством правительственных канцелярий, в практической жизни не имевшей ни объективной, ни субъективной реальности.

Но между правлениями трестов и заводоуправлениями отнюдь не всегда царили мир и благоволение, наоборот, нормальным состоянием следует признать напряженный антагонизм, прикрытый неразрывной взаимозависимостью. Заводоуправления, несущие на себе всю производственную работу и ответственность перед рабочими, требуют от правления треста финансов и материала, а правление далеко не всегда и не вовремя может их удовлетворять, тогда происходят конфликты, нередко приводящие к тому, что заводоуправление начинает обходить правление треста и либо обращается в высшие инстанции, либо продает свою выработку помимо правления для расплаты с рабочими или закупки материала, В свою очередь, правление треста имеет часто основание быть недовольным своим заводоуправлением, и между ними происходят тоже не так легко разрешимые конфликты. А помимо обычных, вытекающих из практической работы антагонизмов в скрытом виде

находится антагонизм экономических интересов, ибо правления трестов получают тантьемы* и извлекают немалые доходы из своей коммерческой деятельности, между тем как заводские управляющие и их помощники гораздо хуже обеспечены и стремятся участвовать в прибылях правлений, что при дружеских взаимоотношениях так или иначе достигается, а при неладах приводит к печальным последствиям для обеих сторон.

Охарактеризовав организационную сторону жизни трестов и внутренние взаимоотношения между главными носителями полураскрепощенной промышленности, перейдем к анализу ее хозяйственной работы.

VI

Для понимания и оценки хозяйственной работы переведенной на «хозяйственный расчет» промышленности надо отчетливо представить себе то состояние промышленных предприятий, которое имело место в момент начала работы новых правлений. Переход к системе коммерческого управления вызван был таким хозяйственным упадком промышленности, который превратил нашу промышленность в промышленное кладбище. Правда, на этом кладбище можно было найти немало предприятий, сохранивших свое основное оборудование в целости, но даже и у этих наилучше консервированных фабрик и заводов необходимо было стереть ржавчину, добыть ремни, восстановить немало растащенных частей, отремонтировать обветшалые постройки и т.д. На этих наилучше сохранившихся предприятиях новые правления и сосредоточили свое внимание.

Значительно хуже, чем с основным капиталом, обстояло дело с капиталом оборотным. Денежных средств в распоряжении промышленности не было. Товары, находившиеся на фабриках, вывозились все время по нарядам Наркомпрода. Сырье и топливо, поскольку оно не было уничтожено, лежало либо на каких-нибудь складах Наркомпрода и Центросоюза, либо на крытых складах частных лиц.

* Тантьемы — дополнительные вознаграждения из чистой прибыли предприятия. (Примеч. сост.)

Что же было у промышленности? Непосредственно в распоряжении промышленных предприятий находились те изделия, сырье и топливо, которые заводоуправления теми или иными способами у себя задерживали, либо потому, что Наркомпроду эти изделия не пригляделись, либо потому, что заводоуправления их от Наркомпрода укрыли, либо потому, что сырье оказалось в свое время завезенным на фабрику, но за отсутствием топлива или по другим причинам не было ни переработано, ни раскрадено, либо потому, что при помощи трудовой повинности или планового снабжения оказалось заготовленным топливо, но пуск предприятия или соответствующая его нагрузка за отсутствием сырья или продовольствия не состоялись, и т.д. Как видим, товарные запасы на предприятиях носили совершенно случайный характер и, как общее правило, не только не представляли сколько-нибудь значительного фонда для образования оборотного капитала, а даже недостаточны были для работы предприятия в течение самого короткого времени и вели к его остановке.

Наконец, внутри предприятий хотя и восстановлена была уже в большей или меньшей степени власть директоров и управляющих, хотя уже потихоньку проводились методы «премирования», но предприятия, парализованные в своей активности, были, с одной стороны, перегружены числящимся на них рабочим балластом, привыкшим получать за безделье разные подачки, но отучившимся от фабрично-заводской дисциплины, а с другой стороны, растеряли часть необходимой им квалифицированной рабочей силы.

Приступая к самостоятельному хозяйствованию, правления трестов должны были разрешить казавшуюся неразрешимой задачу создать на руководимых ими предприятиях обстановку промышленного оборота, т.е. привести в состояние некоторого равновесия совершенно разлаженные предыдущим периодом факторы производства, не имея для этого необходимых материальных средств.

Для разрешения этой задачи правления должны были непрерывно комбинировать в чрезвычайно запутанных условиях свои усилия на раздобывание материальных средств и целесообразный пуск их в промышленный оборот. Несколько облегчилось поло-

жение правлений тем, что их переход на полную хозяйственную самостоятельность произошел не сразу, а пережил период, во время которого еще сохранялось государственное снабжение, которое хотя и должно было получить покрытие изделиями треста, но такового не получило, ибо стоявшие перед неразрешимой задачей правления, ободренные открывающимися перспективами, употребили все силы на то, чтоб вытянуть в этот переходный период из государственных органов снабжения что только при помощи их связей покровительственного к ним со стороны власти отношения можно было вытянуть, меньше всего задумываясь над возвратом кому бы то ни было этих ценностей, поскольку они необходимы были для работы вверенных им промышленных предприятий. В это время, осенью 1921 г., начал функционировать Государственный банк, к кассам которого также прибегали молодые правления, с исключительной настойчивостью добиваясь получения целевых ссуд, вопреки общему настроению правления Государственного банка, понимавшего субсидиарный характер этих кредитов.

Сколько ценностей таким образом было к себе привлечено правлениями трестов, не поддается точному учету, во-первых, потому, что полученные по государственному снабжению товары шли без денежной оценки, во-вторых, потому, что полученные денежные субсидии и ссуды в период быстро падающего рубля, а таким был первый период работы трестов с ноября по апрель 1921/22 г., не могут быть точно выражены в их реальной ценности, тем более что большинство трестов, занятых лихорадочной повседневной работой, до сих пор не составило своих первоначальных балансов и, вероятно, в силу указанных обстоятельств, не в состоянии их составить. Поэтому лишь с большой осторожностью приходится рассматривать те данные о финансовом положении трестов, которые составлены в последнее время экономистами ВСНХ, особенно имея в виду, что данные эти пропитаны духом междуведомственной полемики.

По исчислениям ВСНХ, в распоряжении национализированной промышленности находилось к 1 января 1922 г. товарных ценностей на сумму 496 млн золотых рублей, из коих 165 млн сырья, 277 млн «го-

товых материалов» и 54 млн товаров в производстве, причем из 277 млн рублей готовых материалов на долю нефти, угля и металла приходится около 140 млн рублей.

Если сравнить количество товаров, материалов, наличности и ценных бумаг, значившихся на балансах наших акционерных промышленных компаний в 1915 г., с теми оборотными средствами, которые, по данным ВСНХ, достались правлениям трестов в январе 1922 г., то получится следующий результат. Возьмем наиболее сравнительную группу предприятий резиновой промышленности, ибо резинотрест включает только предприятия акционерных обществ «Треугольник», «Проводник», «Богатырь» и «Каучук». По балансам этих компаний у них на 1 января 1915 г. находилось «товаров и материалов» на 47,6 млн руб., а «наличности и ценных бумаг» на 23 млн руб., а всего оборотных средств на 70,6 млн руб., а в распоряжении правления резинотреста значится сырьё на 2 млн руб., другими словами, от оборотного капитала частной резиновой промышленности перешло в руки треста всего 12%. Возьмем менее сравнимую хлопчатобумажную промышленность. По балансам акционерных компаний у них было на 1 января 1915 г. товаров на 307 млн руб. и наличности на 102 млн руб., а всего оборотных средств на 409 млн руб., по подсчетам же А.А. Федотова, сделанным перед Генуэзской конференцией для ВСНХ, национализированная, трестированная промышленность имела в начале 1922 г. оборотный капитал в 46,8 млн руб., т.е. опять-таки 12% оборотных средств акционерных компаний. Аналогичное соотношение находим и в металлической промышленности, где из оборотных средств акционерных компаний в размере 723 млн руб. в распоряжение трестов попало всего 108 млн — т.е. около 15%*. Таким образом, если условно принять данные ВСНХ об оборотных средствах трестов, то они составляют всего $\frac{1}{7}$ — $\frac{1}{8}$ часть оборотного капитала соответствующих акционерных обществ. Если допустить, что установленные ВСНХ у трестов оборотные средства преуменьшены, а такое преуменьшение, вероятно, имело место, так как в таком преуменьшении правления трестов были заин-

* Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1916 г.

тересованы и оно отчасти было вскрыто ревизиями Рабоче-крестьянской инспекции, то и тогда оборотные средства трестов будут очень далеки от необходимых не только для полной эксплуатации промышленности, но даже для той работы, которую тресты фактически выполнили*.

Принимая данные ВСНХ об оборотных средствах трестов в сумме около 500 млн руб. и определив, что они составляют около 15% оборотных средств нашей акционированной промышленности, не считая частных предприятий, не обязанных публичной отчетностью, нехватка в оборотном капитале промышленности выразится в сумме около трех миллиардов золотых рублей.

Однако указанная незначительность оборотных средств не помешала правлениям трестов приступить к работе и достигнуть на первых порах весьма существенных производственных результатов. Это объясняется, во-первых, тем, что в момент организации трестов наша промышленность в некоторых отраслях в производственном отношении сжалась не менее, если не более, чем сократились ее оборотные средства; так, в хлопчатобумажной промышленности выработка в 1920 г. упала до 5%, а оборотный капитал трестов составлял около 12% довоенного, а во-вторых, тем, что правления трестов развили исключительную энергию по вырыванию из разных правительственных источников дополнительных денежных и товарных ссуд.

VII

Чего же достигли правления трестов?

Правления трестов достигли значительного относительного увеличения производительности промышленности, наблюдавшегося в 1921/22 операционном году во многих отраслях, хотя и в весьма неравной степени. <...>

* Так, например, ревизией технико-промышленной инспекции установлено, что действительные оборотные средства Богородско-Щелковского треста вдвое превышают те ресурсы его, которые показаны в инвентарной описи.— Очередные вопросы финансовой политики: Сборник второй НКФ. 1922 г.

Правления трестов сумели использовать те, как мы видели, ограниченные средства, которые им были предоставлены, для того чтобы связаться с закрытым ранее для промышленности вольным рынком и при помощи частной предприимчивости обеспечить предприятия топливом, притянуть к себе сырьевые запасы, мертво лежавшие в стране, и выступить на рынок, выходявший в то время из состояния полнейшего расстройтва, со свсими товарами. Когда же заводоуправления получили необходимые для работы материальные ресурсы и приказание какими угодно средствами увеличить выработку, они начали восстанавливать фабричную дисциплину и производственную экономику.

Производственная обстановка на фабриках и заводах изменилась весьма заметно к лучшему. Рабочий состав приведен в соответствие с действительными потребностями промышленности. Судя по числу членов профсоюзов, количество рабочих сократилось с июля 1921 г. на 30,9%, причем значительно сократилось число женщин и подростков в производстве. Процесс изменения рабочего состава происходил таким образом, что сначала была произведена радикальная чистка числящихся на фабриках рабочих, а затем происходило привлечение к работе новых рабочих со строгим контролем их пригодности и преимущественным подбором ранее работавших в данном производстве. Окончательно восстановлена и более или менее последовательно приспособлена к нуждам и возможностям предприятий сдельная оплата труда, а реальная заработная плата поднята с преобладанием денежной оплаты над натуральной.

<...>

Вместе с тем происходило повышение числа дней фактической работы, уменьшение невыходов по всяким причинам и сильный рост производительности труда, достигшей в среднем 60 — 70% довоенной, а в некоторых областях труда и выше, причем особенно заметен рост производительности квалифицированных рабочих, ибо производительность чернорабочих на единицу выработки оказывается ниже вследствие далеко не полной загрузки предприятий, вызывающей непроизводительный расход разного рода вспомогательных рабочих; так, например, ме-

сячая производительность забойщика в 1921/22 г. составляла 90,1%, а рабочего в угольных шахтах всего лишь 45,1% довоенной.<...>

Таким образом, в области приведения в порядок расстроенных производственных отношений правления трестов сделали при помощи заводууправлений большой шаг вперед и тем самым приблизили коренное разрешение проблемы нашей промышленности. Меньшие достижения обнаруживает работа правлений трестов в области коммерческой, в области финансового упрочения своего положения, не столько, однако, по вине трестов, сколько под влиянием общих политических и экономических условий страны.<...>

Рассматривая работу промышленности под углом зрения ее прибыльности или убыточности, необходимо различать промышленность, имеющую своим единственным или главным потребителем государство, включая пути сообщения, и промышленность, работающую преимущественно на вольный рынок. О доходности сдающей свои товары правительству промышленности при нынешних условиях нельзя и говорить, потому что она в коммерческом отношении связана произвольно устанавливаемыми твердыми ценами и не менее произвольно производящимся расчетом. Металлическая, горная, нефтяная и т.п. работающие на казну отрасли промышленности сохраняют свой казенный характер и находятся в весьма неопределенном финансово-экономическом положении, мало отличающемся от тех условий, в которых находилась вся промышленность в 1920 г.*

Таким образом, вопрос о доходности или убыточности может быть поставлен только в отношении работающей на рынок, вполне коммерциализированной промышленности. Но и по отношению к отдельным группам этой промышленности правительство проводило в большей или меньшей степени политику натурального обложения в форме произвольных изъяс-

* Наркоматам, главным образом военному ведомству и НКПС, отпущено было в течение года по нарядам товаров на 227 456 тыс. руб., которые частью совсем не были оплачены, частью же оплачены по ценам, не покрывающим себестоимости производства.— Русская промышленность в 1922 г. С. 276.

тий товаров; так, например, шерстяные тресты жалуются на то, что «на финансовом положении трестов неблагоприятно отразилось бесплатное изъятие 2250 тыс. аршин ткани для военного ведомства. Кроме того, военное ведомство так неаккуратно расплачивалось за товар, что 70% изготовленного товара лежало систематически у трестов без оплаты, вследствие чего оборотный капитал был сильно понижен*. Помимо прямых натуральных отдач правительство заставляло тресты принимать на себя «шефство» над разными военными учреждениями и воинскими частями, другими словами — брать на себя их содержание, не говоря уже о крупных начислениях на заработную плату, сначала свыше 20%, а потом 14%, для нужд социального страхования.

А помимо указанных специальных начислений, «трестированная» государственная промышленность служила излюбленным объектом для налоговой политики Народного комиссариата финансов, причем облагались и товары в производстве, и готовые фабрикаты, как на фабриках, так и в магазинах трестов.

По заявлению председателя Высшего Совета Народного Хозяйства, «местные обложения промышленности достигают 40% оборота**».

Увидев живой работающий промышленный аппарат, легко достижимый и беззащитный, правительство набросилось на него и, не дав ему сколько-нибудь стать на ноги, начало выкачивать из него материальные ценности. Получилось такое нелепое положение: правления трестов, с одной стороны, бегали в советы народного хозяйства и в Государственный банк за ссудами и субсидиями, нуждаясь в средствах для самых неотложных расходов, а с другой стороны — должны были производить совершенно непосильные расходы по требованию военного ведомства, Комиссариата труда и того же Наркомфина под страхом ареста и обвинения в контрреволюции.

Понятно, как при таком положении вещей запутывались финансы трестов и легко коммерчески доходная промышленность превращалась политическими условиями в убыточную.

* Там же. С. 276.

** Там же. С. 14.

Но мало того, правительство не только произвольно изымало из промышленности материальные ценности, оно еще ставило палки в колеса работе правлений трестов, вынуждая их производить продажи через государственные торговые конторы (госторги) или «кооперацию», заставляя их держать свободные деньги на текущем счету в Госбанке, где они обесценивались вследствие падения рубля, диктуя им высоту заработной платы, нередко с обратной силою, когда выработанные рабочими товары уже были по определенным ценам проданы, и т.д.

Все эти искусственные трудности правления трестов должны были с колоссальными усилиями превозмочь, чтобы поддержать промышленный оборот, и они не могли не отражаться губительно на доходности предприятий.

Но промышленность вынуждена была нести жертвы и в другом направлении. Она должна была делать большие уступки торговому капиталу, который к моменту развития работы трестов уже овладел рынком и без которого наша слабая промышленность не в состоянии была обеспечить сбыт своих изделий. Обладая ничтожными оборотными средствами, правления трестов вынуждены были все продавать за наличный расчет и нередко вперед запродаваться, лишь бы получить деньги для расплаты с рабочими и с поставщиками и с казной.

Торговый капитал выполнял финансово-сбытовые функции и, конечно, использовал выгодную для него обстановку, закрепляя за собою по минимальным ценам товары трестов и реализуя в свою пользу рыночные и валютные разницы.

И если несмотря на правительственные поборы и вынужденные продажи товаров правления трестов сумели больше года держаться и вертеть финансовое колесо промышленности, то этим они обязаны двум причинам. Во-первых, своей заинтересованности в продолжении работы «трестов», которая стимулировала всю присущую им энергию и изворотливость, а во-вторых, исключительно благоприятной конъюнктуре, которая создавалась на наших рынках для промышленных товаров массового потребления, и относительной дешевизне сохранившегося в стране сырья, другими словами, той материальной поддержке, которую

промышленность получила от крестьянского населения страны*.

Пользуясь благоприятной рыночной конъюнктурой, правления трестов непрерывно взвинчивали цены, и, за исключением заминки, происшедшей в сбыте по повышенным ценам прошлой весной, рынок принимал эти подгоняемые к ценам на хлеб голодного года несуразно высокие промышленные цены.

В общем, за время с начала 1922 г. по 1 октября движение индексов показывает вздорожание фабрикотов более чем в 45 раз, сырья в 33 раза, продовольствия в 27 раз («Экономическая жизнь», 1 декабря 1922 г.).

Рост цен промышленных изделий сильно опережает как рост сырьевых, так и продовольственных цен и почти достигает эквивалентов на хлеб довоенного времени. <...>

При нормальных условиях та конъюнктура, которая сопутствовала нашей промышленности в 1922 г., должна была бы послужить источником крупных промышленных доходов и сильно укрепить в финансовом

* Как будто в противоречии с этим находятся заявления советских экономистов о том, что промышленность продает свои товары ниже себестоимости. Если бы эти заявления были верны, то оказалось бы совершенно непонятным, каким образом удалось промышленности при самой неблагоприятной обстановке и незначительных оборотных средствах в течение целого года оборачиваться, повышая при этом свою производительность. (...) Мы полагаем, что при определении себестоимости трестов необходимо различать коммерческую себестоимость и политическую себестоимость, понимая под первой совокупность издержек производства, складывающихся на основе рыночных отношений, а под второй — совокупность издержек производства, складывающихся под давлением государственной власти (поборы, налоги, произвольное установление сырьевых цен и т. д.), и считаем, что данные о рыночных ценах на сырье, на заработную плату и о производительности труда должны привести к заключению, что коммерческая себестоимость была в 1922 г. значительно ниже продажной цены товаров, что рыночная конъюнктура была выгодна для промышленности и убыточность промышленности является результатом чрезвычайно высокой политической себестоимости; политическая себестоимость, однако, в довольно значительной части трестами не покрыта, по поводу нее ведется ожесточенная ведомственная борьба, так что на материальных ресурсах она еще полностью не отразилась. Смешение политической себестоимости с себестоимостью коммерческой может легко привести к неправильным экономическим выводам о работе русской промышленности в 1922 г.

отношении промышленность, а в советских — она оказалась лишь достаточной для того, чтобы на ходу перестроить промышленность, увеличить ее обороты и на время поддержать процесс воспроизводства с уклоном, однако, к его сокращению, ибо единодушные показания советских экономистов и хозяйственников удостоверяют потерю трестами имевшихся у них в начале операционного года товарных ценностей, составляющую по некоторым группам трестов около 20% полученных ими оборотных средств, а по отдельным заявлениям советских деятелей — достигающую даже 50%.

Трудно было бы, впрочем, и ожидать прироста материальных ценностей в трестах, работающих в совершенно неопределенных и неустойчивых политических и экономических отношениях: ведь правления трестов, имеющие, с одной стороны, слишком большую свободу хозяйничания, а с другой — вынужденные подчиняться всякому произвольному распоряжению начальства, не имеющие уверенности в завтрашнем дне, а потому пользующиеся сколько можно настоящим, ограниченные в праве валютизирования капиталов треста и вынужденные терпеть убытки от падающей валюты, не имеющие сколько-нибудь достаточных для работы оборотных средств и принудительно реализующие свои товары для расчета с рабочими, правления, отдающие в виде налогов 40% своего оборота, эти правления вряд ли могли достичь больших результатов, чем они достигли.

Но сокращение материальных ресурсов трестов противоречит основному заданию, поставленному промышленности Высшим Советом Народного Хозяйства. Работа правлений трестов доказала, что и при новой экономической политике сохранение за государством промышленности вызывает необходимость широкого ее финансирования, мешающего Наркомфину выполнять поставленную им себе задачу упорядочения государственных финансов. Поэтому в лице Наркомфина выросла по отношению к хозяйничанию трестов решительная оппозиция, которая заставляет правительство подойти к коренному пересмотру положения нашей промышленности.

Судьба трестированной государственной промышленности переживает сейчас перелом. Поставлен ребром вопрос об ее дальнейшем пребывании в лоне государственного хозяйства. <...>

Трестированная промышленность загнана в финансовый тупик. Советское государство не в состоянии дать ей тех капиталов, без которых невозможно дальнейшее продолжение ее развития. Советское государство даже не может финансировать ее очередных нужд. Государственный банк требует возврата выданных в свое время трестам ссуд и грозит в случае неуплаты наложить руку на имущество трестов и подвергнуть его принудительной реализации. А без кредита промышленность лишена возможности обеспечить себя сырьем. <...>

Чтобы выйти из тупика и отстоять свои позиции, ВСНХ при помощи созданных им синдикатских объединений промышленности гонит еще дальше вверх промышленные цены, пытается нажимать насильно в конце года возросшую заработную плату и требует для промышленности льготных железнодорожных тарифов, поощрительных экспортных и запретительных таможенных тарифов.

Но положение национализированной промышленности этими мерами спасти невозможно, можно только отсрочить предстоящую ее денационализацию.

Дальнейшее повышение промышленных цен отражается на сбыте товаров; так, например, цены текстильных изделий дошли до предела, и во многих отраслях текстильной промышленности уже теперь (т. е. в период реализации урожая 1923 г.) наблюдается «заминка в сбыте», а сбытовые перспективы на весенние месяцы рисуются руководителями ВСНХ в достаточно мрачных красках. Так же, если не более сложно, обстоит дело с заработной платой, ибо рабочие массы уже вышли из состояния протеста, не хотят нести требуемых от них жертв, и на этой почве разыгрывается довольно ожесточенная борьба. Боязнь советской промышленности с ее высокими издержками заграничной конкуренции совершенно понятна, ибо приток заграничных товаров неизбежно понизит искусственно высокие цены промышленных из-

делий, но таможенные пошлины трестам помочь не могут, так как болезнь трестов органическая.

Тресты свое дело сделали. Они пустили промышленность в ход. Они внесли свою лепту в дело восстановления народнохозяйственного оборота. Они воссоздали целый ряд предпосылок, необходимых для нормального капиталистического хозяйства. Теперь тресты могут уйти. Дальнейшее распоряжение их нашей промышленностью стало бесцельным, ибо нет у государства нужного для промышленного развития капитала. Этот капитал находится отчасти внутри страны в руках аккумулировавшего его за последний год торгового класса, отчасти же за границей, в руках русских и иностранных капиталистов. Наряду с желанием Наркомфина сбросить со счетов государственного бюджета расходы на восстановление промышленности возникает и все настойчивее пробивает себе дорогу устремление втянуть русский и иностранный капитал в русскую промышленность, несмотря на упорное сопротивление ВСНХ, требующего от государства новых ссуд и субсидий для сохранения государственной оболочки коммерциализированной промышленности.

Но передача промышленных предприятий в частные руки является актом большого политического значения. Она потребует в первую очередь устранения всего того произвола, который царил в отношениях правительства к трестам, она создаст зависимость государства капиталистических групп, держащих в своих руках промышленность, и окончательно раскрепостит рабочих. Поэтому выход из тупика, в который попали тресты, диктуемый жизнью, наталкивается на большие трудности, преодоление которых, однако, является делом близкого будущего.

С. Шерман

Из сборника «Экономический вестник» (Берлин, 1923, кн. II).

**ВНУТРЕННИЙ РЫНОК
И ТОРГОВЫЙ БЫТ
СОВЕТСКОЙ РОССИИ**

**ПОДПОЛЬНЫЙ РЫНОК
И ПРЕСТУПНАЯ ТОРГОВЛЯ**

От ноября 1918 г.
по март 1921 г.

Торговля и торговцы никогда не пользовались популярностью в России. Дворянски-сословная брезгливость правящих и народническо-социалистическое неприятие интеллигенции встретились и дружно слились в широких обывательских массах хозяйственно отсталой страны.

Война отвлекла промышленность от обслуживания внутреннего рынка и создала товарный голод, а обилие непроизводительных расходов, рост эмиссии и прогрессирующее падение ценности бумажно-денежной единицы усугубили дороговизну на все предметы широкого потребления. Примитивное объяснение этих явлений, сложных и неизбежных, присущих тогда в большей или меньшей степени всем воевавшим странам,—исключительно злостным воздействием торговли и торговцев встретило по всей России в высшей степени восприимчивую и подготовленную среду, от деревенских базаров и тайных рабочих собраний до университетов и законодательных палат.

Нездоровая в основе своей и обостренная во время войны моральная подозрительность к людям, занимающимся торговым промыслом, явилась летом 1917 г. одним из главных козырей большевистской агитации.

С необыкновенной настойчивостью и энергией всячески муссировались в деревне и среди городских низов легенды о чудовищных прибылях торговли, об огромных количествах где-то припрятанных товаров, о дружном объединении всех торговцев с целью обоб-

рать и обездолжить народ. В погоне за симпатиями масс городские исполнительные комитеты и советы рабочих депутатов никакого противодействия проповеди борьбы с торговлей не оказывали и шли здесь всегда на поводу у большевиков, а возникшие вскоре демократические думы весьма слабо реагировали на эксцессы и самочинные действия партийных и профессиональных организаций: рядовой интеллигенции, заполнившей думы, в защите торговли и торговцев тогда еще мерещились начала неэтические и компрометирующие.

Летом 1917 г. в большинстве провинциальных городов существовали «учетные», «регистрационные», «нормировочные», «по борьбе со спекуляцией» и прочие комиссии, составленные по случайным признакам и применявшие самые разнообразные методы «регулирования» рынка. В Воронеже все магазины и склады были опечатаны в течение двух месяцев, а после снятия печатей в них товаров почти не оказалось; в Курске «контрольные комитеты» предложили свезти всю мануфактуру в помещение совета рабочих депутатов, где торговцы должны были продавать ее под наблюдением дежурных членов совета; в Рязани на покупку обуви ч мануфактуры выдавались особой комиссией ордера, на которых проставлялись довоенные цены; в Саратове покупка разрешалась только «остро нуждающимся» — почему-то исключительно солдатам; в Тамбове крестьянский съезд предложил торговцам не продавать товаров в города, везти их в деревню и т. д. В ряде городов, в особенности на юге, поиски «запрятанных» товаров сопровождались волной разгромов, истязаний и убийств.

К моменту октябрьского переворота торговый класс был совершенно терроризирован. На местах торговцы перестали пополнять запасы товаров, спешили по возможности скорее распродать их или переуступить в кредит кооперации, которая, как тогда думали, была более забронирована от стихийных и своеобразных форм «революционного упорядочения».

К этому моменту нормальные условия ценообразования были изуродованы, а расстройство транспорта, явно обозначившееся к зиме 1917/18 г., содействовало разрыву единого рынка как тому его дроблению, которое получило свое полное завершение в период,

когда рынок был объявлен официально несуществующим, а торговля — злейшим преступлением.

Захватив власть и принявшись за насаждение коммунистических форм хозяйства, большевики не решились, однако, ликвидировать торговлю единым декретом. Приостановка рыночного товарооборота могла повлечь резкое падение покупательной способности денег, новая же власть в первый период вынуждена была строить свой продовольственный план отчасти на не упавшей еще в глазах крестьян покупательной силе денег, так как аппарат принудительного отчуждения хлеба не был еще налажен*.

Между тем в провинции местные исполнительные комитеты, а несколько позже возникшие «чрезвычайные комиссии по борьбе со спекуляцией, контрреволюцией и саботажем» продолжали реквизировать товары «как источник дохода для исполкомов, сидевших без необходимых денежных средств, и как мера подавления политической власти буржуазии»**. Причем по большей части товары расхищались и попадали на рынок, а иногда продавались официально всем желающим, и бывали случаи, когда скупались их прежними владельцами. Так продолжалось до июля 1918 г. Рынок суживался, торговля хирела, удушалась, находилась как бы вне закона, но и не будучи запрещена окончательно. Провал проекта коммуниста Шлихтера о «честном» товарообмене с крестьянством был в правящих советских сферах приписан главным образом наличию рынка в городах, где крестьянин за свой хлеб мог получить больше необходимых ему предметов обихода, чем в учреждениях Народного комиссариата продовольствия. 22 июля 1918 г. были опечатаны в один день все мануфактурные склады и магазины в Москве, а 23 июля 1918 г. последовал декрет о национализации тканей. Вслед за этим постепенно национализировались товары широкого потребления, а затем и более специальные, причем применялся неизменно один и тот же прием: сначала склады и магазины опечатывались какой-либо организацией, иногда «несколькими организациями один и

* См.: Фрумкин М. Товарообмен, кооперация и торговля. М. Изд. НКП, 1921.

** Там же. С. 5.

тот же склад. Каждая организация отстаивала свое право на захват того или иного склада» *.

Вслед за тем издавалось Высшим Советом Народного Хозяйства постановление о национализации этого вида торговли. Все подобного рода постановления составлялись по заранее определенному шаблону. В качестве типичного можно привести декрет о национализации торговли готовым платьем и бельем **.

«Президиум Высшего Совета Народного Хозяйства постановляет: 1. Все изделия из тканей: готовое платье, белье, а также вязаные и трикотажные изделия и штучный товар, находящиеся в пределах г. Москвы, в муниципальной черте, объявляются национальной собственностью с распространением на них декрета Совета Народных Комиссаров от 23 июля 1918 г. ***. 2. Все сделки по покупке и продаже упомянутых изделий, заключенные до опубликования настоящего постановления, с государственными или общественными организациями, переходят для исполнения к Центротекстилю. 3. Все подобные же сделки, заключенные между частными лицами, аннулируются и могут быть восстановлены только в том случае, если будет доказано, что товар приобретается для довольствия государственных установлений и распределительных государственных органов. 4. Все расчеты за купленный товар после опубликования настоящего обязательного постановления производятся через Центротекстиль. 5. Все перевозки и перемещения означенных товаров, находящихся в Москве, в пределах муниципальной черты, производятся только с разрешения Центротекстиля. 6. Виновные в нарушении сего постановления несут законную ответственность».

Таких постановлений, все суживавших легальный рынок, было издано к ноябрю 1918 г. центральным органом Высшего Совета Народного Хозяйства и его провинциальными отделениями до 900. Постановления эти должны были лишь оформить давно осуществленный фактический захват. По авторитетному свидетель-

* Фрумкин М. Указ. соч. С. 5.

** Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству. Вып. II. М., 1920. С. 173.

*** Декрет о национализации всех тканей.

ству деятелей Народного комиссариата продовольствия, особенно торопившихся с истреблением торговли, уже «к сентябрю месяцу торговый аппарат был фактически разбит до основания, если не считать мелкой подпольной торговли теми товарами, которые буржуазии удалось скрыть. Наступил момент, когда мы как будто могли проводить без опасения конкуренции со стороны торгового капитала нашу товарообменную политику» *. Полное запрещение всякой торговой деятельности и упразднение свободного рынка на всем пространстве России последовало лишь 21 ноября 1918 г. в декрете Совета Народных Комиссаров «Об организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства, в целях замены частного торгового аппарата» и в дополнительном к нему приказе Высшего Совета Народного Хозяйства от 26 ноября 1918 г. «О государственной монополии на торговлю некоторыми продуктами и предметами» **.

По мнению советских экономистов, с этого момента в самых основах своих уничтожался капиталистический строй, ибо вместо «рыночного хаоса» устанавливалась «плановая система», а все сложнейшие функции торговли по снабжению промышленности сырьем, передвижению продуктов, распылению в населении фабрикатов, перераспределению между отдельными местностями сельскохозяйственных излишков и прочее — целиком принимало на себя государство.

Мир не знал столь смелой экономической реформы. Если прокламированная годом раньше социализация земли и находила свой далекий прообраз в русской общине и была относительно разработана экономистами-народниками, то вопрос замены рынка и торговли единым планом снабжения был только отдаленно намечен в агитационных брошюрах. Серьезная социалистическая литература всегда предпочитала критику существующего положительной разработке форм грядущего строя. Только авторы социальных утопий и романов, действие которых неизменно происходит «через сто лет», были более смелы в этом отношении, но их воображение не вместило той страш-

* Фрумкин М. Указ. соч. С. 5.

** Собрание узаконений. 1918. № 83 и 84. С. 879.

ной фантастики, которую пережила Россия в течение двух с половиною лет.

Когда государственная власть во имя принципа и партийной программы принимала на себя неслыханные в истории обязательства — организовать удовлетворение основных потребностей стосорокамилионного народа, — был уж совершенно ясен провал снабжения деревни продуктами городской промышленности*. Даже привилегированная «деревенская беднота» не могла зимой 1918 г. рассчитывать на удовлетворение всех своих потребностей в мануфактуре, обуви и сельскохозяйственных орудиях. О том, что это было известно советской власти до момента издания декрета от 21 ноября 1918 г., неподражаемо повествует крупнейший работник Народного комиссариата продовольствия того времени: «...как система разверстки, так и снабжение товарами деревни диктовались политической обстановкой. Наиболее верным методом получения хлеба была разверстка, и одним из средств, облегчающих проведение разверстки, воздействия малоимущих слоев деревни на более состоятельные, была система товароснабжения... Единственно чем мы могли привлечь на свою сторону деревенскую бедноту, не лишаться этой опоры в деревне, это были те скудные запасы товаров, которые шли под флагом товарообменного фонда. Но то был только флаг, название декрета. Надпись, не соответствующая действительности, не должна вводить нас в заблуждение, товарообменных операций не было»**.

Таким образом, ни о какой «организации снабжения населения взамен частного торгового аппарата» в момент издания декрета его авторы и не помышляли, это был лишь «флаг», под которым выкачивался хлеб и вносилась в деревню классовая борьба. Товарный же фонд, от которого была отстранена частная торговля, являлся средством оплаты вооруженной деревенской бедноты за политическую поддержку советской власти. Все остальное крестьянское население России было предоставлено собственной судьбе. Но это был еще медовый месяц крестьянского потре-

* См.: Прокопович С. Н. Очерки хозяйства советской России. Берлин, 1923. С. 95.

** Фрумкин М. Указ. Соч. С. 8.

бительского благополучия, захваченная земля сулила иллюзию грядущего богатства, а кое-какие избытки продуктов и старые запасы зерна, мяса и жиров, не обмениваемые за отсутствием рынка на инвентарь, рабочий скот, платье, обувь и прочее, проедались на месте и создавали легенды в городах о счастливом, всегда сытом крестьянине. Грозная расплата за повышенный потребительский уровень наступила для деревни позднее, в 1920 г. Городским же массам социальная революция не подарила и краткого опьянения.

Уничтожив декретом товарно-рыночный оборот, власть принялась в городах за организацию распределения. Прежде всего надо было отнять склады товаров у организаций, их захвативших. С этим успешно справились Чрезвычайные комиссии. Но сами Чрезвычайные комиссии долго и упорно отказывались довести до конца возложенную на них задачу и передать товары распределяющим органам. В этом отношении очень характерен приказ Всероссийской чрезвычайной комиссии «о разгрузке складов, конфискованных у буржуазии». «До настоящего времени многие комиссии имеют большие склады с разного рода товарами и деньгами. Эти склады зачастую находятся в небрежном состоянии и частичной (?) отчетности. По получении настоящего приказа предписываем немедленно разгрузиться от всех товаров и денег, первые сдав все по актам соответствующим распределительным органам, вторые — в казначейство... Этот приказ отдать по всем уездным Чрезвычайным комиссиям, разъяснив, что Чрезвычайные комиссии есть органы борьбы, а не распределения, для чего имеются продовольственные аппараты, муниципалитеты, Советы народного хозяйства» *.

Из завязавшейся борьбы за наследие частной торговли победителем вышел Народный комиссариат продовольствия, очень скоро объединивший в своих руках все функции распределения и снабжения. Высший Совет Народного Хозяйства при своих поползновениях принять участие в распределении фабрикатов управляемой им промышленности каждый раз должен был отступать перед угрозой Народного комисса-

* Сборник декретов и постановлений... С. 175.

риата продовольствия не дать фабрикам сырья, а рабочим хлеба. С Чрезвычайными же комиссиями Комиссариат продовольствия очень скоро поладил и широко пользовался их могущественной поддержкой.

В городах с их многосложными потребностями замена рынка и торговли «плановым распределением» была во много раз труднее, чем в деревне, но именно города причиняли Народному комиссариату продовольствия значительно меньше хлопот. Достигнуто это было чрезвычайным упрощением задач снабжения. В деревне приходилось брать, городу же нужно было давать — здесь Народный комиссариат продовольствия владел положением. И он широко использовал его для облегчения взятых на себя неразрешимых задач: объекты снабжения были сужены до пределов, необходимых для удержания политической власти коммунистической партией. Кормить и одевать надо было солдат, отряды чрезвычайных комиссий, «ответственный» аппарат партии и высшую советскую администрацию. Обрекались смерти не только те массы городского населения, которым не было места в новой социальной «табели о рангах», но и особо привилегированный рабочий класс снабжался в размерах абсолютно недостаточных для поддержания физического существования. В среднем в советской России рабочий получал в месяц, включая все выдачи натурой, квартиру и денежную плату (в довоенных рублях): в 1919 г. — 3 руб. 58 коп., в 1920 г. — 3 руб. 45 коп., в 1921 г. — 3 руб. 48 коп *. Быстрое нарастание смертности, запустение городов, голод и эпидемии начались уже в начале 1919 г., но именно с этого периода все повышается пафос борьбы с рынком и торговлей. Как повествует советский юрист, «всякое сепаратное выступление отдельного лица или частной фирмы на хозяйственно-экономической арене преследовалось и рассматривалось революционным законом как злостная спекуляция. Спекуляция была поставлена рядом с контрреволюцией и саботажем и квалифицировалась как тягчайшее преступление, которое надо уничтожить огнем и мечом революции. В силу этого ни революционный законодатель, ни тем более стоявший лицом к лицу с бурной жизнью исполнитель не имели, так

* Прокопович С. Н. Указ. соч. С. 136.

сказать, времени думать о соразмерности деяния и наказания, а больше всего исходили из стремления дать устрашающее и скорое наказание. И тот и другой действовали с неумолимой решительностью. Весь карательный и судебный аппарат от ВЧК до рядового красноармейца из железнодорожной летучки был привлечен на всемерную борьбу...» *

В течение двух с половиною лет «весь аппарат» с неумолимой решительностью действительно истреблял лиц, занимающихся торговлей, причем «скорым и устрашающим» наказанием была смертная казнь, применявшаяся с размахом и щедростью невиданными; всякий товар, попадавший в поле зрения «законодателя и исполнителя», немедленно реквизировался — и все же торговля существовала все это время. Не только существовала, но проникала во все взаимоотношения советских «главков» и «центров» и регулировала их. На поверхности жизни не было рынка, но откуда-то из подполья, изуродованный и разбитый, он указывал реальные соотношения предметов и давал те мерил экономической целесообразности, которыми вынуждена была руководствоваться власть, чтобы не потонуть в вызванном ею хаосе.

Исторические условия не наделили русский торговый класс ни социальной устойчивостью, ни традициями, ни силой сопротивления: он отдавал свое достояние, отказывался от своей роли и умирал безропотно, но рынок оказался бессмертным; он был неистребим и эластичен, потому что действительное его устранение означало гибель десятков миллионов населения, и он питался живой упругостью народа, не желавшего умирать.

Загнанный в подполье, рынок деформировался. В связи с нависшей над городами угрозой голодной смерти центром обслуживания становятся предметы продовольствия. Эквивалентные отношения между различными товарами перестраиваются в пользу продовольственных. В связи с этим размер нарастания цен на один и тот же продукт сильно разнится между районами, этот продукт производящими, и районами, его потребляющими. Железнодорожная товарная связь почти исчезает. Для отправки товара

* Право и жизнь. М., 1923. Т. 3. С. 47.

необходимо было замаскировать его под государственный или кооперативный груз, что требовало очень больших расходов на взятки и было сопряжено с жизненным риском для отправителя. Но и грузы легальные, казенные, даже особо покровительствуемые, расхищались почти полностью в пути, если при них не было вооруженной охраны. Происходит почти полная изоляция отдельных районов. Цены вывозившихся товаров падают ниже среднего уровня по всей России, а цены товаров ввозившихся соответственно поднимаются. <...>

Происходит еще более резкое повышение темпа роста цен в городах. Объем товарного рынка все время сжимается при сильном распухании бумажно-денежной массы. Кроме того, огромный риск и тяжкие препятствия при привозе продуктов в города могли быть преодолены высоким реальным или иллюзорным соблазном «разницы». Очень сильно влияло реальное воплощение в жизнь коммунистических принципов и советских декретов, которое повышалось в столицах и падало пропорционально расстоянию от них. <...>

Что давали города и промышленные центры подпольному рынку? Все, что можно было скрыть и похитить у государства. Владельцы опечатанных складов и лавок устраивали у самих себя кражи со взломом и, запротоколировав их, отправляли товар тайными путями на рынок. Скупались выдаваемые советским служащим ордера на одежду и обувь, а полученные вещи отправлялись в деревню. Заключались соглашения с хранителями складов; широко пользовались «утечкой» и «усушкой», «пропажей в пути». Рабочие, спасая от голодной смерти свои семьи, изготавливали на национализированных станках из национализированных материалов мелкие сельскохозяйственные инструменты и ходкие металлические изделия для «вольной» продажи и т. д. Но среди нелегальных путей добывания рабочими хлеба гораздо большую роль играло прямое расхищение заводских складов и фабричного инвентаря, отмеченное на всех съездах профсоюзов, в различных анкетах и прочее^{*}. И наконец, деревня скупала домашний скarb и носильное платье

^{*} Прокопович С. Н. Указ. соч. С. 140.

погибающих городов, которые также по декретам в большинстве своем должны были быть переданы государству. Было бы совершенно неправильным определить это явление понятием «воровство». Имея лишь чисто внешнее, формальное сходство с указанным понятием, оно совершенно не укладывалось по содержанию своему в его рамки. Это скорее был частичный процесс освобождения в борьбе за жизнь протоков обмена, искусственно зажатых, что вызывало омертвление, распад хозяйственного организма страны. Явление это происходило в колоссальном масштабе на пространстве великой страны и, выражаясь часто в варварских формах, являло собой, по существу, спасительный рефлекс, подсказанный биологическим инстинктом самосохранения народа.

Для преступного обмена похищенного у государства товара на запрещенный к продаже хлеб на подпольном рынке совершенно не годился прежний торговый люд. Происходит массовая, чисто стихийная мобилизация новых элементов, обслуживающих торговлю. От так называемого «мешочника» требовались необычайная физическая выносливость, презрение к тифу и обстрелу, безграничное терпение, смелость, находчивость, умение обращаться с оружием. Кадры их рекрутировались главным образом из матросов, уклонившихся от советской службы, учеников закрытых духовных семинарий, молодых крестьян северных губерний, жителей городских предместий — главным образом слободских мещан, частью молодых рабочих и интеллигентов, спасавших раньше собственные семьи, а затем втянувшихся в фантастическую жизнь вооруженного купца раннего средневековья. Мешочники расстреливались «заградительными отрядами» и железнодорожными «чрезвычайными комиссиями», замерзали на буферах и крышах вагонов, часто, в особенности на юге, поголовно истреблялись местными отрядами бандитов и массами гибли от сыпного тифа. Но число их из года в год все росло. Выбатывались тарифы подкупа властей, приемы воздействия на железнодорожников, размеры долевого участия заградительных отрядов. Там, где неподкупные части латышей и китайцев упорно не пропускали товаров, главным образом на бывшей украинской границе (ст. Жолобовка и ст. Зерново), мешочники рас-

сеивались в окрестностях, выжидали, накапливались в большом числе, всей своей набухшей массой набрасывались на отряды — и после кровавой схватки, оставляя убитых и раненых, направляли в южные губернии зажигалки, гвозди, подошвенную кожу, ситец, а пропускали оттуда гужевые караваны муки, сала и сахара. Все это, разобранные по мешкам, текло в Петроград, Москву, северные губернии, во все промышленные центры и провинциальные города. На местах товары поступали на тайные склады, владельцами которых являлись по большей части бывшие торговцы. Существовали своеобразные аукционы и подпольные биржи, регулировавшие цены и диктовавшие их полупромышленным базарам (Сухаревке, Смоленскому рынку).

Власти терялись в борьбе с этой стихией. Их пугала полная невозможность вскрыть здесь то, что ими называлось «организованный саботаж»: перед ними был органический саботаж, саботировала природа. Учреждались комиссии с безграничными полномочиями. Одной из них, «чрезвычайной комиссией по продовольствию и транспорту», был издан за подписью Л. Троцкого приказ, согласно которому «местным советам: желдоркомам, всем вообще организациям по линиям железных дорог вменяется в обязанность самая беспощадная борьба с мешочничеством, как со зловреднейшей спекуляцией». Далее устанавливаются нормы разрешенного к провозу продовольствия — не выше полупуда на человека. Третий пункт приказа гласит: «мешочники арестовываются и предаются в руки народных судов. В случае сопротивления с оружием в руках мешочники расстреливаются на месте» *.

Но убитые пополнялись новыми, и преступная торговля, как и подпольный рынок, все разрастаясь, продолжала существовать, разрывая удушавший страну коммунистический корсет, пока советская власть, по собственному ее признанию, не вынуждена была «разрешить, как клапан для выхода накопившихся сил, грозивших взрывом, — местный торговый оборот» **.

* Право и жизнь. М., 1923. Т. 3. С. 48.

** Четыре года продовольственной работы. М., 1922. С. 64.

**БУРНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ
ЧАСТНОЙ ПРЕДПРИИМЧИВОСТИ,
СРАСТАНИЕ РОССИЙСКОГО РЫНКА
И ИЛЛЮЗИЯ ДОВОЕННЫХ
ЦЕННОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

От апреля 1921 г.
по сентябрь 1922 г.

Началом раскрепощения торговли следует считать декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 21 марта 1921 г. «О замене продовольственной и сырьевой разверстки». По этому декрету «все запасы продовольствия и сырья, остающиеся у земледельцев после выполнения ими налога, предоставляются в полное их распоряжение и могут быть использованы для обмена на продукты фабрично-заводской, кустарной промышленности...». «Обмен допускается как через кооперативные организации, так и на рынках и базарах» *. Затем рядом декретов был разрешен свободный товарооборот изделий мелкокустарной, а затем и фабрично-заводской промышленности. 29 декабря 1921 г. учреждены биржи, 9 мая 1922 г. образована «Комиссия по внутренней торговле», которая «рассматривает проекты декретов и постановлений по делам внутренней торговли» ** и фактически руководит регулированием рынка, 28 июня 1922 г. разрешены ярмарки ***. Кроме того, последовал ряд постановлений об арбитраже, найме торговых помещений и т. д.

В первый момент царило глубокое недоверие к новой политике коммунистической власти. Горький опыт прошлых лет заставлял торговцев быть чрезвычайно осторожными, и властям пришлось употребить много энегрии, чтобы убедить население, что это «всерьез и надолго». Но лица, имеющие скрытые запасы товаров и спрятанные сбережения, не спешили выходить с ними на рынок, боясь вновь подвергнуться ограблению. Только «мешочники», приученные к постоянному риску, первые стали пытаться переходить на легальное положение. Этим объясняется, что в течение очень долгого периода рост и оживление тор-

* Собрание узаконений. 1921. № 26. С. 147.

** Законы о торговле. М., 1923. Т. 1. С. 6.

*** Известия. 1922. № 145.

говли сказывались только на базарах и железнодорожных станциях, т. е. в главных узлах прежней «преступной» торговли. По отчету губернского экономического совещания Запорожской губернии, «к концу 1921 г. частная торговля начинает развиваться, но слабо, следует считать, что вся торговля относится к разряду базарной» *. Такие же сведения поступают отовсюду до марта 1922 г.** Владелец подпольных складов, прежние уцелевшие торговцы, запрятавшие остатки своих ценностей, выжидали. Их появление на рынке относится к первой четверти 1922 г. Свою энергию и средства они вначале отдают исключительно торговле пищевыми продуктами и табаком: эта область торговли давала возможность быстрого оборота и реализации и не задерживала средств в случае катастрофических перемен во взглядах власти. Опыт дал хорошие результаты, начался ускоренный процесс накопления. Особенно удачно работали мельницы и хлебопекарни. Параллельно начинается срастание некогда единого русского рынка. Этому процессу чрезвычайно содействует устремление сохранившихся капиталов в транспортные предприятия и быстрый темп роста «разъездной» торговли. По всей русской равнине происходят лихорадочные поиски товаров, сохранившихся от секвестра, причем в данном случае не только покупатель ищет продавца, как было в предыдущий период но и продавец покупателя. Комиссионно-транспортные конторы дают огромные барыши и вырастают относительно крупные предприятия, в особенности ко второй половине 1922 г. Характерен рост числа патентов от 1 января по 1 апреля 1922 г.***

Губернии	На 1 января	На 1 апреля	Рост в %
Орловская	2 017	3 620	79,4
Владимирская	2 112	3 516	66,4
Гомельская	8 587	18 590	116,4
Енисейская	636	1 743	174
Олонецкая	47	277	489,3

* Цит. по: На новых путях. М., 1923. Т. 1. С. 175.

** Там же. С. 175—176.

*** Там же. Т. 1. С. 177.

Зарождается оптовая торговля, появляются крупные склады. Владельцы их проникают в провинцию для закупок товаров на местах заготовки, и летом 1922 г. быстрым темпом развивается довольно крупная торговля в закрытых помещениях. По данным губернских экономических совещаний, к маю месяцу общее количество патентов по пяти губерниям увеличилось на 30 %, причем первый разряд (ручная торговля) дал понижение на 12,4 %, второй разряд увеличился на 45 %, а третий разряд («предприятия в обширных закрытых помещениях») — на 89,6% *. Прибыль оптовых и складочных предприятий доходит до 100—150%. Начинается процесс энергичного создания капиталов, который в особенности интенсифицируется к моменту вступления в живой торговый оборот так называемых трестов и всякого рода государственных органов. По лозунгу Ленина, провозглашенному на мартовском съезде коммунистической партии, каждый коммунист должен был «учиться торговать». В первой половине 1922 г. «ответственные работники» бесчисленных хозяйственных и нехозяйственных учреждений усердно проходили эту науку; тем более что сочетание бесконтрольной власти с торговыми операциями щедро вознаграждало изучавших. Увлечение торговлей ее прежних гонителей было необычайным. «Торговля,— писала «Правда» в юбилей,— вот то звено в исторической цепи переходных форм нашего социалистического строительства, за которое надо всеми силами ухватиться нам, пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии. Если мы теперь за это звено достаточно крепко ухватимся, мы всей цепью в ближайшем будущем овладеем наверняка, а иначе нам всей цепью не овладеть, фундамента социалистических отношений не создать...» и т. д., и т. д.**

Уже в 1921 г. коммунист Германов жаловался на это увлечение. Он отмечает «перегибание палки в другую сторону; торговать и торговать во что бы то ни стало; не говорим уже о хозяйственниках, им сам Бог велел, но за это святое дело берется и Наркомпрос» ***.

* На новых путях. Т. 1. С. 178.

** Правда. 1921. № 251.

*** Германов Л. Товарообмен, кооперация и торговля. М., 1921. С. 33.

Попрытки самостоятельно торговать были государственными учреждениями очень скоро оставлены: рынок был целиком охвачен частной торговлей и конкурировать с ней свободным соревнованием государственной торговле было совершенно не под силу. Данные Центронала за 1-е полугодие 1922 г. по 36 губерниям дают следующие соотношения патентов на торговые предприятия:

Государственные предприятия	0,4%
Кооперативные организации	4,4%
Частные предприятия	95,2%

При этом к III разряду (склады и закрытые помещения) относится около 84 % указанных предприятий.

В частности, очень показательна статистика патентов в Москве на 1 июля 1922 г. по разрядам *:

Разряды	Государственная торговля	%	Кооперация	%	Частная	%	Всего	%
I	—	0	69	1,5	4 547	98,5	4 616	21,6
II	2	0,02	25	0,2	11 722	99,8	11 749	55,1
III	104	2,5	449	10,8	3 599	86,7	4 152	19,4
IV	84	12,9	190	29,1	378	58	652	3,1
V	78	45,9	28	16,4	64	37,7	170	0,8
Всего	268	1,3	761	3,6	20 300	95,1	21 339	100

Таким образом, только в наивысшем (V) разряде частная торговля уступает государственной. При этом следует с особой осторожностью относиться к так называемой кооперативной торговле — так называемые «лжекооперативы», число которых в то время было чрезвычайно велико. По отчетам губернского экономического совещания, в Вологодской губернии «лжекооперативы являются наиболее распространенной формой частной торговли среднего размера», Владимирское губернное экономическое совещание указывает, что «к апрелю месяцу началось превращение многих кооперативов в чисто частноторговые товарищества» **.

Потерпев неудачу на свободном рынке с государст-

* По данным Комвнуторга (На новых путях. Т. 1. С. 184).

** На новых путях. Т. 1. С. 187.

венной торговлей, власть стала всячески выдвигать казенную кооперацию — Центросоюз, Вукопспилку (Всеукраинский кооперативный союз), так называемую «рабочую кооперацию».

Всем этим объединениям для борьбы с частным капиталом предоставляется ряд существенных преимуществ по транспорту и финансированию. Кроме того, государственные органы заключают с кооперацией ряд договоров на поставку хлеба и разного рода сырья. В тех губерниях, где «кооперация» была лишена монопольных прав скупки, она без труда побивалась частной торговлей. Там же, где за ней в этой области сохранилась монополия, вся работа Центросоюза (или Вукопспилки) сводилась к взиманию с частного предпринимателя или кооперативного объединения определенного вознаграждения (до 35%) за проведение сделки по книгам Центросоюза.

Деятельность на внутреннем рынке этого чисто паразитарного, насквозь пропитанного лицемерием и хищничеством учреждения вызывала неподчинение и ропот кооперативных же районных объединений.

«Кооперация и Центросоюз, по словам представителя Центрального рабочего кооператива, спекулируют на тех фондах, которые собираются в Церабкопе (Центральном рабочем кооперативе), и спекуляция идет не только такая, как на спекулятивном рынке, а в двадцать раз больше, извращается и развращается в кооперации. У нас еще нет полного анализа, так как период товарообмена короток. Я затрудняюсь определить этот грабеж, но, безусловно, он доходит до 50 % *.

В этот первый период новой экономической политики советская кооперация была совершенно бессильна при всех своих казенных преимуществах бороться с частной торговлей.

Данные об оборотах торгово-промышленных объединений, входящих в состав Высшего Совета Народного Хозяйства и Московского совета народного хозяйства, дают следующую картину процентного участия в этих

* Германов Л. Указ. соч. С. 24.

оборотах за рассматриваемый период государственной, кооперативной и частной торговли *.

Месяц 1922 г	Количество объединений	Государственная торговля	Кооперативная торговля	Частная торговля
Март	8	69,9	5,9	24,2
Апрель	9	57	14,7	28,3
Май	7	40,8	6,6	52,6
Июнь	7	42,6	7,2	50,2
Июль	5	38,9	4,4	56,7
Август	9	42,5	1,3	56,2

Вплоть до сентября 1922 г. положение кооперации в торговом обороте неустойчиво и по сравнению с частной торговлей ничтожно.

Еще большую роль в этот период сыграла частная торговля в деле обслуживания промышленных трестов. Тресты при своем образовании получили оборотные средства в виде запасов фабрикатов, полуфабрикатов и сырья. При налаживании производства приходилось быстро обращать эти запасы в деньги. Обращаться при срочной потребности к государственным торговым объединениям было делом совершенно безнадежным; чиновники этих учреждений создавали вокруг всякого крупного поручения грандиозную переписку и необычайную волокиту. Взятки постепенно преодолевали эти тормоза, но в общем обходились в несколько раз дороже процентного отчисления посреднику или скидки оптовому торговцу.

При распространении и продаже изделий государственные торговые органы задерживали выплату следуемых тресту сумм, играя на падении рубля, и были недостижимы для воздействия и взыскания. И здесь частный торговец давал больше гарантий и удобств советскому тресту; ему не только коммерчески выгоднее было давать большую скидку, но и доверия к нему со стороны треста было значительно выше, чем к государственному или кооперативному учреждению. По свидетельству Рабоче-крестьянской инспекции, «в Ивано-Вознесенском тресте госорганам не делается в преискуранте никаких скидок, частные торговцы

* На новых путях. С. 191.

получают 5 % скидки, госорганы обязаны вносить этому тресту не менее 25 % задатка, а торговцы вносят меньше и часто не более 10 % от суммы сделки» *.

К сентябрю ⁵/₆ изделий трестов легкой промышленности проходило прямо или косвенно через руки частной торговли. То же явление наблюдается при закупке для трестов и государственных объединений сырья. В этом отношении чрезвычайно показательное сообщение Ростовского уездного экономического совещания за октябрь 1922 г. «Район кишит многочисленными иногородними агентами по закупке продуктов как для госорганов и кооперации, так и на вольный рынок. Эти агенты являются в отделения трестов, губсоюз, сельсоюз, получают там официальные справки о рыночных ценах на интересующие их продукты и товары и затем бесследно исчезают, не воспользовавшись заготовительным аппаратом указанных органов. Заручившись документами о существующих на местном рынке ценах на продукты, вышеуказанные дельцы отправляются к многочисленным в городе частным посредникам, заключают с ними сделки на поставку определенного количества продукта и вручают им миллиардные авансы на производство операций» **.

Попытки советской печати объяснить это явление исключительно «преступной заинтересованностью отдельных лиц», безусловно, односторонни: как показали бесчисленные процессы, эта «заинтересованность» при сделках государственных органов непосредственно между собой получает еще большее и притом гораздо лучше забронированное удовлетворение.

Насколько жизненной и здоровее была частная торговля за рассматриваемый период, показывают исследования балансов крупнейших частных предприятий Москвы (по 4 октября 1922 г.) и сравнение их с балансами кооперативных и государственных торговых объединений ***.

* Наша трестированная промышленность. М., 1922. С. 59.

** Цит. по: На новых путях. Т. 1. С. 186.

*** Балансы помещены в сборнике «На новых путях». Т. 1. С. 354, 356, 359, 360—364, 366, 367. ЦТО — Центральный торговый отдел Высшего Совета Народного Хозяйства; ГУМ — Государственный универсальный магазин.

Товары в частных предприятиях составляли 66,5 % актива по сравнению с кооперативными и государственными организациями.

Товары в частных предприятиях	66,5 %	актива
Товары и заготовки в губторгах	63,9	»
Товары и заготовки в губсоюзах	68	»
Товары в ЦТО ВСНХ	60	»
Товары в ГУМе	52,6	»
Товары в синдикатах	35,3	»

Если сделать поправку на задолженность отделений губернским кооперативным союзам, которую в своих балансах союзы включают в сумму товаров, имеющих в отделениях, то по реальной товарной наличности частные предприятия занимали первое место. Не менее выгодно отличались частные предприятия от государственных и кооперативных по активной задолженности:

Дебиторы частных предприятий	19,25 %	актива
Дебиторы, покупатели и поставщики в ГУМе	29 %	»
Дебиторы, покупатели и поставщики в ЦТО	29,3 %	»
Дебиторы, покупатели и поставщики в губторгах	34,8 %	»
Дебиторы и разные лица и учреждения в синдикатах	60,7 %	»

По кассовой наличности положение частных предприятий также было наиболее благоприятно. Кассовая наличность составляла:

в частных предприятиях	6,5 %	их актива и текущего счета
в губторгах	0,6 %	» » » »
в губсоюзах	1 %	» » » »
в ЦТО ВСНХ	5,1 %	» » » »
в ГУМе	0,6 %	» » » »
в синдикатах	2,4 %	» » » »

Государственный банк, всячески поддерживая государственные и кооперативные организации, оказывал сравнительно ничтожный кредит частной торговле, тем не менее средства со стороны притекали главным образом в частные предприятия, что явствует из сопоставления пассивной задолженности:

Пассивная задолженность частных предприятий	40 %	пассива
» » губторгов	22 %	»
» » губсоюзов	18 %	»
» » ЦТО ВСНХ	19,1 %	»
» » ГУМа	27,6 %	»

В этом отношении очень значительна роль обществ взаимного кредита, возникших во второй половине 1922 г. Окруженные атмосферой чрезвычайной подозрительности власти, усматривавшей в них зародыш воскресающего русского банковского капитала, в исключительно трудных валютных условиях эти общества сумели тесно связаться с частной торговлей и быстро расширить свои операции.

Некоторым показателем роли обществ взаимного кредита в деле снабжения средствами частной торговли могут служить балансы этих обществ с 1 июля по 1 октября 1922 г. Если кредит, оказанный частной торговле на 1 июля 1922 г., принять за 100, то

на 1 августа сумма кредита соответствовала	258,
на 1 сентября сумма кредита соответствовала	563,
на 1 октября сумма кредита соответствовала	2494 *

т. е. увеличилась за 3 месяца почти в 25 раз. Количество обществ взаимного кредита продолжало расти и в последующий период сжатия рынка и гонений на торговлю. На 1 ноября 1922 г. числилось крупных обществ 11, а на 1 апреля 1923 г.—20 **.

Устойчивости обществ содействовало и то, что взимаемый ими процент за ссуду под товары был значительно ниже совершенно ростовщического размера процента крупных акционерных банков (Промбанка, Всекобанка, Городского банка и др.). При выдаче ссуд в золотой валюте, где почти нет риска обесценения, банки взимают от 36 до 60%. Промбанк взимает $2\frac{1}{2}$ в месяц, а по ссудам под товары $4\frac{1}{2}\%$ в месяц (с комиссионными) ***. Взимание столь крупных процентов банки объясняют стоимостью аппарата. Аппарат обществ взаимного кредита значительно дешевле.

В противоположность «неблагонадежным» обществам взаимного кредита особенно покровительствуемые и повсеместно насаждаемые товарные биржи оказали весьма слабое влияние на развитие товаро-

* На новых путях. Т. 1. С. 315.

** Вестник финансов. 25 мая 1923 г. С. 56; Экономическая жизнь. 27 апреля 1923 г.

*** Каценеленбаум З. Стоимость кредита // Экономическая жизнь. 3 мая 1923 г.

оборота. Ни одна торговля в мире так упорно — и не без основания — не уклоняется от регистрации, как торговля советской России. Замечательно, что и в этот сравнительно «лучший» период новой экономической политики государственная и кооперативная торговля в большей мере, чем частная, избегали проводить свои сделки через биржи. По данным 39 товарных бирж, средний месячный оборот в 1922 г. выразился в ничтожной сумме:

по 6 биржам в 100 тыс. довоенных рублей
по 22 биржам в 50 тыс. довоенных рублей
по 11 биржам в 10 тыс. довоенных рублей

Как отмечает советский обозреватель, происходило «ослабление абсентеизма государственных органов к биржевым операциям — по мере облегчения частным лицам доступа на биржу. Товарный поток, проходящий через биржу, имеет направление от госторговли к частным предприятиям» *.

Гораздо больший интерес представляет другая попытка советской власти — возродить ярмарки.

Первой была открыта Ирбитская ярмарка **. Отчеты советской экономической печати полны скорбного недоумения по поводу ее неудачи: оборот ярмарки составил 0,9 % оборота 1913 г.*** Но ярмарка имела совершенно другое значение: здесь впервые встретились скупщики и сибирские промышленники в условиях, далеких от нормальных, но все же относительно свободных. Охотники искали представителей старых фирм, которым сбывали пушнину до революции, скупщики подсчитывали, что уцелело от многовекового сибирского промысла. Итоги были чрезвычайно печальны — в абсолютно ничтожном обороте ярмарки торговля пушниной занимала третье место. Иностранцы, как видно из цитированного отчета, явились больше для эксперимента: отберут или не отберут меха. При этом было проявлено глубочайшее недоверие к деньгам: даже в мелкой розничной торговле кустарей денежный оборот составлял 1 %. У государственных

* На новых путях. Т. 1. С. 261.

** 7 февраля 1922 г.

*** По отчету Екатеринбургского экономического совета (На новых путях. Т. 1. С. 272).

органов осталось непроданного товара 85 %, у кооперации 64 %, у частной торговли 10 % *. Частной торговле удалось учесть состояние сибирского рынка и возобновить старые связи. Тем же сбором и подсчетом руин на пожарище, но в неизменно большем масштабе была Нижегородская ярмарка 1922 г. Впервые за шесть лет, преодолевая невероятные трудности транспорта, с опаской и оглядкой приехали с товарами из отдаленнейших углов былой России представители всероссийского рынка. Советская власть учла значение этого первого взаимоотношения в национальном охвате представителей искалеченного, но не умерщвленного ею торгового промысла. Были затрачены огромные суммы на рекламу государственной торговли, транспорту железнодорожному и водному приказано было преимущественно обслуживать государственную торговлю, предоставив частной лишь «избыточные возможности», были отпущены Народным комиссариатом финансов крупные суммы для скупки на ярмарке государственными органами сырья. Общий привоз товаров на ярмарку составлял 24,4 % привоза 1914 г. В результате государственной торговле принадлежало 84% привезенных грузов, кооперации — 11,4 %, частным фирмам — 4,6 %. Тем не менее роль частной торговли на ярмарке была доминирующей по своему влиянию. Торговцы Кавказа, Сибири, Киргизии, Хивы, Бухары и Персии лишь в крайних случаях обращались непосредственно к государственной торговле. Имея в своем распоряжении 4,6 % всех привезенных на ярмарку грузов, представители центральной и северо-русской частной торговли заключили 45,5 % сделок на экспортное сырье и пушнину (при 40,9 % государственных органов и 13,7 % у кооперации). Мануфактура, металлические изделия и обработанная кожа севера и центра были полностью скуплены окраинами. Покупать по образцам или заказывать у треста с выдачей задатка представители с мест отказались, проявив глубочайшее недоверие к обязательствам национализированной промышленности *. 400 персидских купцов, приехавшие после 6 лет за

* На новых путях. Т. 273.

** Там же. С. 275. 277.

русским сахаром и русской мануфактурой, убедились, что сахар хуже прежнего, но стоит много дороже, что мануфактура по своей цене ныне не может конкурировать с английской.

На ярмарке были впервые полностью учтены состояние и все потребности общероссийского рынка до самых отдаленных углов. При этом произошло выравнивание цен в пространстве. Процесс этот в отдельных районах заканчивали Московская, Киевская (контрактовая), Бакинская и вторая Ирбитская ярмарки.

Так, не при содействии советской власти, а вопреки ей, борьбой не менее напряженной и упорной, чем в период мешочничества, но протекавшей в новых формах, используя мельчайшие щели и отдушины, отстаивала страна вольный рынок и нормальный товарооборот. К концу 1922 г. были полностью изжиты все возможности, предоставленные узкой экономической базой «новой политики». Накопленный за этот период опыт дает достаточный материал для суждения о внутреннем рынке России на шестом году советской власти.

В сравнении со странами с нормальным экономическим развитием русский внутренний рынок после всех изнурительных наскоков и вынужденных отступлений власти характеризовался: отсутствием свободного выхода за границу, насильственно замедленным темпом накопления, бескредитностью народного хозяйства и искусственно пониженным и нивелированным доходом главной массы населения. Кроме того, на рынок все время тяжело давит дефицитность крупной промышленности и государственных финансов. Условия эти главным образом сказались на его емкости и соотношении цен.

Стягивание товаров к торговым центрам и их продвижение к периферии всегда имеет предпосылкой учитываемый торговцем, замедленный или ускоренный, но обязательно положительный процесс нарастания потребностей. Первый период новой экономической политики давал эту иллюзию. Размер товарного обращения, поскольку он определяется стоимостью бумажно-денежной массы в товарных рублях, увеличился до октября 1922 г. (июль 1921 г.—37 млн, январь 1922 г.—96 млн, июль 1922 г.—69 млн, ок-

тябрь 1922 г.—144 млн, январь 1923 г.—109 млн)*. Следовательно, уже после октября стали вырисовываться пределы поглощения рынка товаров и стал намечаться кризис сбыта. Чем определились эти пределы?

Прежде всего, доходом общественных групп. Зарботки рабочих — самой крупной из привилегированных групп — хотя и были несколько выше натурального дохода крестьян, но все же отставали в своем реальном значении от дореволюционных норм. Кроме того, эта группа, по преувеличенным советским данным, едва составляет вместе с семьями 3 % сельского населения страны. Служащие составляют 14 % от числа рабочих и в основной своей массе по доходу мало чем от них отличаются. Очень высок доход так называемых «ответственных работников» в администрации и партии, специалистов, главарей и высших служащих трестов. Но эта группа численно ничтожна, сосредоточена в столицах и потребляет главным образом заграничные товары из государственных магазинов. Тресты же как юридические лица и вся государственная промышленность в целом дают только убыток. Таким образом, единственной базой внутреннего рынка является сельское население. В первый период после отмены чисто коммунистических приемов хозяйничания произошли изменения в бюджете крестьянина, благоприятные торговле. Душевые нормы приобретения в крестьянском хозяйстве отдельных групп товаров до войны, в чисто коммунистический период и в период новой экономической политики (в первый год) рисуются в следующем виде**.

* Прокопович С. Н. Указ. соч. С. 149.

** Таблица по материалам бюджетно-экспедиционного исследования в 9 губерниях в 1921/22 г., проведенного студентами Петровско-Разумовской академии, обработанным проф. Л. Н. Литовченко // Вестник промышленности, торговли и транспорта. Март 1923 г.

**Потребление товаров на душу
в довоенных золотых рублях**

Показатель	До войны		1920/21 г		1921/22 г	
	золотой рубль	%	золотой рубль	%	золотой рубль	%
I. Хозяйственное потребление	3,54	16,6	1,3	38,1	0,94	20,8
В том числе:						
1. Строительные материалы	1,49	7	0,84	24,6	0,42	9
2. Сельскохозяйственный инвентарь	1,39	6,5	0,15	4,4	0,17	4,2
3. Транспорт	0,37	1,7	0,16	4,7	0,16	3,5
4. Мелкий инструмент	0,1	0,5	0,02	0,6	0,03	0,6
5. Хозяйственные материалы	0,19	0,9	0,13	3,8	0 16	3,5
II. Личное потребление	17,77	83,4	0,11	61,9	4	79,2
В том числе:						
1. Продовольственные продукты	4,05	19	0,53	15,5	1,21	27,1
2. Одежда, обувь, мануфактура, галантерея	9,31	43,8	0,74	21,7	1,6	29,6
3. Наркотики	2,53	11,9	0,27	7,9	0,16	2,9
4. Мебель, предметы комфорта	0,84	3,9	0,21	6,2	0,18	2,9
5. Осветительные материалы	0,6	2,8	0,22	6,5	0,41	9,8
6. Мыло	0,39	1,8	0,12	3,5	0,37	6,5
7. Писчебумажные принадлежности	0,05	0,2	0,01	0,6	0,01	0,6
Всего	21,31	100	3,41	100	4,94	100

В последний год чистого коммунизма потребление предметов обрабатывающей промышленности упало с 21 руб. 31 коп. до 3 руб. 41 коп. (в 6 раз). Больше всего упала закупка одежды и мануфактуры! (в 12 раз) и сельскохозяйственного инвентаря (в 9 раз). Сравнительно высокий процент затрат на дополнительные строительные материалы объясняется наличием захваченного помещичьего и казенного леса. Переход на новую экономическую политику сразу увеличивает на 45 % сумму душевого расхода на продукты обрабатывающей промышленности. Возможность продавать скрытые запасы позволяет крестьянину в первую очередь удовлетворить уродливо сжатые потребности в одежде, обуви, осветительных материалах и мыле.

Расходы на покупку этих товаров почти удвоились. По времени это совпадает с периодом, когда рынок свободно принимал повышение цен на текстильные изделия и обувь.

Чрезвычайно показательно, что и в этот сравнительно благоприятный момент крестьянин тратит относительно больше, чем до войны, на предметы первой необходимости: продовольствие и осветительные материалы, и относительно меньше на обувь, мануфактуру, мебель, посуду. Здесь рынку приходится считаться с довольно прочным переходом крестьян на натуральное удовлетворение ряда потребностей силами собственного хозяйства. Обесцененные прежде по отношению к хлебу мануфактура и обувь начинают с мая 1922 г. расти в цене. Запрятанные в деревне хлеб и золото начинают проникать на рынок, кривые цен стремительно движутся к довоенным соотношениям и создают иллюзию экономической прочности и выхода из полосы перманентных катастроф. Летом 1922 г. не только советская экономическая печать полна восторженных прогнозов, но и серьезные экономисты из оставшихся в России заражаются (на весьма, правда, короткий срок) этой иллюзией *. В начале мая 1922 г. за 1 аршин ситца дают 1,68 фунта муки, а в сентябре — 6,5—7,4 фунта. В золотых копейках цена аршина ситца повышается с 13,4 (1 мая) до 34,3 (на 1 сентября). За пару сапог дают в мае 3½ пуда муки, а в сентябре — 16 пудов, 1 фунт мыла в мае стоит 3,2 фунта муки, в сентябре — 9,75 фунта **. Торговый капитал стремится в деревню и все теснее связывается с кустарем и мелким промышленником, оплодотворяя их средствами. Параллельно частная торговля почти монополизирует сбыт текстильных изделий национализированной промышленности. В Харькове частный капитал в мануфактурной торговле составляет 81 %, в Киеве — 89 %, в Петрограде — 87 % ***. Вместе с тем, проникая в тресты, частный капитал пытается косвенным, но весьма сильным влиянием внести в них больше элементов планомерности и хозяйственности.

* См. статью проф. Н. Д. Кондратьева в «Экономическом бюллетене» (№ 4, 5. 1922 г.).

** Экономический бюллетень. № 18. 1923 г.

*** Экономическая жизнь. 18 апреля 1923 г.

Все это в связи с кажущимся расширением внутреннего рынка начинает пробуждать опасения власти. Впервые эти опасения официально формулирует председатель Комиссии внутренней торговли на первом Всероссийском съезде представителей биржевой торговли. «Я хотел бы, чтобы частная торговля поняла, что мы ни в коем случае не можем относиться сочувственно к тому, что она берет на себя обязанность исправить недостатки механизма в области организации нашей промышленности... Мы постараемся вытолкнуть возможно большую массу частного посреднического капитала, который стремится свить гнездо в щелях и в брешах между нашими промышленными производственными органами» *.

Но частная торговля до этого поняла многое другое — в первую очередь всю эфемерность надежд на расширение рынка при существующих условиях. Процесс же «выталкивания капитала» характеризует последующий, последний по времени, период в судьбах торговли и внутреннего рынка.

**БОЯЗНЬ ВОЗРОЖДЕНИЯ РУССКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО КАПИТАЛА,
ПОПЫТКИ РЕКВИЗИЦИИ
ТОРГОВЫХ КАПИТАЛОВ
ПРИ ПОМОЩИ НАЛОГОВОГО ПРЕССА,
УРОДЛИВЫЕ ФОРМЫ ТОРГОВЛИ
И КАТАСТРОФИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ЦЕН**

От октября 1922 г.
по июнь 1923 г.

11 сентября 1922 г. является своеобразной исторической датой для русского рынка за время революции. К этому дню в Москве цены на сельскохозяйственные продукты, спускаясь книзу, встретились с ценами на фабрикаты, идущими вверх, и совпали в довоенных соотношениях. В этот же день начался резкий подъем десятирублевого золотого, стремительно приобретающего довоенную покупательную способность. В провинции это явление сказалось

* Речь комиссара внутренней торговли А. Лежавы «Ближайшие задачи торговли». М., 1923. С. 7.

на 1—2 месяца позже. Таблица розничного индекса Конъюнктурного института отчетливо это отразила*.

Месяц 1922 г	Москва		Ставрополь			
	Продовольственные товары	Непродовольственные товары	Общий индекс	Продовольственные товары	Непродовольственные товары	Общий индекс
Март	118	79	100	154	39	100
Апрель	118	79	100	164	25	100
Май	121	76	100	153	39	100
Июнь	111	87	100	150	48	100
Июль	106	92	100	120	77	100
Август	106	92	100	105	87	100
Сентябрь	99	100	100	110	89	100
Октябрь	96	104	100	106	91	100
Ноябрь	89	110	100	98	101	100

Сомкнувшись, кривые цен в своем движении не остановились, а продолжали двигаться — на сельскохозяйственные продукты вниз, на фабрично-городские изделия вверх — и достигли чудовищного расхождения, гораздо большего, чем в чисто коммунистический период, но в прямо противоположном направлении. Мираж довоенных ценностных соотношений быстро рассеялся. В январе 1923 г. цены в твердых золотых копейках по разным городам России на пуд ржи и аршин ситца были следующие**:

Город, дата	Рожь, пуд	Ситец, аршин
Москва, 1 января 1913 г.	80	13
Москва, 1 января 1923 г.	52	24
Вологда, 1 января 1913 г.	86	13
Вологда, 1 января 1923 г.	76	31
Саратов, 1 января 1913 г.	63	13
Саратов, 1 января 1923 г.	38	22
Ростов, 1 января 1913 г.	70	13
Ростов, 1 января 1923 г.	45	25
Тамбов, 1 января 1913 г.	73	13
Тамбов, 1 января 1923 г.	64	44
Чернигов, 1 января 1913 г.	83	13
Чернигов, 1 января 1923 г.	65	36

* Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1923 г. № 16—17. С. 5.

** По индексам Конъюнктурного института (Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1923. № 16—17).

В это время крестьянин отдавал на рынке на минимально необходимые в его бюджете мануфактуру, мыло, керосин, спички, кожу, соль и сахар — 1115,6 фунта муки. В 1913 г. все перечисленные товары в том же количестве он получал за 417 фунтов *. Тенденция эта продолжается поныне. В конце мая индекс сельскохозяйственных продуктов был ниже общего индекса на 24 %, а индекс промышленных изделий выше на 20 % **.

Падение цен на хлеб сразу же вызвало кризис сбыта: русский рынок искусственно подогнан под схему физиократов и судьбы его теснейшим и примитивнейшим образом связаны с «чистым продуктом» сельского хозяйства.

Причины сжатия рынка были двоякие: длительно действующие, порожденные всем революционным периодом и вызванные политикой власти за последние две трети года.

К первым, главным образом, относится обнищание сельского населения. Затраты крестьянина на рынке до октября 1922 г. очень высоки по сравнению с предыдущим, советским же, периодом. Но поставленные рядом с теми же затратами до войны, они вскрывают сильнейшее падение покупательной способности. В крестьянском хозяйстве приобреталось промышленных изделий ***:

До войны

Губернии	Расход на душу в золотых рублях
Тамбовская	15,9
Пензенская	20
Вологодская	21,3
Костромская	48,8
Московская	32,8
Новгородская	17
Смоленская	13
В среднем	21,3

В 1921/22 г.

Губернии	Расход на душу в золотых рублях
Орловская	4,05
Пензенская	1,96
Вологодская	6,31
Костромская	7,57
Тверская	6,35
Псковская	5,14
Белоруссия	4,92
В среднем	4,94

* Экономическая жизнь. 13 января 1923 г.

** Торгово-экономическая газета. 1923 г. № 107.

*** Таблица составлена проф. Литошенко (Вестник промышленности и торговли. Март 1923 г. С. 10).

В период, когда крестьянство спешило заполнить прорехи после тяжких лет подпольного рынка, оно все же могло приобрести в четыре раза меньше товаров, чем до войны. Пределы внутреннего рынка оказались чрезвычайно ограниченными. Малейшее колебание цен на хлеб болезненно отзывается на торговле и промышленности. <...>

Вопросу о ценах, начиная с января 1923 г., в советской экономической печати уделяется очень много внимания. Из всей весьма обширной литературы наибольший интерес представляет полемика начальника Центрального статистического управления П. И. Попова, проф. Н. Д. Кондратьева, проф. С. А. Первушина с Ю. Лариным и С. Струмилиным *. Спор этих так называемых хозяйственников дает возможность вскрыть некоторые причины кризиса рынка. Первая группа полагает, что для спасения торговли, промышленности, финансов, для восстановления элементарных основ экономического быта страны необходимо, не останавливаясь ни перед какими жертвами, урегулировать цены на фабрично-заводские изделия, ослабить налоговый пресс в деревне, принять меры к подъему цен на хлеб и восстановить сельское хозяйство. В своих возражениях С. Струмилин указывает, что в этом споре «сплетается клубок больших и диаметрально противоположных классовых интересов» **, что «в поднятой кампании» он усматривает «черты весьма реакционной утопии» и объявляет себя хранителем экономических интересов существующей власти и господствующего класса. Аргументация как Ю. Ларина, так и С. Струмилина несложна, но весьма показательна. В промышленности валовая выручка рабочего упала в 1920 г. до 26 % довоенной нормы, в 1921 г. — до 30 % и в 1922 г. — 51 %. В то же время производительность труда в сельском хозяйстве упала в гораздо меньшей степени. По данным С. Струмилина, принимая во внимание убыль населения от войн и голода, сокращение территории, сокращение посевного клина, все же на

* См.: Экономическая жизнь. 1923 г. № 39, 40, 42, 45, 46, 47; Правда, 1923 г. № 40; Экономический бюллетень Конъюнктурного института. № 16—17, 18; Московская промышленность. 1923 г. № 2 и 3; Экономическое обозрение. 1923 г. № 4.

** Экономическое обозрение. 1923 г. № 4. С. 6 и 13.

одного сельского работника продукция хлебов составляла в 1920 г. до 84% довоенного, в 1921-м — 59%, в 1922 г. — около 93% (?) *. Следовательно, часы труда крестьянина были с 1920 г. гораздо продуктивнее рабочих часов фабричного работника. «Стало быть, — заключает Струмилин, — если бы цены изменялись соответственно с трудовой стоимостью продукции, то по отношению к хлебным ценам цены промышленных товаров должны были составлять в 1922 г. 182 % довоенной расценки... В таком случае требование повышения хлебных цен до довоенного уровня равносильно требованию, чтобы в обмене трудовых услуг между городом и деревней городской пролетариат отдавал крестьянину за каждую сотню часов овеществленного в хлебе труда 82 часа своего труда безо всякого эквивалента, задаром. Но, спрашивается, во имя чего решился бы на такие жертвы пролетариат, который и без того за последние годы принес немало тяжелых жертв на алтарь...» ** и т. д.

Независимо от сомнительной точности приводимых цифр, это весьма упрощенное, прикладное применение трудовой теории ценности нашло чрезвычайно благоприятную среду в кругу лиц, ведающих хозяйственными судьбами России. Мысль, что за развал промышленности, за потерю рабочих трудовых навыков, за эффективно ничтожные результаты труда должен заплатить мужик, была принята очень сочувственно. В президиуме Государственной плановой комиссии точка зрения оппонентов г. Струмилины не встретила отклика. Исходя исключительно из вышеизложенных соображений г. Струмилины, был в первый момент взят на подозрение и вывоз хлеба за границу, и лишь после авторитетных разъяснений деятелей Внешторга, что монополия продажи хлеба за границей всегда даст возможность отстоять интересы пролетария и как угодно «регулировать» крестьянина, вывоз был признан «ударной задачей».

Указанная выше тенденция получила свое вполне законченное выражение в первой четверти 1923 г., но проследить ее можно во всех мероприятиях советской власти с осени прошлого года.

* Данные по вычислениям Струмилины.

** Экономическое обозрение. М. 1923 г. № 4. С. 7.

Продовольственный налог был собран в количествах, весьма резко превышающих потребности городского населения, — 415 млн ржаных единиц. Влияние привезенного налогового хлеба на цены ясно видно из таблицы цен на хлеб осенью и зимой 1922/23 г. в столицах, уездных городах и средних по России * (цены 1913 г. приняты за 1).

Показатель	20 октября 1922 г	1 ноября 1922 г	10 ноября 1922 г	20 ноября 1922 г	1 декабря 1922 г	10 декабря 1922 г	20 декабря 1922 г	1 января 1923 г
Столицы	9 892	11 617	13 775	13 550	12 908	12 292	12 333	12 542
Уездные города	8 060	10 776	13 372	13 240	14 505	12 379	15 519	16 391
Среднее по России	9 266	11 351	13 344	13 343	13 685	13 239	14 256	15 097

Таким образом, после увоза продналогового хлеба цены растут в уездах и падают в столицах. Как видно из таблицы, средняя цена по России диктуется столицами: в Москве и Петрограде с 1 декабря цены на хлеб становятся ниже уездных — с этого же момента ниже уездных цен и средние цены по всей России.

В январе поступает на рынок столиц хлеб, заготовленный Государственным банком, Хлебопродуктом и кооперацией.

Хлебопродуктом заготовлено 18 млн пуд., кооперацией — $11\frac{1}{2}$ млн пуд., Государственным банком — $8\frac{1}{2}$ млн пуд.**.

Хлебопродукт вынужден продавать хлеб ниже заготовительной цены. «Причиной обесценения хлеба является давление дотационного хлебного фонда, выброшенного на рынок», — читаем мы в январском докладе на совещании Хлебопродукта***. Параллельно тресты, нуждаясь в средствах, продают часть своих хлебных запасов. Так, искусственно и последовательно формируют столицы низкие цены на хлеб для всей России, систематически обесценивая продукцию сельского хозяйства. Но Москва является на рынке гегемоном не только хлебных цен. Согласно данным анкеты

* По данным Конъюнктурного института (Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1923. № 18).

** Экономическая жизнь. 17 января 1923 г.

*** Экономическая жизнь. 10 января 1923 г., Торгово-промышленная газета. 11 февраля 1923 г.

Высшего Совета Народного Хозяйства, проведенной среди крупнейших трестов, Льноправление реализует в центре 80 % всей своей продукции, Чаеуправление — 95 %, Центробумтрест — 83 %, Резинотрест — 68 % и т. д. * В силу этого огромная доля всей выпускаемой бумажно-денежной массы (свыше 70 %) оседает в Москве, и обесценение рубля здесь происходит во времени намного раньше, чем в провинции. Цены товаров, с которыми примиряется московский потребитель, становятся совершенно неприемлемы для закупщика из уезда, где реальное расхождение хлебных цен с ценами на промышленные изделия еще более вырастет, чем в столицах.

Исключительную роль в деле борьбы на рынке с крестьянином сыграли также железные дороги. В ноябре 1922 г. железнодорожный тариф для хлебных грузов был еще вполне благоприятен. С момента, когда Москва была обеспечена хлебом, положение резко меняется. Так, по тарифу 1 ноября 1922 г. соотношение между ценой зерна в Москве и провозной платой (с дополнительными сборами) было следующее:

«Пункты вывоза»	Цена 1 пуда в Москве, руб.	Стоимость перевозки, коп.	Отношение стоимости перевозки к цене в Мос- кве, %
Из Н. Новгорода в 1913 г.	0,82	9,9	12,2
Из Н. Новгорода 1 ноября 1922 г. (в знаках 1923 г.)	8,75	0,43	2
Из Самары в 1913 г.	0,82	20	24
Из Самары 1 ноября 1922 г. (в знаках 1923 г.)	8,75	0,615	7

По тарифу же 1 января 1923 г. стоимость перевозки к цене зерна составляет 14% для расстояний в 250 верст и 18,9% для расстояний в 500 верст, по тарифу 20 января — 19,5% для расстояний 250 верст (вместо 14%) **.

Если стоимость зерна и тарифа перевести в твер-

* Торгово-промышленная газета. 4 февраля 1923 г.

** Союз потребителей. 1923. № 5. С. 34.

дые, золотые копейки, то по тарифу 15 февраля стоимость доставки зерна увеличилась по сравнению с 1913 г.*:

Для расстояний	500	верст	на	60,08 %
»	»	750	»	42,01
»	»	1000	»	21,65

По отношению же к изделиям промышленности железнодорожные тарифы имеют подчеркнуто покровительственный характер. Соотношение в процентах провозной платы к цене ситца в Москве в 1913 г. составляло (для расстояния 250 верст) 8,75%, а по тарифу 20 января 1923 г.— 2,5% **. Все последующие тарифы только углубляли эту разницу. Так что к концу мая 1923 г. железнодорожный тариф покрывал всю разницу в ценах на все хлеба в Москве и в следующих сыпных пунктах: Симбирске, Саратове, Самаре, Казани, Царицыне, для пшеницы же тариф составлял 108,9% разницы в ценах Москвы и Харькова ***.

По существу, тариф, таким образом, являлся запретительным и совершенно разорил оптовых хлебных торговцев в перечисленных местах экспорта. В этой третьей фазе экономического творчества советов крестьянство вновь проявляет исключительную живую упругость и упорную, стихийную настойчивость в отстаивании своих интересов. Оно ответило невиданным с 30-х годов прошлого столетия массовым развитием гужевых и барочных перевозок, перенесением торговли в деревню и своеобразным бойкотом фабрично-заводских изделий.

В апреле 1923 г. в Московской округе путей сообщения и несколько позже, на третьем тарифном съезде Комиссариата путей сообщения, обсуждался вопрос об угрожающем железным дорогам успехе гужевых перевозок, достигших в среднем расстояний в 200—300—500 верст ****. Материалы, доложенные представителя-

* Проф. П. Лященко. К вопросу о железнодорожных хлебных тарифах // Экономическая жизнь. 13 мая. 1923 г.

** Союз потребителей. 1923. № 5. С. 35.

*** Замечательно, что из произведений промышленности тариф выше довоенного оставлен лишь для земледельческих орудий. См.: Союз потребителей. 1923. № 5. С. 33.

**** Экономическая жизнь. 5 июня 1923 г.

ми. отдельных дорог, исчерпывающе характеризуют это явление. Перевозку обозами отправители объясняют дешевизной и сохранностью товаров. Перевозят главным образом хлебные грузы и все нужные крестьянству товары. Появилась целая сеть транспортных обществ по обозным перевозкам, гарантирующих доставку на расстоянии свыше 500 верст *. Представители Юго-Западной, Юго-Восточной, Орловско-Витебской, Московско-Казанской, Мурманской и других дорог единодушно отметили грозно растущее развитие гужевого промысла в области зерновых перевозок. Кроме того, перевозится лен, пенька, лес, железо, посуда, мануфактура **.

Доставка хлеба гужем из Петербурга в Ямбург (128 верст) обходилась в 2 руб. (в знаках 1923 г.) с пуда, а по железной дороге — в 6 руб.; доставка льняного семени из Холма в Псков обошлась в 11,2 руб. (в знаках 1923 г.) с тысячи пудов, а по железнодорожному тарифу — 15,3 без дополнительных сборов.

Сборы же эти в сравнении с довоенными следующие: станционный сбор вдвое выше, за взвешивание в 5 раз, за подачу вагонов в 7—9 раз, за аренду складов до 10 раз *** и т. д. В степных районах воскресший промысел чумаков объясняют не только дешевизной, но и большей быстротой. «В то время как на доставку груза железной дорогой требуется 2—3 дня, доставка его гужем требует 16—18 часов» ****. К гужевым перевозкам переходят и тресты. Камско-Уральский бумажный трест в своем отчете пишет: «Учитывая ненормальность железнодорожного тарифа, правление вынуждено было перейти к гужевой перевозке: на 105 верст стоимость гужевого перевоза 1 пуда бумаги вдвое дешевле, чем по железной дороге» *****.

Еще хуже обстоит с речными перевозками. По официальным данным, доставка в текущую навигацию 1000 пудов хлеба в Петроград обходится (в знаках 1923 г.) <см. табл. на с. 169> *****. Водный фрахт,

* Торгово-промышленная газета. 2 июня 1923 г.; Экономическая жизнь. 13 июня 1923 г.

** Экономическая жизнь. 8 июня 1923.

*** Экономическая жизнь. 8 июня 1923 г.

**** Союз потребителей 1923. № 5. С. 32.

***** Экономическая жизнь. 4 мая 1923 г.

***** Экономическая жизнь. 5 июня 1923 г.

Откуда	По железной дороге	Водю	Смешанным путем
Из Казани	9 902	10 636	13 986
Из Симбирска	10 398	11 180	14 512
Из Саратова	10 261	12 472	15 804
Из Перми	10 811	12 472	15 804

бывший до революции самым дешевым, сделался самым дорогим. В результате на реках и системах получил исключительное развитие лодочный, баркасный и барочный промысел. С речным транспортом конкурируют даже гужевые перевозки *.

Наряду с этим крестьянство обходит город, переносит торговлю в деревню и самостоятельно втягиваясь в торговый аппарат. Ценные данные об этом все усиливающемся процессе дают опубликованные материалы обследований торговли в деревне, предпринятых Комиссариатом внутренней торговли. Отчеты единогласно констатируют бойкот в деревне советской кооперации. Глава Комиссариата внутренней торговли А. Лежава вынужден признать это обстоятельство. «Сведения, идущие с мест,— пишет он,— к сожалению, способны навести на некоторые пессимистические размышления. Из разных мест наблюдатели подтверждают почти одними и теми же словами, что крестьяне совершенно равнодушны к судьбам своих потребилок. Из некоторых мест указывают, что успех той или иной потребительской лавки зависит от того, что крестьяне в эту лавку посадили бывшего торговца-кулака. Тяжело нам говорить об этом...» и т. д. **. В деревне наблюдаются совершенно неведомые до сих пор многочисленные объединения крестьян в паевые торговые товарищества ***. «Большинство членов этих товариществ не торговцы, а зажиточные крестьяне, внесшие свои вступительные паи хлебом. Товары местными торговцами доставляются в деревню на своих лошадях. Отмечаются более низкие цены у частных торговцев, чем у кооперативов, вследствие чего последние быстро умирают там, где нарождаются упомянутые товари-

* См.: Днепропетровское госпароходство. Корреспонденция из Киева. Экономическая жизнь. 14 июня. 1923 г.

** Известия. 9 июня 1923 г.

*** Экономическая жизнь. 8 июня 1923 г.

щества» *. «Свои операции торговцы начинают путем реализации части своего урожая или ликвидации части имущества, дальнейшие средства черпаются из первых удачных оборотов» **. По Бугурусланскому уезду роль государственной торговли определена в 18%, кооперативной — 12%, крестьянской — 70% ***. В Белебеевском уезде отмечается значительное преобладание деревенской торговли над городской. В Мамадышском уезде «в последней четверти года произошло уменьшение городских торговцев 1 разряда почти на 50%, зато значительно увеличилось число торговцев 2 разряда и на 45% возросло число торгующих в деревне» ****.

Крестьянство втягивается все больше в торговый промысел. Общая сводка по всем материалам отмечает, что в деревне «повсеместно наблюдается рост частной торговли, во многих районах обгоняющий рост государственной и кооперативной, а в некоторых районах происходящий за счет сокращения частной торговли в городах» *****.

При общем сокращении торговли по всей России более чем в 2 раза (по числу патентов) чисто деревенская торговля (палаточная, разносная, базарная) возросла с 33% (до войны) до 80% *. При этом из всех мест сообщают о процессе укрупнения капитала в деревенской торговле. «Особых успехов,— отмечает сводка сведений,— достиг (в деревне) частный капитал в деле заготовок, где даже родился крупный капитал. Об этом свидетельствуют данные Московской губернии, Украины и ряда центральных губерний» **. По определению председателя Комиссариата внутренней торговли, частный товарооборот в деревне по всей России составляет 500—600 млн руб.

Опубликование материалов обследований вызвало большую тревогу в советской общей прессе и требова-

* Материалы по Камышловскому уезду // Экономическая жизнь. 8 июня 1923 г.

** Материалы по Мамадышскому уезду // Экономическая жизнь. 9 июля 1923 г.

*** Там же. С. 3.

**** Экономическая жизнь. 8 июня 1923 г.

***** Там же. 10 июля 1923 г.

***** Там же. С. 3.

***** Итоги и перспективы торговли с деревней // Известия. 9 мая 1923 г.

ния «принятия мер» *. Так называемые хозяйственники, не смея не признать вслед за коммунистами наличия тревожных признаков, вместе с тем указывают, что этот процесс стихийный и трудно преоборимый ** и что «уничтожить его ни взмахом пера, ни взмахом меча мы не можем» ***.

Страх этот предуказан официальной речью Троцкого на XII съезде коммунистической партии. Речь эта явилась результатом закулисной борьбы и соглашения и должна была определить экономическую позицию власти на ближайший год. Она заслуживает особого внимания как руководство съезду чиновников, правящих Россией. В части, касавшейся торговли и рынка, Троцкого чрезвычайно пугает срастание костей на прежде мертвом поле. Здесь им усматривается таящаяся гибель советского строя. «Закрывать глаза на оживление мелкобуржуазного хозяйственного оборота как на возможный источник другого развития, направленного против нас, как на питательный бульон частнокапиталистического процесса было бы легкомысленно, преступно, и об этом я считаю необходимым сказать полным голосом» ****. Самое страшное в том, что «смычка торгового капитала, который у нас уже сейчас получает довольно широкое влияние, с кустарем-кулаком, который постепенно станет подчинять себе слабых кустарей, может во второй раз создать у нас истинно русский, почвенный капитализм» *****. Иностранный капитал сам по себе, по мнению Троцкого, менее опасен для советской власти. (...)

Практические выводы из указанных тенденций власти были сделаны еще до съезда и выразились в тяжком нажиме на городской частноторговый капитал при помощи налогового пресса. Городская торговля была под руками, воздействовать на нее оказалось во много раз легче, чем на деревенскую.

Процесс этот проводился двумя инстанциями —

* См.: Правда. 18 июня 1923 г.

** Статья Хинчука в «Экономической жизни». 14 июля 1923 г.

*** Статья Лежавы в «Экономической жизни». 23 июня 1923 г.

**** Троцкий Л. Основные вопросы промышленности: Доклад XII съезду Коммунистической партии. М., 1923. С. 51.

***** Там же. С. 50.

Управлением недвижимых имуществ и Народным комиссариатом финансов. Примером, как определялась арендная плата за торговые помещения, могут служить данные Московского управления недвижимого имущества. Магазины с оборотом в 50 и 75 тыс. руб. (в знаках 1923 г.) должны платить за первую четверть 1923 г. 100 и 235 тыс. руб. (в тех же знаках). Московское учетное общество взаимного кредита и Московское торгово-промышленное общество, имеющие основные капиталы в 9135 и 20 400 золотых рублей, обложены арендной платой в 36 720 руб. и 56 000 руб. Магазин Плотникова, имеющий установленный податным инспектором оборот в 4500 руб., обложен арендной платой в 21 104 руб. за первую четверть 1923 г.

Таких примеров множество *. В провинции это обложение привело к неожиданным результатам: торговцы часто разбегались, бросив управлениям свои магазины с товарами.

Народный комиссариат финансов ввел так называемый уравнительный сбор и в течение всей половины 1923 г. повышал плату за выборку патентов до совершенно несуразных цифр. В результате в Москве на 1 января 1923 г. числилось 28 151 торговое предприятие, на первую четверть 1923 г.—18 960, на вторую —12 288 **.

Не менее быстрым темпом сокращалась торговля в провинции. Количество торговых заведений в мае, в сравнении с январем, составляло:

В Смоленской губернии	56%
В Орловской губернии	52%
В Киевской губернии	29%
В Витебской губернии	33%

Городской торговый капитал или совершенно распылялся, или уходил в деревню, или приспособлялся к работе государственных торговых органов (причем его работа здесь принимала паразитарно-уродливую форму), или в большинстве своем вливался в валютные операции.

«Поле деятельности частной предприимчивости все более суживается,— жалуется член Московского бир-

* Экономическая жизнь. 28 января 1923 г.

** Там же. 15 мая. 1923 г.

жевого комитета А. Синелобов,— наблюдаемый ныне уход частной предприимчивости с рынка вызван не только тяжестью налогового обложения, но и полной невозможностью построить сколь-нибудь устойчивый коммерческий план. Частная предприимчивость обнаруживает тенденцию эвакуироваться из торговли в области фондового рынка, где, как это ни кажется парадоксальным, меньше неожиданностей и опасностей» *.

Попыткой обойти эти «неожиданности и опасности» объясняется стремление части русского и главным образом иностранного капитала работать в области торговли совместно с государственными органами в форме смешанных акционерных обществ. Объединений чисто торгового типа насчитывается пока до десяти с капиталом не свыше 3 млн золотых рублей **.

Психология и торговый быт иностранных купцов, идущих работать в Россию, часто до мельчайших деталей напоминают взгляды и приемы их далеких предков, торговавших с Москвией в XVI и XVII вв. *** Та же неуверенность и стремление взять как можно больше с одной торговой операции, не помышляя о следующей; та же боязнь глубокого внедрения, та же борьба отдельных групп за милостивое отношение власти и за привилегии, добываемые щедрыми дарами близким к власти людям и втягиванием их в собственное предприятие, наконец, как идеал — ярлык на право «торговать вольно и без зацеп, гостити без рубежа и безо всякие пакости», право, которого совершенно лишена русская торговля.

* Экономическая жизнь. 17 мая 1923 г.

** Известия. 18 апреля 1923 г.; Экономическая жизнь. 20 июня 1923 г.

*** Проф. Кулишер И. М. Очерк истории русской торговли. Петроград. 1923 г. Гл. 7 и 8.

А. Югов

Из книги «Народное хозяйство советской России и его проблемы» (Берлин, 1929)

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМА КАПИТАЛА

Советская власть поставила себе как основную задачу максимальное развитие промышленности, повышение ее удельного значения в экономике страны.

Официальные данные исчисляют, что к началу 1927/28 г., т. е. к началу второго десятилетия советской власти, продукция государственной промышленности в общем достигла довоенного уровня.

Имеются серьезные основания подвергать сомнению точность этих данных.

Раньше всего размеры продукции 1913 г., с которой сравнивается современная продукция, явно преуменьшены, так как учета общей продукции в рублях в довоенное время не производилось и статистическими органами советской России ее пришлось исчислить (1) по отчетам отдельных отраслей и статьям преискурантов. При этом, по свидетельству самих советских экономистов, была допущена большая произвольность *.

Кроме того, в целом ряде отраслей промышленности их производительность была максимальной не

* Достаточно указать, что один из членов коллегии Центрального статистического управления, известный экономист В. Громан, в своем докладе Международной экономической конференции при Лиге Наций (май 1927 г.), приводя официальные данные о достижении довоенного уровня, указывает, что «новейшие работы Центрального статистического управления (ЦСУ) обнаружили, что стоимость продукции промышленности за 1913 г. (год, с которым производится сравнение) до сих пор была при подсчетах преуменьшена, по меньшей мере, на 10%, так что все проценты, определяющие отношение к довоенному уровню промышленности, должны быть соответственно понижены» (Громан В. Народное хозяйство СССР. М., 1927. С. 47).

в 1913 г., а в 1915 г. или в 1916 г. В. Громан исчисляет промышленную продукцию 1913 г.— в пределах современной территории СССР — в 7700 млн руб., а в 1916 г.— в 8400 млн руб.

Ряд производств, ранее не существовавших в России, возникли и стали укрепляться как раз именно во время войны, так как ранее были не в состоянии конкурировать с продукцией, шедшей в Россию из Германии и Австро-Венгрии. Неудовлетворяемая потребность создала новые производства. Например, производство взрывчатых веществ, высших сортов красок, обработка продуктов коксования, химических продуктов, электротехнических, медицинских и фармацевтических принадлежностей и т. д. возникли в России именно во время войны. Исследуя влияние войны на русскую промышленность, проф. Гриневецкий, С. Прокопович и др. считают, что паровозостроение, вагоностроение, производство сельскохозяйственных машин и ряд производств, работающих на широкий рынок, пришли за время войны в упадок, но что, с другой стороны, в металлической индустрии получило сильное развитие машиностроение, ранее очень слабо развитое в России, производство инструментов, в том числе точных измерительных аппаратов, и, конечно, производство снарядов и оружия. Добыча угля, нефти, машиностроение достигли в первые годы войны размеров, превысивших довоенные уровни.

Большинство исследователей хозяйства России в период войны приходят к выводу, что основной капитал промышленных предприятий России, главным образом машины, двигатели, станки и оборудование, значительно расширился.

Но мы при рассмотрении советской экономики будем исходить из официальных данных о размерах продукции, так как сущность и сложность стоящих перед русской экономикой проблем не изменяются от того, насколько процентов ближе или дальше от довоенного уровня размеры современной продукции. Мы будем исходить из того, что через 10 лет после свержения самодержавия, совершенного в значительной мере под давлением скованных производительных сил и неудовлетворенных потребностей, довоенный уровень народного хозяйства достигнут. Гораздо

важнее раскрыть социально-экономическое содержание достижения этого уровня.

Достигнутый довоенный уровень производства не удовлетворяет ни потребности хозяйства, ни потребности населения.

Раньше всего насыщение России промышленными изделиями в годы, предшествующие войне, было очень ничтожно. <...>

Подъем сельского хозяйства и общий рост потребностей населения были причинами быстрого роста русской индустрии в последние два десятилетия перед войной. Даже в условиях царизма, при искусственном связывании производительных сил политическим бесправием населения, Россия, несмотря на это, быстро двигалась по пути индустриализации и нагоняла промышленные страны Европы. Темп роста народного дохода России в последние 20 лет перед войной, 1894—1914 гг., был выше роста народного дохода, например, Англии, Франции и Австро-Венгрии.

Свержение царизма, разрешение земельной проблемы, быстрый рост населения, счастливое сочетание источников сырья для промышленности и потенциально богатого внутреннего рынка сбыта для промышленных изделий были факторами, благоприятствующими возможности быстрого восстановления промышленности России. Военная интервенция иностранных государств, гражданская война, утопическая хозяйственная политика, проводимая чрезвычайными мерами, наоборот, способствовали невиданному ни в одной стране падению уровня промышленности, они же определили то обстоятельство, что восстановление довоенного уровня шло зигзагами и оказалось достигнуто лишь к одиннадцатому году существования советской власти.

За четырнадцать лет войны и революции Россия еще более отстала, пропасть между Россией и другими европейскими странами (не говоря уже об Америке) оказалась лишь углублена.

Между тем после революции и гражданской войны нужда в промышленных изделиях еще более обострилась. Для того чтобы быстрее залечить раны, нанесенные разрухой, промышленные товары нужны и крупному хозяйству индустрии и транспорта, и маленькому хозяйству крестьянина.

Кроме того, революция повысила общую культурность населения и подняла общий уровень потребностей и города и деревни.

Более подробно на проблеме товарного голода на промышленные изделия мы остановимся, когда будем говорить о товарообороте страны, пока же лишь подчеркнем, что несоответствие между предложением промышленных изделий и платежеспособным спросом — постоянное явление последних лет, которое показывает, что достижение довоенного уровня продукции промышленности не обеспечивает удовлетворения даже необходимейших потребностей населения советской России. Интересы всего народного хозяйства требуют значительно более быстрого развития и рационализации индустрии.

Между тем осуществление быстрой индустриализации страны вплотную упирается в необходимость вложить в промышленность громадные капиталы.

Русская крупная и средняя промышленность имела в 1913 г., по официальным данным, капитал без стоимости земли около 6 млрд руб., причем основной капитал стоимостью в 4,3 млрд руб. За период войны в промышленность, лишь по отчетам акционерных обществ, было вложено 1,256 млрд руб. новых капиталов, из которых 920 млн руб. было инвестировано в строения, машины и оборудование. Учитывая износ за годы войны и исчисляя размеры основного капитала лишь в пределах СССР, С. Струмилин, член президиума Госплана, вынужден признать обстоятельство, которое вообще упорно скрывают коммунисты, что производственная мощность заводов и фабрик России к началу 1918 г. была выше 1913 г. Он считает прирост в 40 % *. За годы «военного коммунизма» часть основного капитала была расхищена, другая часть стояла неиспользованною, работающая часть основного капитала была к 1920 г. не более 15 % довоенной. С 1922 г., после нэпа, началось стихийное восстановление промышленности, но оно шло почти исключительно за счет активизации «унаследованных, но еще не освоенных» фабрик, заводов, рудников, и лишь к концу 1927 г. в ряде отраслей почти все резервы предприятия оказались использованы, в других же

* Струмилин С. К проблеме капитала в СССР // Плановое хозяйство. 1925. № 4.

отраслях остающиеся резервы неработающих или неполно работающих предприятий очень невелики.

Но техническое состояние работающих предприятий совсем не то, каким оно было до войны. Большинство из них имеют весьма почтенный возраст в 25—30 лет. Советский экономист Б. Гухман считает, что к началу восстановительного периода средний возраст промышленных предприятий СССР был равен 32 годам *. Не говоря уже о том, что они морально устарели, они нуждаются в смене или в капитальном ремонте, так как с 1913 г. русская промышленность существовала вообще без амортизационных отчислений **. В 1923 г. нормы амортизации были установлены, но без учета износа «выпавших» девяти лет, и, кроме того, острая нужда в оборотных средствах заставляла употреблять амортизационные фонды на текущие нужды. По данным ВСНХ, в 1924/25 г. на ремонт было затрачено лишь 49,1 % всех амортизационных отчислений. Лишь с 1925 г., после того как проблема основного капитала стала особенно остра, были значительно увеличены капитальные ремонты и было приступлено к новому промышленному строительству. Но новое строительство ведется хаотично и дорого. «Такие недочеты, какие имеют место у нас при осуществлении постройки предприятия,— немыслимы для буржуазных стран...» — пишет видный коммунист, один из руководителей советского промышленного строительства, В. Свердлов. Ряд специальных обследований Рабоче-крестьянской инспекции 1927—1928 гг. дают повод к выводу, что капитальное строительство ведется без плана, не дает нужного эффекта и стоит стране непомерно дорого.

В 1924/25 г. было вложено в капитальное строительство по промышленности 339,5 млн руб., в 1927/28 г.—1200 млн руб., а в 1928/29 г.—1515 млн руб. (по плану). Таким образом, за четыре последних года вложено в основной капитал индустрии свыше $3\frac{1}{2}$ млрд

* Гухман Б. На рубеже // Плановое хозяйство. 1928. № 8.

** В первый период советской власти в коммунистических кругах полным признанием пользовалась теория, по которой «при национализации промышленности нет нужды в амортизационных отчислениях, так как покрытие износа и расширенное воспроизводство будут осуществляться в порядке государственного плана». Жизнь разбила эти иллюзии.

руб. А между тем к началу 1927/28 г. было закончено переоборудованием или выстроено новых предприятий лишь на сумму 219,3 млн руб. с годичной производительностью в 470 млн руб.*

Учет эффективности затрат на переоборудование и новое строительство пока еще в СССР не организован. В специальной экономической печати имеются весьма пессимистические взгляды по этому вопросу. Наиболее авторитетные советские экономисты, оценивая полную производственную мощность основного капитала советской промышленности после всех вложений последних лет и учитывая износ предыдущих лет, считают что к концу 1927 г. основной капитал по своей стоимости был все еще ниже довоенного.

По последнему проекту ВСНХ** (декабрь 1928 г.) промышленность требует капитальных вложений в ближайшие 5 лет — 13,2 млрд руб.*** при условии одновременного вложения в другие отрасли народного хозяйства (транспорт, электрификация, жилища, сельское хозяйство) еще 15 млрд руб. При этом должно быть ввезено в страну технического оборудования из-за границы на несколько миллиардов рублей, так как и до войны около $\frac{2}{3}$ промышленного оборудования производилось не внутри страны, а ввозилось из-за границы.

Со времени нэпа советская власть пыталась разрешить проблему финансирования промышленности различными методами: до 1923 г. преимущественно инфляцией, пока полная дезорганизация всех основ народного хозяйства не научила проявлять большую осторожность в обращении к печатному станку. Затем, высокими ценами на промышленные изделия, но от злоупотребления и этим способом пришлось тоже отказаться, так как крестьянство перестало покупать изделия и промышленность пережила кризис сбыта.

В последние годы финансирование промышленности происходит путем сочетания всех способов привлечения средств: за 1926/27 г. 48 % средств, потребных промышленности на новое строительство и капитальный

* Капитальное строительство промышленности. М., 1928.

** В 1926 г. ВСНХ в первый раз выработал план развития промышленности на ближайшие 5 лет. Подробнее см. главу «Плановое хозяйство и государственное регулирование».

*** Торгово-промышленная газета. 15 декабря 1928 г.

ремонт, были получены внутрипромышленным накоплением, т. е. за счет амортизации и высоких прибылей, а 52 % дало государство в виде дотации за счет налогов и займов. Финансированный план ближайшие пять лет предполагает получить первым способом (внутрипромышленное накопление) — 55 % всех средств, вторым (налоги, займы) — 45 % *.

Первый проект пятилетнего плана предполагал обеспечить расширение продукции на 70—80 % к 1931 г. Последний пятилетний промышленный план предполагает рост размеров продукции к 1932/33 г. в $2\frac{1}{2}$ раза по отношению к 1927/28 г. С тех пор как выработан первый вариант пятилетнего плана, прошло уже три года, и уже ясно обозначились те тупики, в которые упирается намеченный план развертывания промышленности.

В предвоенные годы подъем русской промышленности был велик, потому что внутри страны, несмотря на препятствующие политические моменты, всеми наблюдался относительно быстрый рост благосостояния, росла покупательная способность населения, росли сбережения в сберегательных кассах и банках. Промышленность могла мобилизовать растущее накопление в стране и через акционерные капиталы предприятий, но главным образом благодаря все увеличивающемуся сбыту продукции.

Одновременно с этим в промышленность, в торговлю, в транспорт, в банки были влиты громадные иностранные капиталы. По подсчетам П. Оль **, в 1913 г. общие вложения иностранных капиталов лишь в одну промышленность достигли 1750 млн рубл., т. е. равнялись почти $\frac{1}{3}$ всех капиталов, вложенных в русскую крупную промышленность. По своему национальному происхождению 75 % капиталов притекли из стран будущей Антанты и 20 % из Германии и Австрии.

В условиях современной советской экономики перспективы обоих основных источников финансирования весьма неблагоприятны.

Накопление в стране весьма ничтожно, так как основная масса населения — крестьянство — с трудом

* Основные показатели 5-летнего промышленного плана // Торгово-промышленная газета. 15 декабря 1928 г.

** Оль П. Иностранные капиталы в России. 1922. С. 8.

оправляется от лет разрухи и к тому же из-за колебаний советской политики (см. главы о сельском хозяйстве) нивелируется, лишается всяких стимулов к расширению хозяйства. По тем же причинам невелико накопление и в среде городских частных предпринимателей.

Но даже и те небольшие свободные средства, которые имеются в стране, советская власть не может получить в свое распоряжение, так как население боится проявить свое благосостояние и держит свои сбережения не в сберегательных кассах, не в займах, а в тайниках или пускает на спекуляцию.

Внутреннее накопление самой промышленности тоже оказывается ниже предполагаемого ввиду того, что промышленность вынуждена снижать свои высокие цены, так как опыт 1923 г. показал, что в противном случае создается своеобразный «кризис сбыта в условиях товарного голода».

Налоговое обложение превысило уже довоенный уровень и при условии, что национальный доход держится на уровне 85—90 % довоенного, по единодушному мнению советских экономистов, не может быть выше поднято. Попытка государства увеличить размеры дотации промышленности за счет эмиссии в 1925, в 1926 и 1927 гг. неизбежно влекла за собой инфляцию, которая не принимала до 1929 г. катастрофических форм только благодаря тому, что при первых же признаках открытой инфляции Народный комиссариат финансов начинал сжимать эмиссию. В 1928 г. осторожность в отношении к эмиссии была нарушена, и со второй половины 1928 г. началось резкое падение покупательной способности червонца. Пробовало государство выпускать внутренние займы, но эффективность и этого средства временна и невелика.

Не достигает успеха советская власть и в попытках в сколько-нибудь больших размерах привлечь иностранный капитал для вложения в промышленность. Нужны, как мы показали выше, многие миллиарды, и притом в долгосрочные вложения, а удается, притом с громадными трудностями, получить за границей лишь подтоварные кредиты на 3—4 года при заказе оборудования.

Когда советская власть три года назад получила от Германии гарантированный кредит в 300 млн марок

на 3—4 года — это считалось громадным успехом, но в 1928 г. (осенью), когда подошли первые сроки уплаты по этому кредиту за оборудование, которое в большинстве случаев даже еще не установлено на предприятиях, даже для наиболее оптимистических советских экономистов стало ясно, что без долгосрочных иностранных кредитов невозможно осуществить индустриализацию страны.

Финансовое положение государства, и в частности промышленности, к концу 1927/28 г. оказалось настолько напряжено, что советская специальная печать заговорила о том, что темп капитального ремонта и строительных работ придется замедлить. А между тем, по специальному исчислению одного из руководителей ВСНХ, А. Гинсбурга, даже при осуществлении намеченного плана производства возможности потребления населения к 1930 г. не достигнут даже нищенских размеров довоенного потребления.

Индустриализация страны поставлена советской властью как основная задача всей экономической политики. Иногда эта задача понимается как стремление в первую очередь развивать те отрасли индустрии, которые создают орудия и средства производства, значительно чаще под индустриализацией понимают более быстрое развитие промышленности по сравнению с сельским хозяйством.

Ни на одном из этих путей задача не оказалась выполнимой. Несмотря на все директивы и соответствующее распределение ассигновок к 1926/27 г., производство орудий производства по крупной и средней промышленности равняется 38% (если учесть и мелкую государственную промышленность, то соотношение будет еще более неблагоприятное: удельный вес производства упадет до 27 % всей промышленной продукции), в то время как в 1913 г. он был равен 43 %. Но и к 1931 г. первый проект пятилетнего плана не рассчитывал достигнуть довоенного уровня, максимум, на что надеются, это на то, что производство средств производства достигнет 40 % всей продукции*.

Соотношение размеров продукции промышлен-

* Гинсбург А. Пятилетняя гипотеза развития промышленности // Социалистическое хозяйство. 1926. № 4.

ности и сельского хозяйства тоже неблагоприятно. Если исчислить размеры производства в довоенных рублях по материалам «Контрольных цифр» и перспективного плана (проект ВСНХ), то продукция крупной промышленности в 1913 г. равнялась 32 %, в 1925/26 г. — 30 %, а в 1931 г. будет равняться по плану (первый проект) 40 % всей продукции страны. Темп индустриализации очень небольшой. Если же мы обратимся к данным о росте промышленного, сельского самодеятельного населения, то результаты будут столь же неблагоприятны. В то время как в 1913 г. на каждые 100 человек самодеятельного населения 14 человек работали в промышленности, транспорте, строительстве или торговле и 77 человек — в сельском хозяйстве, в 1927/28 г. в первой группе работают лишь 10 человек, а во второй — 87 *.

Удельный вес рабочего населения в социальном разрезе страны уменьшился. И это явление не случайно, оно носит длительный характер, так как за весь 1926/27 г. число рабочих увеличилось лишь на 110 тыс. человек, за 1927/28 г. — на 90 тыс. человек, а по перспективному плану ВСНХ в ближайшие 5 лет предполагается увеличение лишь на 700 тыс. человек. Можно ли говорить при таких условиях об интенсивной индустриализации? С большим правом — о своеобразной «аграризации».

Даже в годы самого быстрого темпа восстановления советская промышленность оказывалась не в состоянии вобрать в себя всю массу безработных города и избыточного населения деревни. Но перспективы будущего в этом отношении прямо безотрадны. В 1927 г. число безработных было около 1700 тыс. человек, в 1928 г. — уже свыше 2 млн человек, к 1931 г. их будет по исчислению перспективного плана 3 млн человек. Советская власть при сохранении современной политики оказывается на долгие годы не в силах обеспечить миллионам населения возможность труда.

Невозможность из-за недостатка капиталов быстрого расширения технической базы производства, недостаток сырья и высокая себестоимость промышленной продукции заставили руководителей советской

* Исчислено по данным Центрального статистического управления, «Контрольных цифр» за 3 последних года.

промышленности поставить рационализацию производства как очередную и необходимую задачу.

Коммунистическая партия поставила на выполнение этой задачи и хозяйственные организации, и профессиональные союзы. Центральные и местные комиссии по рационализации, ячейки тейлоризма, фордизма, хронометража были организованы почти по всем отраслям и крупным заводам. С 1923 г. в советской печати от времени до времени появлялись статьи об успехах рационализации. Но в сентябре 1928 г. на специальном совещании, созванном Рабоче-крестьянской инспекцией (30 августа—3 сентября 1928 г.) по вопросу об итогах рационализации промышленности, выяснилось, что «достижения очень невелики».

Мы вернемся к вопросу о рационализации в... (главе) «Плановое хозяйство и государственное регулирование», здесь же укажем, что если под рационализацией понимать, как это делают часто большевики, организационное упорядочение процессов работы, введение элементарной дисциплины и устранение хозяйственного хаоса, то успехи по сравнению с годами военного коммунизма и первыми годами нэпа — громадны. Ирония истории заставила самих же большевиков выполнить после введения нэпа ту роль, которую обычно после революции выполняют представители буржуазии: от хозяйственного хаоса революции, от сломанного революцией заводского распорядка заставить рабочего перейти к тяжелой обыденной работе, к признанию авторитета мастера и директора, к подчинению заводской дисциплине. Более того, коммунистическая партия заставила служить задаче интенсификации труда рабочего даже профессиональные союзы. Также велики усилия советской власти в устранении диспропорций, неувязок, просчетов в отношении сырья, топлива, полуфабрикатов, транспорта.

Но только в свете сравнения с периодом военного коммунизма, когда все было смешано в первозданном хаосе, все было поставлено на голову, — можно говорить об успехах рационализации.

Если же под рационализацией понимать нечто менее примитивное, не сам факт возможности производства, а повышение эффективности производства, увеличение производительности предприятия, улучше-

ние и удешевление методов производства и качества продукции, то результаты такой рационализации в советской России очень невелики.

Удалось технически модернизировать работающую на экспорт нефтяную промышленность, несколько улучшить расходование сырья в текстильной, металлической и кожевенной промышленности, увеличить механизацию внутреннего транспорта в отраслях каменноугольной, металлургической и текстильной, снизить расход топлива в некоторых отраслях, разработать стандарты для ряда изделий, наметить к специализации машиностроительные заводы и т. д.

Но эти успехи так невелики по сравнению с общей бесхозяйственностью и неорганизованностью производства, что о них нельзя даже, по мнению большинства участников совещания РКИ, и говорить всерьез. Нужно ли исчислять, какую долю из всего разнообразного ассортимента промышленной продукции представляют собою те 300 стандартов, которые утверждены Главным бюро по рационализации, и какую экономию принесет введение стандартов, если, по докладу на совещании РКИ, и эти стандарты лишь утверждены, но еще на практике не реализованы! Можно ли говорить об экономии в «распыле» и «угаре», если по-прежнему, например, брак в некоторых отраслях металлического производства достигает 30 % продукции или миллионы метров льняной ткани расходуются на изготовление мешков, когда их повсюду в Европе уже давно вырабатывают из джута или пеньки! Можно ли всерьез исчислять успехи механизации и специализации, если себестоимость продукции на этих реорганизованных или вновь построенных предприятиях (уголь, стекло, бумага) оказывается значительно выше, чем до реформы. И наконец, те «экономии» в несколько тысяч или миллионов рублей, которые достигнуты благодаря рационализации, тонут, как капля в море, тех миллиардных убытков, которые приносит народному хозяйству та недостаточно эффективная затрата на капитальное строительство, которую признало то же совещание РКИ.

Единственная область рационализации, которая в советской России дает некоторый эффект поднятия производительности,— это интенсификация труда рабочего. Недостаток средств, дурное качество сырья,

техническая отсталость и организационная неумелость ставят очень узкие пределы рационализации в области технических процессов, и реорганизация в большинстве случаев, по признанию самих большевиков *, идет по линии наименьшего сопротивления: на старых изношенных машинах, работая сработанным инструментом, русский рабочий побуждается давать более высокую выработку.

Этот метод рационализации, осужденный всем рабочим социалистическим движением, не только анти-социален, но и, кроме того, дает малый экономический эффект. На этих путях нельзя достигнуть ни быстрого роста размеров продукции, ни ее существенного (удешевления), ни тем более индустриализировать страну.

Лишь только советская экономика подошла к грани использования старого основного капитала, лишь только приблизился к концу «период восстановления», как сразу стала во весь рост основная проблема хозяйства СССР — проблема капитала.

Это не только проблема дальнейшей индустриализации страны, но и проблема сохранения от распада существующего основного капитала предприятий, уже долгие годы работающего без необходимейшего капитального ремонта.

Способ, который советская власть начиная с 1927/28 г. применяет для того, чтобы увеличить размеры промышленной продукции после того, как все предприятия, бывшие в резерве в данной отрасли, использованы, это введение третьей смены.

Использование имеющегося в наличии технического оборудования далеко не исчерпывает всех технических возможностей. По исчислению Госплана, средняя суточная загрузка оборудования русских предприятий в 1928 г. составляла 12,8 ч в сутки, что по сравнению с довоенными нормами дает меньшее использование примерно на 17 %. По отдельным отраслям промышленности возможности дополнительной нагрузки еще большие, достигая в металлической промышленности 25 %, в пищевой — 40 %, в нефтя-

* См.: Пленум ВЦСПС // Правда. 4 марта 1928 г.; или Пленум РКК // Экономическая жизнь. 1 и 2 сентября 1928 г.

ной — 60 % и т. д.* Поэтому увеличение числа рабочих смен в тех отраслях русской промышленности, где еще работают в две и даже в одну смену и где нет острого недостатка в сырье и квалифицированных рабочих, временно еще даст возможность усилить нагрузку существующего оборудования и тем увеличить размеры производимой продукции без вложения новых крупных капиталов.

Широким применением трехсменной работы и объясняется то обстоятельство, что в 1927/28 г. продолжился быстрый рост производства. Это происходило за счет дополнительной догрузки основного капитала тех отраслей индустрии, которые в силу коммерческих или технических причин не работали в довоенное время на три смены.

Это последние резервы довоенного наследства. Конечно, переход на работу в три смены дает свой непосредственный эффект: продукция увеличивается. Но такой метод работы лишь ускоряет срок службы старых, изношенных машин и оборудования и делает проблему обновления основного капитала еще более срочной и острой.

Недостаток капитала — это одно из основных препятствий, в которое упираются все попытки ускорить индустриализацию России.

ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ

Задача управления государственной промышленностью — одна из сложнейших задач советского хозяйства.

Руководство производством, финансирование, снабжение и сбыт продукции всей крупной и средней промышленности громадной страны — это такая титаническая по размерам задача, которой еще никто и никогда не разрешил. Советское государство взяло на себя эту громадную работу и вот уже 10 лет тщечно

* Рабинович А. 7-часовой рабочий день // Экономическое обозрение. 1928. № 8.

бьется над разрешением этой задачи. Промышленность СССР все время находится в состоянии перманентной реорганизации. То отдельные предприятия и целые тресты передаются из ведения местных советских учреждений в центральные и обратно. То, например, из ведения текстильных трестов отбираются их ремонтные механические мастерские, а от бумажных трестов — деревообделочные заводы и передаются в тресты по соответствующей отрасли. То вновь побеждает идея объединения подсобных предприятий с основными. Внутри каждого треста в то же время происходит постоянная реорганизация то системы снабжения, то бухгалтерии, то отдела управления предприятиями.

В общем, если проследить историю управления промышленностью за 10 лет, то все время идет борьба двух основных тенденций — централизации и децентрализации управления.

На короткие периоды, в переломные, критические моменты побеждает децентрализация управления, в остальное время господствует централизация, лишь меняя свою внешнюю форму.

1918 г. — первый период национализации промышленности. Она проводится децентрализованно местными советами. Управление промышленностью сосредоточивается в комиссиях «рабочего контроля», избираемых из рабочих каждого завода. ВСНХ вырабатывает бесчисленные приказы, но властью обладает лишь номинально. 1919—1920 гг. — эпоха военного коммунизма. Созданы главные управления по отраслям. ВСНХ централизовал все управление до последних пределов: назначение всей администрации производится по распоряжению главков, отпуск всего сырья и всех готовых товаров производится по ордерам ВСНХ. 1922—1923 гг. — переход к нэпу. Промышленность оживает и перестраивается на началах хозяйственно-коммерческих. Призыв из центра к инициативе и самостоятельности мест. Управление промышленностью лежит главным образом на обязанности губернских советов народного хозяйства. Местные советы создают экономические центры управления (Экосо), главки ликвидируются, создаются тресты при широкой автономии отдельных предприятий. С 1924 г. — ВСНХ вновь начинает централизовать управление промышленностью. При ВСНХ создаются главные управления

по отраслям промышленности, многие тресты передаются из ведения местных органов в центр. Издан декрет о трестах, значительно суживающий их права и подчиняющий предприятия правлению треста, а тресты — ВСНХ. И наконец, с начала 1926 г. — снова признание со стороны руководителей того, что централизация порождает бюрократизацию, а стремление охватить своим руководством всю текущую жизнь предприятия дезорганизует работу и сводит к фикции даже необходимейшее общее руководство.

Дзержинский, бывший в это время председателем ВСНХ, в своем предсмертном докладе Пленуму Центрального Комитета ВКП следующим образом характеризует управление промышленностью: «Мы ведем наше промышленное хозяйство страшнейшим образом бесхозяйственно. . Если вы посмотрите на весь наш аппарат, если вы посмотрите на всю нашу систему управления, если вы посмотрите на наш неслыханный бюрократизм, на нашу неслыханную возню со всеми согласованиями (хозяйственных органов между собой.— А. Ю.), то вы придете от всего в ужас» *. <...>

И действительно, достаточно только объективно зарегистрировать те черты, которыми советская печать характеризует современное управление промышленностью, чтобы признать, что положение весьма неблагоприятно.

Бюрократизм, формализм, отсутствие чувства ответственности; производственные программы, даваемые свыше, и совершенно не соответствующие оборудованию и машинам данного предприятия. Производственные, технические и финансовые сметы и планы, проходящие десятки концелярий и утверждаемые к концу операционного периода. Ревизии, сменяющие одна другую и длящиеся по 3—5 месяцев. Полная бесконтрольность и невероятные по размерам злоупотребления, хищения и растраты. Громадные штаты служащих и бухгалтеров, тысячи пудов отчетности, инструкции и циркуляры — и отсутствие у правления треста элементарных сведений о работе предприятия, а в ВСНХ — о работе треста. Комиссии, заседания, миллионы входящих и исходящих бумаг. Нак-

* Правда. 1 января 1926 г.

ладные расходы, по своим размерам многократно превышающие довоенные размеры. Периодически повторяются сокращения штатов и быстрое взбухание их до старых размеров после сокращения.

Наиболее ярко проявились все отрицательные методы современного управления промышленностью в том, как осуществлялось в последние годы капитальное строительство. Задача индустриализации всеми партийными коммунистическими органами была определена как центральная. Для этой цели были ассигнованы за счет всех других нужд страны многие миллиарды. Для руководства и контроля над этой работой были направлены наиболее активные хозяйственники-коммунисты. И в результате к концу 1927 г. после ряда ревизий определилась полная катастрофа. Несмотря на существование многих руководящих и планирующих органов, часто строили без чертежей, без смет, без планов, без учета новых достижений техники, без выяснения экономической целесообразности. Строили не то, что нужно, не там, где нужно. Корпуса предприятий строились по 3—4 года, оборудование устанавливалось по 1 ¹/₂ — 2 года. Стоимость оказывалась в 2—3 раза выше положенной и выше, чем на старых заводах. Очень часто построенные заводы с первых же месяцев своего функционирования нуждались в ремонте или перестройке. В постройке нет ни последовательности, ни плана. Готовые заводские корпуса — нет оборудования, и обратно. За границей заказывают не то оборудование, что нужно, или не умеют применить заказанные новые машины и аппараты.

Чтобы не быть голословными, приведем несколько примеров из сотен им подобных.

Постройка электрической станции Волховстрой продолжалась 6 лет, обошлась почти в 4 раза выше сметы, однако к 1927 г. электростанция работает лишь на ¹/₃ плана, работа прерывается из-за постоянных поломок, и станция в первый же год своего функционирования нуждается в радикальном переоборудовании.

В 1927 / 28 г. решено было приступить к осуществлению грандиозного проекта постройки электростанции Днепрострой с использованием падающей силы порогов Днепра. Наученная опытом Волховстроя, со-

ветская власть не решалась поручить всю работу самостоятельно советским хозяйственным организациям, но из-за протекционистских соображений по отношению к советской промышленности не сдала работу и иностранным техническим фирмам, а выбрала среднюю форму: строят советские организации при консультации американской и германской фирм.

В результате затрачено за первый год 48 млн руб. Заказано в СССР и за границей оборудование. Затоплены целые районы, выселено из них население. Выстроены жилища для рабочих. Приступлено к работам по устройству плотин. Но вдруг выяснилось, что план постройки не предусмотрел вопроса о том, на какие цели будет использоваться энергия будущей станции. Предполагаемый к постройке алюминиевый завод нецелесообразно строить в районе Днепра, так как сырье для него (бокситная руда) находится в северо-западной части России, где строится электростанция Свирь, тоже ищущая потребителей. Предполагаемые к постройке металлургический и сталелитейный заводы очень сложно и дорого строить около новой электростанции, так как район Днепростроя не пригоден для них из-за болотистости почвы. И наконец, передача тока в район Донбасса нерентабельна, так как в Донбассе уже утверждена к постройке электростанция, предполагающая использовать местные низшие сорта угля. На очередь был поставлен даже вопрос о полном прекращении постройки. В результате все же победило течение за продолжение работы «в интересах скорейшей индустриализации страны». Смета увеличена с 120 млн руб. до 240 млн руб., и предполагается стоимость 1 кВт·ч повысить с 0,46 коп до 1,7 коп., что делает использование электрической энергии очень затруднительным *.

В Керчи решили построить новый громадный металлургический завод. В начале 1926 г. стоимость постройки была определена в 20 млн руб., в мае 1927 г. — в 26 млн руб., в августе 1927 г. — в 32 млн руб., в мае 1928 г. — в 39 млн руб. и в июне 1928 г. — в 55 млн руб. Срок окончания работ был определен на конец 1928 г. В середине 1928 г. выяснилось, что даже

* Народное хозяйство и финансы. 1928. № 31.

в 1930 г. удастся в лучшем случае пустить одну из домен *.

В Ростове-на-Дону приступили к постройке «самого большого в мире» завода сельскохозяйственных машин и крестьянских телег. После того как затратили многие миллионы, выяснилось, что во всем районе Донской области нет потребных для проектируемого завода сортов леса, о существовании которых в свое время компетентно докладывали экономисты ВСНХ **. В Закавказье построили образцовый завод стекла и посуды «Дагестанские огни». После окончания постройки выяснилось, что в районе нет потребного сырья и что горные газы — дешевый источник энергии, на который рассчитывали, — поступают не в достаточном количестве, и потому придется поставить паровой двигатель. Себестоимость бутылки на вновь выстроенных механизированных заводах в Сергиевске оказывается выше в 6 раз, чем на кустарных заводах. Брак равняется $\frac{2}{3}$ продукции ***.

Такой же бюрократизм и беспорядок наблюдается и в других областях функционирования промышленных предприятий: и в деле снабжения сырья, топливом, и в сбыте продукции. К концу 1927 г. многочисленные совещания директоров предприятий, руководителей трестов, советских экономистов пришли к выводу, что нужно оздоровить условия работы промышленности. Председатель СНК Рыков в своем докладе на XV конференции РКП признал, что «радикальная реорганизация промышленности является основной задачей советской власти».

Но вместо «радикальной реорганизации» всей системы управления вновь приступили к очередной реорганизации, к новому пересаживанию. Постановлением ЦИК от июня 1927 г. решено было следующим образом реорганизовать систему управления промышленностью. Плановое руководство промышленностью остается в неприкосновенности. Оно по-прежнему сосредоточивается в центре — в органах ВСНХ, но управление децентрализуется и передается частично в республиканские ВСНХ, частично правлениям трестов. За-

* Правда. 11 июня 1928 г.

** Торгово-промышленная газета. 25 августа 1928 г.

*** Правда. 4 марта 1928 г.

воду предоставляется некоторая самостоятельность «оперативной деятельности». Решено предоставить заводу возможность работать с правлением треста «по договору», получать от треста не задание, а заказ по договору, сдавать тресту товар не по произвольным расчетам, а по заранее обусловленным ценам. Завод получает право продавать часть продукции непосредственно на рынок, право покупать и заготавливать сырье и полуфабрикаты самостоятельно помимо треста. Завод получает право самостоятельной выдачи векселей от имени треста и право учета покупательских векселей. Часть экономии в себестоимости изделий по сравнению с условиями договора и часть прибыли остается в распоряжении завода. Завод имеет право ставить на изделия свою марку помимо марки треста. И наконец, директор завода приглашается правлением треста по договору на определенный срок, и в текущее управление заводом трест не вмешивается. В случае несогласия с распоряжениями треста директор имеет право обжаловать их в ВСНХ.

Эта реформа встретила резкое сопротивление со стороны коммунистов-хозяйственников, работающих в ВСНХ и трестах. Они сумели пробудить такое опасение за отрыв национализированной промышленности от руководящих центров в случае осуществления декрета, что вся реформа осталась на бумаге, и реорганизация промышленности фактически оказалась неосуществленной. Декрет был «пролавшей грамотой» целый год. Все это знали и все молчали. И только после того, как вскрылось Шахтинское дело, стали выяснять, почему закон не исполняется.

«Обследование того, как проводится декрет о правах заводов и трестов, показывает, что даже минимальные права, которые даны заводам и трестам постановлением правительства, передаются в достаточной мере туго, ВСНХ раскачивается исключительно медленно по отношению к заводам», — делает вывод Рабоче-крестьянская инспекция в марте 1928 г., т. е. через год после закона о немедленной реорганизации управления промышленностью. В июне 1928 г. Рабоче-крестьянская инспекция вновь устанавливает, что наиболее крупные тресты игнорируют закон о трестах и что ВСНХ не исполняет этого закона. Загнанная внутрь болезнь бесхозяйственности начинает про-

являться в ряде ревизий и судебных процессов. Процессы управления ирригации в Средней Азии, дело треста Совкино, текстильных трестов и, наконец, Шахтинский процесс дали ужасную картину бюрократизма, безответственности и преступлений.

Чем же объясняется такое бессилие найти в продолжение 10 лет правильный принцип управления и наладить нормальное функционирование государственной промышленности?

Было бы большой ошибкой искать причины лишь в неумении коммунистов или преступных деяниях — саботаже и вредительстве — спецов. Причина лежит в самом объеме поставленной задачи, в основах всей системы организации государственной промышленности и в общем режиме диктатуры.

Раньше всего бюрократизм, безответственность, хаос и преступность особенно пышно произрастают в условиях бесправия населения и полного отсутствия общественного контроля и гласности. Советские газеты часто и много пишут о дефектах своего управления, и в частности о дефектах в управлении промышленностью. Пишут часто сурово и бичующе. Но пишут так, что у неосведомленного читателя создается впечатление, что речь идет об отдельных эксцессах, с которыми власть усиленно борется. Изобличают «маленькие недостатки механизма», а не систему, их порождающую.

Один из старых большевиков, Я. Яковлев, имел мужество подойти к основным причинам. В «Правде» 4 марта он пишет: «Каждый член партии и каждый сознательный гражданин советской страны вправе удивляться тому, что ни один из важнейших пороков капитального строительства не был своевременно вскрыт нашей печатью. Наша печать до сего времени чересчур пробавляется шалостями пера, остроумием над ошибками стрелочников, злопыхательством по адресу мелких советских работников. А от этого часто душу воротит у читателя. Я расспрашивал ряд рабочих, как они относятся к описаниям злоупотреблений на страницах нашей печати. Мне ответили все в один голос: это не то, что нужно. Размалывание «маленьких недостатков» — не то, что нам нужно. Нам нужно нелicenseприятное вскрытие больших пороков, недостатков того большого механизма, кото-

рый у нас имеется». Вся речь Яковлева бьет по системе монопольности коммунистической печати, по режиму «самокритики», а не свободы критики, против всей системы бесправия населения и бесконтрольности власти. Но Я. Яковлев остался одинок. Вскоре центральный орган ВКП — «Большевик» — авторитетно разъяснил, что всякая попытка «обобщить недостатки», искать «философию» дефектов — это уже не самокритика, а меньшевизм и контрреволюция*.

Но кроме режима диктатуры, режима, в котором особо благоприятно произрастают бесхозяйственность и преступность, имеются и другие основные причины невозможности целесообразно осуществить управление государственной промышленностью, притом причины, не устраняемые даже в случае ликвидации диктатуры.

Они лежат в объективных условиях русской экономики, в условиях, в которых осуществлялись национализация и трестирование.

Большинство русских трестов — это организмы, пораженные «рахитом» с первых дней своего зарождения. Они возникли не путем органического роста всей экономики страны, не путем созревания и подготовки к трестированию промышленности всех факторов народного хозяйства. Накануне войны в России наблюдался, правда, в некоторых отраслях быстрый процесс концентрации и синдицирования**.

Следующие несколько цифр иллюстрируют концентрацию русской промышленности в довоенные годы. В 1900 г. в России было всего 2 металлургических завода, с производством свыше 10 млн руб. каждый, и они производили 17,2% всей продукции, в 1908 г. было уже 5 таких крупных заводов с общим производством свыше 70 млн пуд. (41,5% всей продукции) и в 1913 г. было 9 крупных заводов с общим производством в 150 млн пуд. (53,1%). В нефтяной промышленности 6 крупных предприятий имели 65% всей продукции, в угольной — крупные предприятия (с добычей свыше 5 млн пуд.) добывали в 1891 г. — 47,8% всей добычи, а в 1912 г. — 84,5%.

* Большевик. 1928. № 10.

** Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 г.

Но в общем и организация производства, и организация сбыта носили еще очень отсталый и примитивный характер. Проф. В. Гриневецкий следующим образом характеризует отсталость организации довоенной русской промышленности: «Расположение предприятий и даже целых отраслей промышленности обуславливалось у нас не столько современными условиями рынка и снабжения, сколько историческим процессом... Недостаточная специализация производства... чрезмерный универсализм... Крупнейшие заводы с 5—10 тыс. рабочих нередко представляли собою недостаточно согласованное сочетание отдельных мастерских, объединенных не столько технической организацией, сколько администрацией... Старые, исторически слагавшиеся предприятия в своем машинном и вспомогательном оборудовании, а также в постройках, являются весьма устаревшими... Темные, старые, тесные здания... увеличивают накладные расходы производства... Устарелое, слабое, изношенное оборудование, терпимое еще при дешевом труде и топливе и при непритязательности в отношении качества изделий, характерных для русской промышленности в прошлом, станет губительным для многих предприятий в будущем...» * Но даже и в отраслях, где начались процессы концентрации, еще не было условий для полного трестирования производства, полного объединения управления заводами и фабриками. Гражданская война и коммунистические эксперименты большевиков дезорганизовали весь рынок и убили даже те зачатки концентрации и синдицирования, которые существовали в довоенное время. В то время как на Западе трестирование, т. е. полное производственное объединение предприятий, обычно проходило предварительно целый ряд промежуточных стадий концентрации: распределение районов сбыта, установление квот и стандартов, синдицирование и проч., в СССР трестирование было произведено решением коммунистической партии, и притом не только тех отраслей, которые к 1917 г. уже были достаточно концентрированы и имели более

* Гриневецкий В. Послевоенные перспективы русской промышленности. 1922. С. 69 и след.

или менее организованный рынок, но и мелких распыленных предприятий.

Практика капиталистических стран показала, что основным условием жизнеспособности треста всегда являлось осуществление им после объединения — реконструкции, концентрации внутри треста. Одни предприятия — технически наиболее совершенные — догружаются до максимума, другие — устарелые, малорентабельные — ликвидируются. В СССР же в тресты механически были соединены хорошо оборудованные громадные заводы и мелкие устарелые мастерские. Попытки рационализации иногда делались и в СССР, но при остром товарном голоде, технической неопытности руководителей и недостатке капитала они в большинстве случаев сводились к еще большей дезорганизации. Поэтому механическое трестирование и в большинстве случаев означало не создание хозяйственно единого организма, не повышение технического уровня производства, не снижение себестоимости продукции, а, наоборот, создавало громоздкий аппарат и удорожало цены продуктов треста.

Этому способствовало еще то обстоятельство, что в СССР тресты, как нигде, тщательно охранены от конкуренции своим монопольным положением внутри страны и закрытием границ для импорта и экспорта товаров.

Трестирование появилось на Западе лишь на определенной стадии развития культуры и экономики. Русская промышленность к моменту революции не была подготовлена к столь широкому трестированию, а тем более к трестированию молниеносному и одновременному. Советская власть же за десять лет своего существования не только не содействовала созреванию условий для целесообразной концентрации промышленности, но своими ошибками и утопическими экспериментами даже усилила многие противодействующие трестированию факторы.

Мы хотим подробнее остановиться на одном факторе, существенно усложняющем задачу управления государственной промышленностью в СССР. Бедность техническими и организаторскими силами была всегда присуща России. Вся политическая и культурная обстановка России царского периода не

создала большого слоя людей, умеющих управлять крупными предприятиями, обеспечивать им четкую и бесперебойную работу. Еще меньше в России было крупных инженеров, способных на самостоятельную конструктивную работу. Не случайно, что во главе многих русских промышленных предприятий находились иностранные директора, инженеры и техники. За десять лет советской власти слой высококвалифицированных организаторов производства, «капитанов индустрии» и инженеров еще более утончился: русские граждане погибли во время гражданской войны, умерли, эмигрировали, иностранцы уехали к себе на родину.

В то время как в передовых капиталистических странах технический персонал к числу рабочих составляет в среднем 10—15%, в советской России технических специалистов не больше 2% всех занятых в производстве лиц*.

Специальный учет технических сил, произведенный ВСНХ на 1 октября 1927 г., установил следующие красноречивые цифры. Всего на предприятиях государственной промышленности имеется 10,7 тыс. инженеров, причем свыше половины из них (5,4 тыс. человек) имеет стаж меньше 5 лет, т. е. являются молодыми инженерами с очень небольшим производственным опытом, притом только советского периода. Число опытных инженеров с каждым годом уменьшается. А между тем задача усложнилась многократно. Нужно управлять не отдельными заводами, а целыми трестами. Нужно осуществлять капитальное строительство на многие миллиарды рублей и при этом управлять нужно государственной промышленностью на новых необычных началах. Нужны не просто технически опытные хозяйственники и инженеры, а хозяйственники и инженеры — общественники.

Попытка первого периода советской власти управлять предприятиями через местные заводские комитеты (рабочий контроль) окончилась полным крахом. Рабочие не имели нужного опыта и знаний, а промышленники, инженеры и высшие служащие относились с враждебностью к советскому

* Экономическое обозрение. 1928. № 6.

строю, к тому же поставившему их на положение «условно-освобожденных от тюремного заключения», и не хотели ни учить управлению и производству коммунистов, ни брать на себя эту функцию.

Опыт шести лет со времени нэпа показал, что потерпел катастрофу и второй метод: сочетание в тресте и на заводе спеца-инженера с комиссаром-коммунистом.

Некоторое количество умелых, даже талантливых директоров-хозяйственников выделилось за эти годы из рабочей среды, но это единицы, а производству нужны многие тысячи.

Я. Яковлев, член коллегии Рабоче-крестьянской инспекции, которого мы уже выше цитировали, очень ярко характеризует положение дел с управлением предприятий коммунистами.

«Наши хозяйственники в огромном большинстве рабочие. Само собой разумеется, что эти кадры не могут отличаться большой культурностью и особо большими знаниями. И откуда развиться этим знаниям и этой культурности, если типичная история нашего хозяйственника — это история рабочего, в значительной части революционера-подпольщика, затем военного комиссара, чекиста и далее директора фабрики или треста. Тут не до культуры было! А между тем никогда так остро не чувствовался этот недостаток культуры и знаний, никогда он не был так опасен — политически опасен — как теперь, когда миллиарды рублей идут на капитальное строительство» *.

Имеются и весьма убедительные цифровые данные, освещающие этот вопрос.

Учетно-распределительный отдел ВСНХ произвел обследование на 1 января 1928 г. состава хозяйственников, управляющих советской промышленностью. В отношении партийности политическая «доброкачественность» вполне обеспечена: в правлениях трестов 71,4%, в правлениях синдикатов 84,4%, среди директоров предприятий 89,3% коммунистов. Но приводящий эти данные журнал Центрального Комитета ВКП ** с тревогой отмечает: «Что касается общеоб-

* Правда. 4 марта 1928.

** Большевик. 1928. № 8.

разовательной и научно-технической подготовки, нужда в которой в теперешний реконструктивный период промышленности непомерно велика, то положение несравненно хуже».

Лиц с низшим образованием в правлениях трестов — 45,6%, в синдикатах — 50%. Среди обследованных директоров 770 предприятий оказалось без всякого образования — 3,5%, с низшим — 71,6%, с средним — 16% и с высшим — 89%.

Нетрудно представить себе, как сложно рабочему без общего и технического образования руководить целыми отраслями промышленности. Но если отсутствие школьного образования у рабочих-коммунистов — прямое следствие условий, в которых жили пролетарии в дореволюционное время в России, то текучесть состава хозяйственников лежит на прямой ответственности руководителей советского хозяйства. Советский хозяйственник, в большинстве своем рабочий (в трестах — 41,3%, среди директоров — 63%), не может возместить свою техническую неподготовленность опытом, выучкой, даваемой длительным пребыванием на одной и той же работе. По данным обследования, остаются на одном месте: 30—35% не свыше года, 32—33% не свыше двух лет, свыше трех лет удерживается на одном месте лишь 13—20%.

Перебрасываемый с места на место в зависимости от политических соображений или от самодурства местных и центральных учреждений коммунист-хозяйственник в большинстве случаев при самой большой преданности ВКП не знает того дела, которое ему поручают, и делается или пешкой в руках специалистов, или из чувства самоохранения фактически игнорирует всякую «буржуазную науку». Указание на важность технических знаний многие хозяйственники-коммунисты воспринимают как личную обиду. «Когда революцию делал, то был культурен, а теперь вдруг стал недостаточно культурен!» — приводит Яковлев обычное возражение таких коммунистов.

С другой стороны, коммерческие и технические руководители — спецы, инженеры и директора — частью враждебны советскому строю, частью не могут приноровиться к его колеблющимся требованиям и ведут поэтому работу формально, беря на себя ми-

нимум ответственности, но и проявляя минимум инициативы. Лишь небольшая группа спецов-общественников или своеобразного склада инженеров, которые «любят завод и технику превыше всего», работают с громадным напряжением и максимальной нагрузкой. Но значительная часть их инициативы и активности идет впустую, так как сталкивается с общим бюрократизмом и специальным недоверием к спецам. Достаточно указать на самоубийство инженера Московского водопровода Ольденбурга, спасшего в годы военного коммунизма водопровод от развала и затравленного впоследствии комьячейкой, на смерть от разрыва сердца после публичного, незаслуженного отзыва инженера Классона — директора Московской электрической станции, одного из тех немногих инженеров, которые первые пришли к советской власти и отдали всего себя тяжелой технической работе, или на письмо-воплъ инженера к Рыкову о том, что «нет сил работать от бюрократизма и волокиты».

Шахтинский процесс особенно отчетливо показал, что проблема управления промышленностью путем сочетания спеца и комиссара оказалась неразрешенной и к 11-му году советской власти. Отбросим все то, что было в этом процессе от политики и провокации. Отбросим «заговоры» и оговоры. Но вне всякого сомнения, что процесс выявил картину полного хаоса и бесхозяйственности. <...>

После того как мы обрисовали те объективные условия, которые не позволяют наладить управление промышленности, будет понятно, что метания от централизации к децентрализации и обратно столь же бесплодны, как поиски философского камня алхимиками. Не во внешних формах управления причина безначалия и бесхозяйственности.

Экономические, социальные условия, бытовая и культурная среда препятствуют, сопротивляются утопическим экспериментам.

Если при централизации производственные программы, финансовые и строительные планы, регулирование товарооборота срывались явным и глухим противодействием сотен трестов, то при децентрализации это явление неизбежно увеличится сопротивлением

тысяч предприятий. Стихия рыночных отношений, своекорыстие, спекуляция и злоупотребления сломят всю современную систему «планового» руководства.

Централизация порождает, как мы уже указали выше, бюрократизм, дороговизну и хаос. Децентрализация угрожает свести к фикции трестирование и национализацию.

Ни сами, ни совместно со спецами большевики не сумели за десять лет создать нормально функционирующего управления промышленностью. Причины этого, как мы показали выше, упираются в самые основы советской политики и экономики: в режим диктатуры и бесправия, в отсутствие в стране свободного общественного контроля, в искусственное насаждение трестированных форм организации промышленности и в непосильность для отсталой России современного объема национализации промышленности.

ПУТИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

ПОЛИТИКА ВЛАСТИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДЕРЕВНИ

Сельское хозяйство в первые годы нэпа восстанавливалось значительно более быстрым темпом, чем промышленность. Это объясняется тем, во-первых, что сельская продукция никогда, даже в самые мрачные годы, не падала ниже 60% довоенной и, во-вторых, что более примитивная структура сельского хозяйства для своего восстановления не требовала таких громадных капиталов, как промышленность. Но, с другой стороны, в то время как промышленность все время питалась непрерывным потоком государственных субсидий, сельское хозяйство не только не получало помощи от государства, но должно было покупать каждый существенный шаг своего восстановления ценою непрерывной борьбы с утопической и противоречивой политикой советской власти.

Две тенденции борются и по сей день в политике коммунистической власти в России: одна из них требует

в интересах всего народного хозяйства содействия подъему крестьянского хозяйства, «свободного, не стесненного излишними рогатками развития производительных сил деревни, несмотря на то, что это «рост частнохозяйственной стихии» *, другая — страшится, что ставший экономически на ноги зажиточный крестьянин — кулак — утопит в частновладельческом море «социалистическую промышленность», и требует поэтому по отношению к деревне «политики, направленной к скорейшему развитию социалистического земледелия» **.

Политика советской власти на практике все время находится под влиянием обеих тенденций. Когда обостряется экономический кризис и ярко проявляются явления регресса в крестьянском хозяйстве или когда падают размеры экспорта, побеждает тенденция благоприятствования сельскому хозяйству, издаются реалистические декреты, пишутся статьи о союзе пролетариата с крестьянской массой (смычка), посылаются из центра местным властям разъяснения, что «крестьянин, улучшающий культуру своего хозяйства или владеющий двумя лошадьми, — не кулак и не подлежит третированию, как парий, что «индивидуалистическое хозяйство среднего крестьянина еще долго будет основой возрождения всего народного хозяйства» и т. д., и т. п. Но достаточно чуть-чуть улучшиться экономической ситуации в стране, чтобы в центральном органе ВКП «Правде» вновь появились статьи о том, что «нельзя забывать основной задачи советской власти в деревне — борьбы с кулаком», что «овечка (кулак) — шерстью обросла — пора ее постричь».

Особенно резкий зигзаг совершила советская власть в начале 1928 г. Под влиянием начавшейся инфляции были изданы декреты о дополнительном «самообложении» крестьян ***, и имущие слои крестьян были обложены новым налогом в 80 млн руб., были восстановлены замершие в годы нэпа комитеты бедноты.

* На аграрном фронте. 1926. № 9.

** Большевик. 1927. Кн. 10.

*** Кроме налогов, установленных государством, декрет предоставляет право земельному сходу крестьян устанавливать дополнительное самообложение для удовлетворения местных нужд. Решение и ставка принимаются собранием и утверждаются сельским советом.

Был проведен путем разверстки по селениям принудительный крестьянский заем в 200 млн руб. И наконец, из-за неудачи хлебозаготовок советская власть вступила на путь принудительной заготовки хлеба. Реквизиционные отряды обходили крестьянские дворы и производили обыски в поисках запасов хлеба. Крестьяне, не желающие продавать хлеб, тысячами подверглись аресту, высылке, а имеющие крупные запасы предавались суду, и хлеб у них конфисковывался.

У застав городов вновь, как в период военного коммунизма, были поставлены реквизиционные отряды, а деревенские базары, куда крестьяне свозили хлеб для продажи, разгонялись мерами милиции. Формально борьба была направлена только против кулака. Но грань между середняком и кулаком так условна, что повсеместно репрессии задевали всю массу крестьянства.

По данным Народного комиссариата юстиции, в числе привлеченных к суду и арестованных за отказ продавать государству хлеб по казенной цене было лишь 66% кулаков. В одном из районов Сибири в числе осужденных по 107 ст. (конфискация хлеба за спекуляцию) было лишь 7% кулаков, 64% середняков и 25,5% — даже бедняков*.

Лишь после того, как по всей стране среди крестьянства прошел слух об отмене нэпа и определились отрицательные последствия «левого курса» — обострился продовольственный кризис, — Пленум Центрального Комитета ВКП особым постановлением решил «отказаться от чрезвычайных мероприятий**». Но, несмотря на это постановление, «чрезвычайные меры» в ряде районов фактически продолжают иметь место.

Но и независимо от этих наиболее ярких зигзагов политика советской власти в деревне все эти годы в основе проникнута борьбой с зажиточным крестьянином, борьбой, не останавливающейся перед нарушением основных интересов самого хозяйства. Зажиточный крестьянин лишен избирательных прав в местный совет, ставки его налога доходят до 30% дохода, сель-

* Речь Рыкова/ Правда. 13 июля 1928 г.

** Правда. 14 июля 1928 г.

скохозяйственные машины и инвентарь ему отпускают с государственных складов лишь в последнюю очередь, он лишен права на получение кредита, при землеустройстве он, согласно инструкции, получает худшие и дальние участки и т. д. В 1927/28 г. в закон о налоговом обложении крестьян (сельскохозяйственный налог) была введена новая статья (28), которая предоставляет местным налоговым органам право облагать «кулаков» в индивидуальном порядке, вне норм и ставок закона. В результате обложение в индивидуальном порядке в целом ряде районов СССР было применено как метод «раскулачивания» и было причиной разорения состоятельных слоев крестьянства*. Борьба с крестьянином, кроющим крышу избы железом, устраивающим молочное хозяйство или покупающим лишнюю лошадь, подозрительное отношение к владельцам сеялки или молотилки — являются фактором, задерживающим рост производительных сил сельского хозяйства. Какую бы область крестьянского хозяйства ни взять, всякое движение вперед достигается лишь после долгой упорной борьбы крестьянства с политикой власти.

Крестьянина раньше всего тревожит вопрос о его праве на обрабатываемую им землю. Собственник по своей психологии, крестьянин, получивший свою землю «в огне революции», когда все права собственности были сломаны, хотел теперь, чтобы его права на тот участок земли, которым он пользуется, были как-то законодательно закреплены. Между тем все советское законодательство о земле чуждо его пониманию и будит его тревогу. С национализацией земли и с запрещением ее продажи русский крестьянин легко бы свикся, так как и до революции его права на прода-

* Председатель ЦИК М. Калинин в своем докладе в Московском Совете от 18 октября 1928 г. указывает, что «индивидуальное обложение применялось неправильно... Отдельные губернии, отдельные лица были обложены в 2—3 раза, а отдельные крестьянские хозяйства в 5—6 раз выше, чем в прошлом году». Он приводит ряд примеров того, как «индивидуальному обложению подверглись крестьяне, имеющие трудовые доходы... И бедняки и середняки видят, — говорит Калинин, — что более состоятельного так обложили налогом, что, можно сказать, разорили... Какая это классовая линия? Разве классовая линия — это разорение хозяйства?» — с недоумением спрашивает старый большевик Калинин в 1928 г., заподозренный в «правом уклоне» (Правда. 28 сентября 1928 г.).

жу и залога наделной земли были очень ограничены. Кроме небольших наиболее обеспеченных слоев, мечтающих о собственности на землю, остальная масса крестьянства легко примирилась бы с фактическим владением, безвозмездным землепользованием, если бы каждому хозяйству было обеспечено законом устойчивое землепользование одним и тем же участком земли.

Неустойчивость землепользования объясняется, конечно, историческими и социальными причинами, но усугубляется политикой советской власти.

В годы генерального передела (1918—1920 гг.), как мы уже говорили выше, производилась не только экспроприация помещичьей, казенной и монастырской земли, но и «поравнение» земель внутри крестьянской общины. По всей Европейской России до 1927 г. были переделены до 66% всей посевной площади. В первое время отношение советской власти к такого рода переделам было колеблющееся. Закон о социализации земли устанавливает потребительскую трудовую норму землепользования. И исключает из раздела земли низшие и средние группы крестьян. Однако стремление к таким поравнительным переделам в первые годы революции было массовым. После стихийного захвата всей помещичьей земли вся земля, в том числе и крестьянская, поступила в общий селенный котел и затем развсрстывалась в одних местах по душам, в других — по работникам. В годы гражданской войны, в период насильственного отнятия у крестьян хлеба, советская власть стремилась создать из деревенской бедноты свою опорную базу, создала для этой цели по деревням комитеты бедноты и демагогически вызывала новые повторные переделы земли.

Возвращающиеся из Красной Армии после окончания гражданской войны солдаты часто вновь требовали переделов. В ряде районов переделы производились каждые два-три года, и у крестьянина отнимались всякие стимулы не только к переходу к многопольной системе земледелия, но даже и к удобрению или мелиорации своего надела. Необходимость развить экспорт хлеба заставила советскую власть ликвидировать комитеты бедноты и в 1923 г. издать декрет, ограничивающий периодические переделы земли одним разом в 9—12 лет (трехкратный севооборот).

Но, несмотря на это, до самого последнего времени и в целях борьбы с «кулаками» в ряде мест с разрешения властей производятся более частые переделы. Земельный законопроект, подготовленный в 1927 г. Комиссией законодательных предположений, предполагал ликвидировать неопределенность и неустойчивость землепользования, для чего «закрепить за двором предоставленный ему участок земли и считать его не подлежащим дальнейшему поравнению» (ст. 48). Но это настолько порывало с уравнительным, общинным духом Основного Закона о земле, что против законопроекта немедленно началась кампания в коммунистической печати, и в 1928 г. было утверждено ЦИК положение о землепользовании и землеустройстве, сохраняющее неустойчивость землепользования.

Но устойчивости землепользования и не может быть до тех пор, пока не будет произведено основное землеустройство. Земля во время революции поступала в крестьянское землепользование неорганизованно: селения захватывали ближайшие земли помещиков, монастырей. Обычно передел производился в пределах одной волости, реже в пределах уезда. В одних районах экспроприруемой земли было много, а население редкое, в других — земли мало, а населенность более плотная. Внутри селения распределение земли производилось «на глаз», без землемеров.

В результате — запутанность земельных отношений, неравномерность распределения земель, многополосица, дальнеполосица и чересполосица между селениями и внутри селения, бывшие бедствием крестьянского хозяйства до революции, еще более усилились. Это обстоятельство является величайшим препятствием к переходу к более культурным формам сельского хозяйства — к многополью, плодосмену и т. д.

По данным Народного комиссариата земледелия, крестьянские наделы состоят в среднем из 16 полос, а в некоторых районах (север и северо-запад) достигают и 100 полос. Участки чересполосны, но, главное, расположены столь далеко от селения (на юге и юго-востоке у 94% хозяйств свыше 5 верст) и в столь различных направлениях, что, по исчислению Рабоче-крестьянской инспекции, крестьянин для вы-

полнения сельскохозяйственных работ должен сделать в год в среднем 1898 верст, между тем, если бы земля была собрана в одно место, потребное расстояние было бы лишь 474 версты. Как медленно происходит процесс землеустройства, видно из следующих официальных данных. До 1928 г. произведено лишь 15% межселенных работ и 7% внутриселенных. В год в среднем выполняется 15—20 млн дес. землеустроительных работ, а так как в одной Европейской России подлежит землеустройству свыше 200 млн дес., то работа растянется на долгие годы. По данным Комиссариата земледелия, в 1924 г. исполнено 64% заявок, в 1925 г.— 49%, в 1926 г.— 45% и в 1927 г.— 44%. Медленность работ объясняется раньше всего ничтожными ассигнованиями, которые отпускает на эту цель государство. В 1924/25 г. на все землеустроительные работы было ассигновано 2,04 млн руб., в 1925/26 г.— 9,2 млн руб., в 1926/27 г.— 14,8 млн руб., а в 1927/28 г.— 23,1 млн руб.

Незначительность этих сумм вызывает острое недовольство крестьянства, так как без проведения землеустройства крестьянин не считает обрабатываемый им участок земли своим и не решается делать необходимейшие вложения капитала. Замедляет сильно землеустройство и недостаток землемеров. На практической работе по всему СССР всего 8 тыс. человек. Развитие сельского хозяйства упирается в отсутствие элементарного условия — землеустройства.

Крестьянство, которое в дореволюционные годы всячески уклонялось от землеустройства, считая работу землемеров нарушающей патриархальный склад жизни деревни, в настоящее время столь исстрадалось от земледельного неустройства, что часты случаи, когда землемера, приехавшего в село за какой-нибудь справкой, земельный сход отказывается отпустить из деревни, пока он ее не землеустроит. «Меряй сию же минуту» — основное требование крестьян*.

Но кроме медленности осуществления землеустроительных работ в крестьянской среде острое недовольство вызывает та политика землеустройства, которой упорно держатся земельные органы советской власти. Русские коммунисты называют свою землеустроитель-

* Экономическая жизнь. 18 октября 1927 г.

ную политику «классовой». Но «классовость» выражается не столько в том, что бедным крестьянам землеустройство осуществляется бесплатно и вне очереди (эта льгота на практике ввиду медленности землеустройства мало ощущается бедными слоями деревни), а главным образом в том, что при землеустройстве лучшие земли изымаются из пользования тех, кто их обрабатывал до сих пор, и передаются колхозам или бедным крестьянам. Это вызывает массу раздоров и злоупотреблений. Кроме того, выдел отдельных хозяйств на хутора и отруба с 1926 г. совершенно прекращен, так как советские органы пришли к выводу, что эти формы землепользования наиболее соответствуют «росту кулацких элементов».

Существенным препятствием к увеличению благосостояния сельского хозяйства является также раздел хозяйства: выделения из него членов семьи в особую единицу. Согласно закону, член семьи — сын или дочь — имеет право в любое время потребовать выдела себе соответствующей доли надела, скота и инвентаря. Это право, положительное по своей сущности, на практике в современной советской деревне получило своеобразное применение. Политика советской власти, агрессивная по отношению к зажиточным группам, стимулирует частые фиктивные разделы хозяйства, служащие маскировкой растущего благосостояния крестьянской семьи. Дробление хозяйства в русской деревне — явление, все растущее в темпе. По официальным данным, в настоящее время происходит в $1\frac{1}{2}$ —2 раза больше разделов, чем до революции. Этим обстоятельством объясняется то, что в 1916 г. в пределах современной России было 16 млн, в 1925 г. — 24 млн, а в 1927 г. — 25,3 млн крестьянских хозяйств.

Не менее важным препятствием развитию крестьянского хозяйства было запрещение аренды земли и применения наемного труда. В первые годы нэпа советская власть не допускала ни того, ни другого, видя в них эксплуататорские формы труда. Но, вынужденная строить возрождение всего народного хозяйства на росте благосостояния крестьянства как производителя и как потребителя, советская власть в 1924 г. пошла на уступки и «в целях дальнейшего развития капиталистических начал в деревне» (выражение

декрета) разрешила и аренду, и наемный труд. Вначале была разрешена аренда сроком не свыше 12 лет. В 1928 г. в полосу «левого курса» постановлением Президиума ЦИК срок аренды сокращен до 6 лет. В довоенное время в аренде было 35 млн дес., к 1927 г. аренда еще не достигла таких размеров (15 млн дес). Однако, по обследованию Рабоче-крестьянской инспекции, «во всех районах России аренда существует как общее явление». Главной массой арендаторов являются крестьяне среднего достатка, однако наиболее крупные арендные площади — до 45 дес.—сосредоточились в руках деревенских богатеев. Данные обследования говорят о том, что у 13% крестьян, зачисляемых в разряд зажиточных, было в арендном пользовании до 30,5% всей арендной земли *. Изменился характер аренды по сравнению с прошлым. Обстоятельство, которое отличало аренду в дореволюционной России от западноевропейских форм аграрной аренды — сдача земли в аренду и малоземельным крестьянином, — сейчас значительно усилилось. Основным сдатчиком в настоящее время является не помещик, а деревенский бедняк, не имеющий лошади и плуга, чтобы обрабатывать свой участок земли, и не имеющий права его ни заложить, ни продать. А основным арендатором — не малоземельный, а богатеющий крестьянин, в скрытой форме аренды совершающий свое первоначальное накопление.

Широко развился в современной деревне и наем батраков. До войны сельскохозяйственных рабочих было 2,7 млн человек, в настоящее время число деревенских батраков уже достигло 2,5 млн человек. Особенно быстро увеличивается число батраков у крестьян с посевом свыше 10 дес. и у имеющих интенсивное хозяйство. У этой группы — не менее 50% всех крестьянских батраков.

Несмотря на недавнее поравнение, процесс дифференциации крестьянства происходит довольно быстро. <...>

Основная тенденция расслоения деревни — это

* Коммунистическая оппозиция уверяет, что эти данные тенденциозно смягчены и что у 16% крестьян-кулаков сосредоточено 75% всей арендной земли.

очень быстрый рост зажиточных и богатых групп. Этот процесс особенно ярок, как и в довоенное время, в районах, производящих хлеб. На Украине и Северном Кавказе высшая группа возросла за 4 года более чем в 7 раз. Происходит не просто ровный подъем вверх, а при этом особенно сильно растет слой богатых крестьян. С 1925 г. уменьшение числа безземельных прекратилось и сменилось возрастанием. С 1925 г. число безлошадных в потребительских районах даже начинает увеличиваться. Явление, типичное для дореволюционного расслоения деревни — рост пролетаризации на одном фланге и рост богатых на другом, — стало вновь характерным для сельского хозяйства России.

Мы не имеем самостоятельных статистических данных и не можем официальным данным противопоставить свои, но самый факт дифференциации и направление ее не могут оспаривать даже взаимовраждующие коммунистические фракции. Происходит медленный подъем благосостояния основной массы крестьянства — в результате и в меру реализации благ аграрной революции. Но рядом с этим одновременно происходит рост крестьянской бедноты и рост богатых. При этом все обследователи единодушно устанавливают, что обогащение верхушки деревни происходит главным образом за счет увеличения арендуемой земли и путем использования имеющихся у нее скота и сельскохозяйственных орудий.<...>

КОЛЛЕКТИВНЫЕ И СОВЕТСКИЕ ХОЗЯЙСТВА (КОЛХОЗЫ И СОВХОЗЫ)

К лету 1928 г., когда обострился общий хозяйственный кризис, когда определилась неудача хлебозаготовок и необходимость отказаться от вывоза хлеба, в руководящих кругах советской власти одновременно с «левым» зигзагом родилась еще одна новая утопическая идея.

Решено было активно вмешаться в процесс производства хлеба. Старая утопическая идея коммунистов — государственным вмешательством перевести примитивное крестьянское хозяйство от индивидуалис-

тических форм к коллективным — вновь ожила и была поставлена как практическая задача.

Сталин в «Правде» от 2 июня 1928 г. формулирует новый коммунистический план.

«Основа наших хлебных затруднений состоит в том, что рост производства товарного хлеба идет у нас медленнее, чем рост потребности на хлеб... Производство товарного хлеба растет убийственно медленным темпом...»

Выход Сталин находит в переходе от индивидуального мелкого крестьянского хозяйства к коллективному (колхозы), которое «государство обяжет под угрозой лишения субсидий и льгот» сдавать свой товарный хлеб по твердым ценам, и в расширении и организации государственных крупных хозяйств (совхозы).

От этих двух мероприятий Сталин надеется получить через 3—4 года 120—150 млн пудов товарного хлеба: $\frac{1}{3}$ от колхозов, $\frac{2}{3}$ от совхозов.

В исполнение решения русской коммунистической партии советская власть издала ряд постановлений, поощряющих колхозы, и приступила к организации новых совхозов.

Там, где ведется по преимуществу интенсивное зерновое хозяйство, превосходство более крупных сельских хозяйств над мелкими — бесспорно *. Также бесспорно, что если бы советскому государству удалось организовать совхозы и колхозы, притом не подрывая основы существования индивидуального крестьянского хозяйства, то это было бы существенным шагом вперед.

Но реальна ли эта задача? Как отразится она на крестьянстве? Будем исходить из официальных данных.

В 1926/27 г. совхозы и колхозы дали рынку 38 млн пудов хлеба. Это при условии, что официальные данные исчисляют товарность колхозов весьма преувеличенно — в 47,2%, т. е. равной товарности самых образцовых довоенных хозяйств и в 4,9 раза больше товарности современного крестьянского хозяйства. Но ведь и при такой высокой товарности — совершенно невероятной — для того чтобы получить 150 млн

* Проф. Лаур. Введение в экономию сельского хозяйства. М. 1925 г. С. 175 и Гирш. Ю. Успехи организации американского хозяйства. Л. 1926 г.

пудов товарного хлеба, нужно увеличить посевную площадь совхозов и колхозов, по крайней мере, в 3—3 $\frac{1}{2}$ раза. Возможно ли это? Колхозы, несмотря на все оказываемые им льготы, начиная со времени нэпа, все время распадаются, и посевная их площадь последние 5 лет (до 1927 г.) не только не возрастала, а уменьшалась. Число колхозов в 1923 г. было равно 18,6 тыс., а в 1927 г. упало до 15,2 тыс., охватывая лишь 0,8% всей посевной площади. Правда, в 1927/28 г. со времени кампании за коллективное хозяйство наблюдается стремительный рост колхозов: с 1 октября 1927 г. по 1 июля 1928 г. образовалось 15 849 новых колхозов. По отчету Наркомзема, к 1 октября 1928 г. во всем СССР имеется 35 тыс. колхозов с посевной площадью около 1,7 млн га*, объединяющих около 500 тыс. семей и одиночек. «Бурный рост коллективных хозяйств... определяется тем, что в этом году был произведен решительный нажим на частные капиталистические элементы в сельском хозяйстве», — делает вывод Рабоче-крестьянская инспекция в середине сентября 1928 г.** Значительная часть этих колхозов носит фиктивный характер, т. е. крестьяне используют колхозную вывеску для получения необходимых им семян, орудий, льгот и кредитов. Немало случаев, когда колхозную вывеску используют даже зажиточные элементы деревни, как в свое время в городе использовали мелкие предприниматели вывеску кустаря или производственной кооперации. Например, в Саратовской губернии, в Балашовском округе, число колхозов увеличилось за несколько месяцев 1928 г. на 70%. Но после обследования выяснилось, что не меньше 20% роста нужно отнести за счет «мертвых душ» и лжеколхозов. Существуют своеобразные колхозы, организованные на «акционерных началах»: богатые крестьяне имеют в них по 25 паев, а бедные — по 1—2 пая. Урожай делится по паям. Колхоз «Ходок», объединивший 8 хозяйств, имел 8 постоянных и до 30 временных рабочих. Благодаря колхозной вывеске он получил в аренду: паровую мельницу, маслобойку, крупорушку, фруктовый сад, дополнительно к своей

* Правда. 21 ноября 1928 г.

** Экономическая жизнь. 15 октября 1928 г.

надельной земле свыше 300 га земли из государственного фонда, 2 молотилки, 6 сеялок, 4 жнейки и т. д. Сельскохозяйственное кредитное товарищество открыло колхозу «Ходок» кредит, а местные налоговые органы уменьшили размеры сельскохозяйственного налога *.

Характерно, что образуются не коммуны, которые обобществляют все составные части хозяйств, и даже не артели, обобществляющие землю, машины, скот, а наиболее примитивный и легко расторгаемый вид коллективных хозяйств — товарищества, при которых организуется совместная закупка и использование сложных сельскохозяйственных машин (машинные товарищества) или совместное использование рабочего скота. Наркомзем даже исчислил степень обобществления: он считает, что в товариществах обобществлено максимум 16% средств производства!

Объединение в товарищества (75% всех колхозов) благодаря льготам и кредиту дает возможность подняться на ноги многим малоземельным и безынвентарным хозяйствам. Но уже короткий опыт показал, что русские крестьяне не выдерживают длительного пребывания в коллективах, требующих и более высокой квалификации, и более высокой культуры. Очень скоро веками сложившаяся привычка к индивидуальному хозяйству берет верх, и колхозы распадаются. Этому способствует и экономическая обстановка. Наиболее критическим для колхозов является момент сдачи продуктов урожая. Государство заставляет колхозы сдавать хлеб по нормированной, ниже рыночной, цене, и это обстоятельство обычно бывает решающим фактором распада коллективов. Так это было в первый период увлечения советской властью колхозами (1922—1923 гг.), такова неизбежная судьба и современной утопии. Первые отчетные данные за хлебную кампанию 1928 г. подтверждают эти предположения.

Из многих районов Украины, Урала и Сибири сообщают, что колхозы сдали по 25 ноября лишь 50—60% имеющихся у них товарных излишков; наблюдались случаи, когда колхозы продавали хлеб не государству, а частникам. <...>

Местным хлебозаготовительным органам предпри-

* Экономическая жизнь. 25 декабря 1928 г.

сано принудить колхозы к сдаче всего товарного хлеба государству.

Наспех сколоченные колхозы хозяйственно очень нерациональны. Большинство из них носит карликовый характер. Средний размер посева для товариществ — 22 га, для сельскохозяйственных артелей — 34 и для коммун — 68 га. Они мало чем отличаются от индивидуальных хозяйств, малорентабельны и нежизнеспособны. Используя предоставленные колхозам льготы, высиживая под их прикрытием «лихую полосу левого курса», крестьяне в большинстве своем вернутся к своему обычному индивидуальному мелкому хозяйству.

Согласно данным сплошной переписи ЦСУ, процент выбывших из колхозов семей и одиночек за год с 1 апреля 1927 г. по 11 апреля 1928 г. составлял в среднем 22—25% *. На Северном Кавказе, по данным кооперации, из колхозов выбыло за последний год до 80% старого состава **.

Для борьбы с этим обстоятельством в недрах канцелярий Комиссариата земледелия родилась совершенно утопическая идея.

Решено в законодательном порядке установить, что капиталы колхозов (деньги, земли, живой и мертвый инвентарь) закрепляются за колхозами и не подлежат ни разделу, ни ликвидации. Отдельные крестьяне, выходящие из колхозов, не могут рассчитывать на неделимые фонды колхозов ***.

Таким образом, советская власть в форме колхозов снова воскрешает своеобразную кабальную общину, из которой, как в период царизма, отдельный крестьянин может выйти лишь ценою утери всего своего имущества. Пока это еще только проект НКЗ, но на практике власти борются с текучестью колхозов мерами административных и хозяйственных репрессий уже и сейчас.

Понимание того, что современные колхозы не только не осуществляют социалистических принципов труда, «но даже не обеспечивают рентабельного приложения средств и труда», существует даже в

* Большевик. 1928. № 20.

** Кооперативная жизнь. 12 октября 1928 г.

*** Экономическая жизнь. 26 июля 1928 г.

среде коммунистов, и на совещании при НКЗ в декабре 1928 г. было высказано немало скептических мыслей по поводу колхозной политики.

Быть может, этим обстоятельством объясняется то, что большие надежды советское государство возлагает на совхозы — «государственные зерновые фабрики». До 1928 г. совхозы были организованы из бывших помещичьих хозяйств и имели посевную площадь лишь в 1,3 млн га. Согласно декрету от 16 марта 1928 г., предполагается «в районах, свободных от крестьянских наделов, организовать новые крупные совхозы размером от 10 тыс. до 30 тыс. дес. каждый». Совхозы должны дать по этому проекту в 3—4 года 100 млн пудов товарного хлеба. Но для выполнения этой задачи нужно раньше всего 4 ¹/₂—5 млн га свободной пахотной земли.

Для того чтобы совхозы были доходны, необходимо, чтобы их земля была расположена вблизи железной дороги или водных путей сообщения, была плодородна, имела потребное количество осадков и т. д. В таком размере таких участков в распоряжении государства, не предоставленных для нужд переселения или не сданных в аренду, нет. Это неоднократно устанавливалось, когда подымался вопрос о переселении крестьян из засушливых районов в голодные годы.

Проект предполагает нужные площади и земли: по 400 тыс. дес. на Северном Кавказе, Нижней и Средней Волге, Сибири, по 100 тыс. дес. — на Урале, в Башкирской республике, Оренбургском районе. Но всего этого недостаточно. И один из руководителей земельной политики советской власти А. Муралов пишет: «Для получения 100 млн пудов зерновой продукции мы не обладаем достаточным количеством плодородных земель для совхозов. Поэтому необходимо пересмотреть все те земли, которые были отведены раньше на другие цели. Кроме того, необходимо будет пересмотреть колонизационные и переселенческие фонды с тем, чтобы увеличить фонды под новые зерновые фабрики» *.

Отвод земли в Сальском округе Донской области

* Муралов А. Зерновые совхозы // Экономическая жизнь. 17 июня 1928 г.

под первый же государственный совхоз, произведенный в июле 1928 г., подтверждает в полной мере, что новая утопическая попытка очень болезненно отразится на сельском хозяйстве. Сальский округ — это один из немногих оставшихся в Европейской России районов коневодства и овцеводства, в этот район не допускались даже новые поселенцы. Изъятие из пользования местного населения громадных участков пастбищ, например в Донской области 245 тыс. дес., притом наиболее снабженных водой, вызвало сильное недовольство. Кроме того, этот шаг отразился на размерах конских табунов и стад овец.

Для организации совхозов в районе Казахстана советская власть летом и осенью 1928 г. приступила к конфискации земли у местных скотоводов. Кампания конфискации была проведена под лозунгом конфискации земли у местных кулаков — крупных землевладельцев и скотовладельцев — баев. Но, как признают и советские органы, конфискация коснулась и средних скотоводческих хозяйств (в ряде мест конфискации подверглись все хозяйства, имеющие свыше 10 голов скота) и вызвала усиленную эмиграцию скотоводов вместе со скотом в Китай. Казахстан, Сальский округ Донской области и степные районы Северного Кавказа, Волги и Урала — это основные базы животного сырья советской России, в первую очередь шерсти и крупного кожсырья. Недостаток этого сырья в советской России общеизвестен, и подрыв скотоводческого хозяйства в этих районах очень болезненно отразится на текстильной и кожевенной индустрии.

До сих пор советская власть, считаясь с необходимостью способствовать восстановлению у нас скотоводства, коневодства и овцеводства (продукция шерсти упала до $\frac{1}{3}$ довоенной), примирялась с существованием крупного скотоводства. Более того, в первые годы нэпа гарантировала крупным скотоводам неприкосновенность их имущества и этим добилась некоторого восстановления овцеводства. В 1928 г. во имя создания совхозов была проведена активная кампания «раскулачивания». У скотоводов была отнята их земля, скот и инвентарь, часть (земли) (около 10—12 %) передана в распоряжение вновь организуемых колхозов, остальное передано совхозам. (...)

Итак, для того чтобы создать новые совхозы, при-

дется лишить переселенцев лучших и наиболее благоустроенных земель переселенческого фонда, а скотоводов и коневодов их пастбищ и одновременно ухудшить снабжение животным сырьем шерстяной и кожевенной промышленности.

Но если даже необходимый земельный фонд будет найден, то он потребует громадных, совершенно непосильных для советской власти капиталов для организации совхозов. Сельскохозяйственные машины на многие сотни миллионов (одних тракторов требуется в первый год 12 тыс., а в ближайшие 5 лет — 100 тыс.), землеустройство, выселение и наделение выселяемых крестьян землей, устройство поселков для сотен тысяч рабочих, обеспечение совхоза скотом, транспортом, водой и т. д.— все это потребует совершенно непосильных для страны при ее современном финансовом состоянии затрат. По расчетам Наркомзема, для организации только первой группы совхозов необходима ассигновка 335 млн руб. *

А где достанет государство руководителей для громадных сельских хозяйств размером в 30 тыс. дес.? В условиях мелкого крестьянского сельского хозяйства в России нет людей с достаточным опытом по ведению крупного сельского хозяйства. <...>

Курс на совхозы и колхозы обострил недовольство крестьянских масс. Если до этого проекта в привилегированном положении по инструкции были бедняк и середняк, врагом же был лишь кулак, то со времени увлечения колхозами и совхозами в загоне все индивидуальное хозяйство. Все содействие государства, все привилегии получают колхозы и совхозы. Они получают налоговые льготы, им предоставляется в первую очередь сельскохозяйственный кредит. Сельскохозяйственные машины, племенной скот, семенной материал, удобрения и прочие промышленные товары, не имеющиеся в достаточном количестве, продаются раньше всего колхозам и совхозам. Их земли землеустраиваются раньше других, и притом за счет окружающих крестьянских хозяйств. Наконец, у крестьян, не обрабатывающих полностью свои участки земли, согласно новой инструкции, «излишние» земли отбираются в пользу колхозов.

* Экономическая жизнь. 1 августа 1928 г.

Благодаря новому курсу даже те небольшие суммы, которые государство ассигнует на нужды сельского хозяйства, небольшие по сравнению с теми миллиардами, которые советское государство получает у крестьян налогами, высокими ценами на промышленные изделия и инфляцией,— идут в значительной части не на нужды всей массы крестьянства, а на утопическую попытку искусственно, в кратчайший срок создать коллективное и крупное государственное сельское хозяйство. <...>

ВНУТРЕННИЙ ТОВАРООБОРОТ

ВНУТРЕННЯЯ ТОРГОВЛЯ СО ВРЕМЕНИ НЭПА

В период военного коммунизма не было какой-либо системы и последовательности в огосударствлении хозяйства. <...>

Военный коммунизм, родившийся в условиях войны и острого обнищания, был главным образом «потребительским коммунизмом». Забота о снабжении населения и армии прежде всего легла на плечи государства, и это определило то, что первая хозяйственная монополия, которую создала советская власть, была монополией снабжения населения продовольственными продуктами и первые конфискации частного имущества были конфискациями товаров, магазинов, лавок и складов. В этом же направлении шло и стихийное движение, лишь оформленное местными, городскими и сельскими советами.

Национализация производства и организация его работы на новых началах была задачей более сложной. Гораздо легче было национализировать и муниципализировать магазины и склады и немедленно приступить к распределению их запасов, удовлетворив этой мерой острую нужду обнищавшего населения. Этим обстоятельством объясняется то, что национализация, вернее, муниципализация торговли — крупной и мелкой — была произведена уже в первые дни военного коммунизма, притом с почти исчерпывающей полнотой. 2 апреля 1918 г. был сделан первый шаг в направлении огосударствления торговли. Был издан дек-

рет о «предоставлении Наркомпроду (Комиссариату продовольствия) запасов мануфактуры, обуви, спичек, мыла и сельскохозяйственных машин для товарообменных операций с деревней». Несколько позже был издан декрет об отпуске крестьянам промышленных изделий исключительно в порядке товарообмена, т. е. в обмен за сельскохозяйственные продукты (8 августа 1918 г.). И наконец, 21 ноября 1918 г. издается декрет о «полной национализации торговли». В целях замены частноторгового аппарата и для планомерного снабжения населения всеми продуктами на Комиссариат продовольствия возлагается заготовка всех продуктов, служащих для личного потребления и домашнего хозяйства. Заготовка предметов и средств производства возлагается на ВСНХ. К марту 1919 г. вся торговля частных лиц была запрещена. 20 марта 1919 г. издан декрет о потребительских коммунах, по которому вся кооперация из добровольной превращается в обязательную и все граждане обязаны приписаться к одному из распределительных пунктов. Торговля полностью ликвидируется и заменяется карточным распределением.

Нэп объявил свободу торговли вначале в виде скромной формулы свободы местного оборота, затем в виде права государственных, кооперативных организаций и частных лиц торговать по всей стране. Конечно, назвать свободой торговли ту систему, которая установилась в СССР со времени нэпа и существует по сие время, можно лишь со многими оговорками. Раньше всего частные лица совершенно лишены права на производство каких-либо торговых операций за границей и по покупке и по продаже товаров. Далее, государство сохранило в своих руках почти все производство промышленных товаров и поэтому не только диктует частной торговле обязательные цены, но и лишает ее тех или иных товаров, когда этого требуют политико-экономические соображения власти. Производящие государственные организации по закону обязаны отпускать товар в первую очередь государственным и кооперативным торгующим организациям и лишь в последнюю очередь частным торговцам. И наконец, в отношении кредита, налогов и транспорта частная торговля поставлена в условия наиболее тяжелые. Но даже государственные торговые

органы не обладают правом на свободную торговлю в обычном смысле этого слова. В оптовой торговле распределение по предписанию планирующих органов в значительной степени заменило собою торговлю.

В настоящее время система торговли в СССР приняла следующие формы. Промышленные изделия от производящих их государственных трестов поступают или в оптовые торговые отделы трестов, или в синдикаты, которые имеются почти во всех основных отраслях. Синдикаты представляют собой торговые объединения государственных трестов. В некоторых отраслях они реализуют значительную часть продукции соответствующих трестов, например, нефтесиндикат — 100 %, текстильный синдикат — 85—90 %, кожевенный — 55 %, металлический — 33 % и т. д. Затем товары поступают во второе оптовое звено — отделения синдикатов или специальные торговые организации универсального типа (госторги), или в кооперативные центры (Центросоюз, Вукопспилка). Отсюда товар распыляется в губернские, уездные и местные отделения вышеуказанных организаций и в некоторой доле попадает и частной торговле. Розничная торговля осуществляется через магазины, базарные палатки и разносные лотки. В принципе считается, что розничная торговля должна быть задачей кооперации и на нее возложена задача конкуренции и вытеснения из этой области частной торговли, но на практике очень часто гостресты и синдикаты открывают в городах и на сельских базарах свои розничные магазины и даже организуют артели разносчиков. На этой почве происходят непрекращающиеся трения и конкуренция между кооперативными и государственными организациями. Каждое торговое звено, через которое проходит товар, в покрытие своих расходов накладывает на его цену некоторую накидку, что значительно удорожает товар. Закупка и продажа хлеба, сырья и сельскохозяйственных продуктов производится специальными органами (Хлебопродукт, Сахаротрест, «Шерсть», Хлопковый комитет и т. д.), кооперативными организациями — потребительскими и сбытовыми и частными лицами. Кроме того, продукты сельского хозяйства сбывают на рынках ближайших городов сами производители-крестьяне. Все взаимоотношения государственных торговых и кооперативных организаций

между собой и в отношении к производителям и потребителям построены на началах товарного денежного обмена. Покупатели оплачивают товар, выдают векселя. Продавцы стремятся к коммерческой прибыли. Ожесточенная конкуренция между государственными организациями, крупные конфликты и судебные процессы — явление, обычное для советской торговли. Рыночно-торговые начала и стремление к коммерческой прибыли определяют всю деятельность как частной, так в конечном счете и государственной и кооперативной торговли.

Для развития и содействия торговле в советской России существует ряд бирж в Москве и крупнейших городах (ранее 70, теперь 14), задача которых — регистрация и оформление крупных торговых сделок между торгующими организациями.

В год наибольшего падения товарооборота — 1920/21 г. — продукция всего народного хозяйства, поступившая в обмен, равнялась, по исчислению Госплана, лишь 25 % довоенных размеров товарооборота. Хозяйство деревни, а отчасти и города стало приобретать натуральный характер.

Со времени нэпа и размеры товарной части продукции и торговые обороты начинают быстро расти. О темпе роста товарной части продукции народного хозяйства дает представление следующая таблица.

Товарная продукция
(в млн довоенных рублей)

Хозяйственный год	Промышленность		Сельское хозяйство		Всего	
	в абсолютных числах	процент роста	в абсолютных числах	процент роста	в абсолютных числах	процент роста
1921/22	1 710	100	1 710	100	3 450	100
1922/23	2 220	129,8	2 550	146,5	4 770	138,3
1923/24	3 030	136,5	2 720	106,7	5 750	120,5
1924/25	4 460	147,2	3 810	140,1	8 270	143,8
1925/26	5 930	132,9	4 260	111,8	10 190	123,3
1926/27	6 800	114,7	4 610	108,2	11 410	111,9
1927/28	7 990	117,5	4 868	105,6	12 858	112,7

Что касается торговых оборотов, то наиболее учитываются обороты оптовых организаций, и притом главным образом государственных и кооперативных. Данные Московской и провинциальных бирж, синдикатов, кооперации и частной торговли, приводимые Госпланом, позволяют составить следующую таблицу, дающую представление о динамике торгово-посреднического товарооборота (оптового и розничного) со времени нэпа.

Динамика торгово-посреднического товарооборота
(в млн червонных рублей)

Хозяйственный год	Частная торговля	Госторговля	Кооперация	Всего
1923/24	3 025	2 750	3 976	9 751
1924/25	5 382	5 231	4 000	14 613
1925/26	8 210	9 626	5 770	23 606
1926/27	9 795	13 780	5 200	28 775
1927/28	10 790	17 450	5 200	33 440

Из года в год товарооборот растет, притом наиболее быстрым темпом растут торгово-посреднические операции советской кооперации.

Мы уже указали, <...> что основная проблема современного товарооборота СССР — это хроническая диспропорция между спросом и предложением, принявшая в последние годы формы острого товарного голода. Остановимся подробнее на этом вопросе. В среде русских коммунистов господствует убеждение, что причина товарного голода лежит в «диспропорции между промышленным производством и производством сельского хозяйства». Это не объясняет всей проблемы. Размеры товарных масс продукции промышленности и сельского хозяйства находятся приблизительно на одном и том же уровне по сравнению с довоенными соотношениями. Поэтому если причина лежит в диспропорции, то она существовала и в довоенное время.

Почему же в довоенное время между производством города и деревни было какое-то равновесие, какая-то устойчивость, а в советское время — нет? Притом нет из года в год. Почему Россия бьется в тисках жестокого и хронического кризиса, не наблюдавшегося в довоенные годы?

Общеизвестно, что и в довоенное время между товарными массами промышленности и сельского хозяйства не было ценностного равенства *. Равновесие достигалось тем, что Россия не была хозяйственно изолированным государством: сельская продукция своевременно и в большом размере экспортировалась, а недостаток в промышленных изделиях пополнялся импортом. Внешняя торговля во всех странах — автоматический регулятор, смягчающий диспропорцию в хозяйстве отдельных стран. Сейчас вырванная из мирового торгового оборота, вынужденная жить почти изолированным хозяйством Россия, естественно, остро переживает исторически сложившуюся диспропорцию в развитии ее промышленности и сельского хозяйства.

Товарный голод в России очень сложное явление. В нем сказываются все основные болезни хозяйства; причины его разнообразны, поэтому острота товарного голода станет понятна лишь после того, как учесть их совокупное влияние. Раньше всего население страны увеличилось по сравнению с 1913 г. на 7%. Далее, даже по официальным данным, довоенный уровень во многих отраслях производства еще все же не достигнут. Размер среднего по всей промышленности уровня (в ценностных единицах) еще не дает ясного представления об объеме и характере производства. Если высокий уровень восстановления достигнут, например, по нефти или углю, а значительно более низкий, например, по металлу, машинам и строительным материалам, то острота потребности в последних довольно плохо определяется средним процентом восстановления. Тот, кому нужна обувь или кровельное железо, не удовлетворяется тем, что имеются в изобилии соль или спички.

Немаловажное значение в нарушении установившегося в довоенное время равновесия между промышленной и сельскохозяйственной массами имеет отделение от России Польши и Прибалтийских государств. Их промышленное производство работало не только на местный рынок. При сравнении товарных масс, обращающихся сейчас в СССР, с довоенными недостаточ-

* О каком равенстве может идти речь при колеблющихся размерах урожая!

но, как это делают советские экономисты, исчислять товарные массы, производимые тогда и теперь в современных пределах России, ибо Финляндия, Польша и Прибалтийский край были районами промышленного вывоза, они имели, так сказать, активный баланс по отношению к остальной России. По данным проф. В. Гриневецкого *, Русская Польша и Прибалтийский край и Финляндия производили бумаги 70 % всего производства России, галантерейных товаров — 74 %, вязаных изделий — 71 %, шерстяных изделий — 33 %, готового платья — 53 %, грубых, суровых тканей — 60—68 %, мешков — 38 %, металлических изделий — 20 %, металла для строительных целей и крестьянского обихода — 45 %. Часть этих изделий, конечно, потреблялась в пределах современных Финляндии, Польши, Латвии, Эстонии, Литвы, но значительная часть поступала на рынок остальной России.

Большое значение имеет то обстоятельство, что старые заводы и фабрики, оставшиеся в наследство от частных владельцев, были пущены в ход без всякой «реконструкции» и производят товары в ассортименте и образцах, приспособленных к потреблению довоенного времени. Между тем за революционный период резко изменилась социальная структура страны, свелась к минимуму потребность в предметах роскоши и вообще дорогих изделиях и относительно увеличилась потребность в изделиях, рассчитанных на нужды масс. С другой стороны, резко изменились во многих отношениях потребности деревни, потерявшей свой патриархальный уклад. Именно этим объясняется голод на одни товары при избытке других.

Потребительская ценность современной советской промышленной продукции еще более понижается тем, что большинство изделий значительно хуже по качеству: ткани и обувь изнашиваются быстрее довоенных, металлические изделия имеют гораздо больший процент брака, посуда ломка и т. д.

Следующая причина, обостряющая товарный голод: организационные дефекты советского торгового аппарата. Значительная часть товара многократно перемещается внутри торгового аппарата, переходит из

* Гриневецкий В. Послевоенные перспективы русской промышленности. М. 1919 г. С. 95—96.

рук в руки, играет роль валютных ценностей и лишь после многих зигзагов доходит до потребителя.

Но главная причина недостатка товаров в том, что темп восстановления размеров внешней торговли замедлен по сравнению с другими областями народного хозяйства. В то время как промышленность, сельское хозяйство, внутренний товарный оборот приблизились к довоенному уровню, внешняя торговля застыла на уровне около 40 % и «вернулась к размерам 80-х гг. прошлого столетия». Масса товаров, обращающихся внутри России, существенно уменьшена понижением импорта на $\frac{2}{3}$. Это составит свыше 1 млрд, считая по современным ценам. Но эта суммарная цифра еще не дает представления о том, какое значение имеет для русского хозяйства, и в частности для широкого рынка, такое слабое развитие импорта. В 1912 г. импортом удовлетворялось 40% всей потребности по химическим товарам, 26% — по пищевым, 25 % — по металлическим; 47 % всех материалов, потребных для текстильной промышленности, были иностранного происхождения и т. д. Размеры импорта тонких машин, инструментов, двигателей, оружия, точных измерителей подымались даже до 215 % русского производства.

В то время как платежеспособный спрос населения, главным образом крестьянина, за годы нэпа восстановился и, по ряду исследований экономистов, приблизился к довоенному, товарная промышленная масса сильно понижена.

Товарный голод принимает особенно острые размеры в периоды, когда советская власть прибегает к скрытой денежной или кредитной инфляции, что создает дополнительный искусственный повышенный торговый или потребительский спрос.

В советской экономической литературе имеется немало попыток исчислить количественно размеры товарного дефицита, однако данные этих исследований столь противоречивы, а реальная практика столь далека от цифровых прогнозов, что мы не будем приводить этих расчетов *. Достаточно будет указать, что

* «Я пытался установить более или менее точно абсолютный размер расхождения между спросом и предложением,— говорит Рыков на XV съезде ВКП.— Должен откровенно признаться в том,

начиная с 1924 г. все советские экономисты ежегодно единодушно признают факт несомненного дефицита промышленных изделий.

Но в то время как советские экономисты освещают проблему товарного голода как нечто фатальное, роковым образом таящееся в объективных условиях русской экономики, наш анализ показывает, что значительное смягчение недостатка промышленных изделий вполне возможно при изменении экономической политики власти.

Напряженное состояние товарооборота, определяемое постоянным недостатком промышленных товаров, делает особенно необходимой и сложной задачу государственного регулирования торговых операций.

Главными методами регулирования рынка являются: распределение товарных масс по районам в порядке планового распоряжения, установление норм заготовок сельскохозяйственных продуктов и норм завоза в определенные районы промышленных изделий. Опыт не оправдал широкого применения ни первой системы, ни второй. Нормы заготовки систематически нарушаются взаимно конкурирующими государственными организациями. Завоз товаров (т. е. предварительное плановое распределение по районам) не дает положительных результатов ввиду того, что плохое знание рынка и требований потребителя не позволяют составить для отдельных районов ассортимента товаров, правильного по размерам и качеству. Неустойчивая покупательная способность различных сельскохозяйственных районов, к тому же зависящая от урожаев и политики власти по отношению к деревне, делает задачу заводов совершенно неисполнимой.

Кроме того, громадный, бюрократически построенный государственный торговый аппарат оказался совершенно неприспособленным для точной и своевре-

что я не решаюсь приводить имеющихся исчислений по следующим соображениям. Во-первых, этих данных очень много; во-вторых, они противоречат друг другу в силу различия исчисления; в-третьих, все они отличаются чрезвычайной условностью и потому плохо отражают действительное состояние рынка. В них складывается, допустим, керосин, имеющийся в достаточном количестве, с ситцем, которого у нас не хватает» (Правда. 17 декабря 1927 г.).

менной работы по плану. Одни районы имеют товар в избытке, другие страдают от дефицита. В деревню засылают городские товары; в город — деревенские. В результате — перегрузка транспорта на обратные перевозки и усиление спекуляции при перепродаже недостаточных товаров. В 1926 и 1927 гг. стали применять еще две системы регулирования оборота: заключение между трестами и синдикатами, с одной стороны, и кооперацией — с другой, длительных генеральных договоров по продаже промышленных изделий и систему предварительных контрактов между государственными заготовителями и крестьянами на поставку сельскохозяйственных продуктов (хлеб, свекла, лен, масличные семена, хлопок, шерсть и т. д.). Развитию этих методов сильно мешают та же бюрократичность государственных торговых аппаратов и трудность на длительный срок вперед предвидеть цены, отражающие рыночные и валютные колебания.

Одной из наиболее сложных и недающихся задач является политика регулирования цен *. Советская власть установила в области торговли твердые отпускные цены на промышленные изделия, твердые нормы накладных расходов для каждого типа торговой сети. Однако эти нормы регулирования не достигли цели ввиду сопротивления рынка и инерции многостепенного и неумелого торгового аппарата. Розничная цена на промышленные изделия чрезмерно высока. Все старания государства снизить цены дают весьма медленный и небольшой эффект, так как встречают сопротивление бюрократического аппарата, но главная причина неудачи в состоянии рыночной конъюнктуры: спрос велик, предложение мало. Несколько иначе складывается конъюнктура цен на хлеб и на сельскохозяйственные продукты. Под давлением почти монополиста по заготовке — государства цены на сельскохозяйственные продукты стоят на уровне значительно более низком, чем промышленные изделия. Давлением налогов, нуждою в промышленных изделиях, принудительными денежными займами государство

* Формально твердые цены существуют лишь на небольшое число товаров, на остальные же государство устанавливает так называемые директивные цены, но они ничем, по существу, не отличаются от твердых цен.

заставляет крестьянство продавать ему хлеб, мясо, лен, масло, яйца, шерсть и т. д. по ценам, установленным государством. Неэквивалентный обмен между промышленными изделиями и сельскохозяйственными продуктами сделался обычным явлением в стране. Он отражает определенную политику советской власти, политику, направленную на скорейшую индустриализацию страны за счет крестьянского накопления*. Принудительные цены при сдаче продукта государству вызывают резкие колебания в ценах на сельскохозяйственные продукты во времени и по районам. Пока крестьянство уплачивает налоги и приобретает необходимые промизделия, цены на сельскохозяйственные продукты стоят на низком уровне; к весне, когда налоги уплачены, цены значительно повышаются. В районах потребляющих цены стоят всегда более высокие, чем в производящих районах. Цены, по которым крестьяне продают свои продукты на базарах потребителю, выше, чем заготовительные цены. Ко всему этому присоединяется сложность установления правильных эквивалентов между ценами на различные сельскохозяйственные продукты. Снижение цен на технические культуры (лен, табак, хлопок) по сравнению с зерновыми обусловило уменьшение посевной площади под первыми в 1926/27 г., а обратная ошибка в 1927/28 г. способствовала падению посевов пшеницы и ячменя. Такие же явления происходят и по отношению к ценам на мясо, масло, яйца, кожу. Один из работников Наркомторга, Н. Виноградский, признает, что эти колебания посевных площадей и товарности были вызваны «резким снижением цен или просто грубыми ошибками регулирующих органов». Он указывает, что это влияние с особой силой сказывалось по отношению к товарам, заготовка которых государством монополизирована в полной мере**.

Не дается государству и его попытка сблизить лез-

* Один из директоров банка, проф. Каценеленбаум, в книге «Индустриализация хозяйства и задачи кредита в СССР» пишет: «Бюджетная и промышленная политика СССР (большие внутрипромышленные накопления) неизбежно вызывает повышение товарных цен. При таких условиях ставить себе задачей снижение цен, по существу, нельзя».

** Виноградский Н. Система и практика регулирования торговли. С. 41.

вия «ножниц». Мероприятия, направленные на снижение промышленных цен, дают малый эффект ввиду дороговизны всей производственно-торговой системы, а цены на сельскохозяйственные продукты государство существенно поднять не может, так как это идет вразрез со всей хозяйственной политикой советской власти.

В середине 1928 г. — 19 июля — после банкротства «левого курса» советская власть была вынуждена признать неправильной свою политику низких цен на сельскохозяйственные продукты и особым декретом постановила повысить эти цены в среднем на 10—15 %, с колебаниями в зависимости от качества и района. Этот шаг навстречу крестьянству был большой уступкой. Но она в значительной мере была обесценена тем, что советская власть в этом же самом постановлении обещала «продолжать наступление на капиталистические элементы деревни». <...>

Основную причину повышения цен следует искать в общем расстройстве народного хозяйства СССР в конце 1928 г., в первую очередь в отчетливо выяснившейся инфляции.

Одна из причин неудачи регулирования Наркомторгом лежит в том, что Наркомторг ставит себе всеобъемлющую задачу: охватить своим регулированием и даже самостоятельным снабжением все товары. На совещании при ВЦСПС, созванном в середине июля 1928 г. в связи с переживаемыми промышленными городами серьезными затруднениями с продовольствием, все делегаты настойчиво подчеркивали именно это обстоятельство. «Перерегулировали», «нужно отказаться от регулирования продажи огородником овощей или молочницей молока», «Наркомторг взял на себя непосильную задачу снабдить всех всем», «административный восторг» — эти мнения были общими для всех рабочих делегатов.

Из стремления объять необъятное НКТ необходимой, особенно в советских условиях, задачу государственного регулирования торговли заменил безнадёжной политикой монополизации государством всей торговли.

БОРЬБА С ЧАСТНЫМ ТОРГОВЦЕМ

Хотя одним из основных моментов нэпа является отступление именно в области торговли — допущение свободной частной торговли, однако все годы нэпа политика советской власти по отношению к частной торговле терпит зигзаги, проявляет колебания и уклоны в сторону методов «военного коммунизма».

В первые годы нэпа частный капитал устремился в торговлю, и к концу 1923 г., по данным НКФ, в руках частного капитала было 84 % всех розничных, 50,4 % оптово-розничных и свыше 20 % всех оптовых предприятий. Несмотря на ничтожные размеры среднего оборота торговой единицы, общий оборот частной торговли достиг 63,8 % всего учитываемого товарооборота страны*. Почти весь внутридеревенский оборот был в руках частника. Государственная торговля оказалась отброшена на вторые позиции пронырливым цепким спекулянт-торговцем.

«Мелкобуржуазная стихия подмывает советские устои», — предостерегающе писали советские экономисты.

XII съезд РКП (1923 г., 7 апреля) постановил «считать важнейшей задачей в течение ближайшего года занятие господствующей позиции на фронте торговли. Частный капитал должен быть заменен кооперацией».

Вспомнили, что Ленин призывал коммунистов идти учиться «хорошо торговать» у частных купцов, ставя своею целью «ухватиться за торговое звено», чтобы в ближайшем будущем овладеть всей цепью. Правда, в принципе вытеснение должно было происходить не путем административного нажима, а путем борьбы с частником на рынке, но на практике немедленно после XII съезда частник испытал первую полосу гонений.

Повсеместно частника старательно арестовывали, высылали, отбирали имущество. В качестве мер экономического порядка специальной инструкцией было предписано: одним трестам совершенно прекратить

* Воробьев Н. А. Состояние торговли СССР // Вестник промышленности и торговли. 1924. № 4.

продажу товара частным торговцам, другим — продавать лишь розничникам, третьим — продавать частным торговцам лишь неходкие избыточные сорта товаров. Банкам было предложено прекратить совершенно кредитование частника, железным дорогам — предоставлять вагоны частным торговцам лишь в порядке последней очереди. Были разработаны очень высокие и разнообразные ставки налогов на частную торговлю. <...>

Размеры частной торговли удалось быстро снизить. Но ненадолго! Очень скоро частный торговец приспособился к новой обстановке, проник во все щели, научился маскировке и мимикрии. Упорно и цепко он стал отстаивать свое «право на прибыль». Недаром свой деловой закал, а иногда и капитал новый советский купец получил в период «военного коммунизма» и гражданской войны. Оптовые торговцы быстро распылили свой аппарат. Формально числясь розничниками, они по различным патентам нескольких десятков лиц стали забирать товар в количестве не меньше прежнего. Они организовали целую армию своих агентов, которые, дежуря у розничных магазинов трестов, стали скупать товар, нужный оптовику. Вытесненный частично из города, частник бросил часть своих капиталов и сил на заготовку хлеба, скота, мяса, масла, льна, кожи, шерсти и прочего сельскохозяйственного сырья. Между деревенским кулаком-скупщиком и городским частником установилась самая тесная связь. Часть своих оборотов в городе, а особенно в деревне, частник научился скрывать от учета и обложения. Постепенно частник стал вновь играть заметную роль в обороте страны.

Во второй раз административная борьба против частника приняла острые формы в конце 1925 г., в третий раз — в конце 1926 г. и в четвертый раз, при общем повороте налево, — в начале 1928 г. Административный нажим, конечно, дает непосредственно победный эффект. Удельное значение частника и в оптовой и в розничной торговле каждый раз удается снизить, но каждый раз официальным органам приходится вскоре констатировать, что вытеснить частника удалось, но заместить его хозяйственно полезную функцию проводника товаров не удалось ни кооперации, ни госрознице.

По официальным данным, удельное значение частной торговли в общем товарообороте страны определяется следующими цифрами:

1922/23 г.	64,8%
1923/24 г.	40%
1924/25 г.	26,3%
1925/26 г.	23,7%
1926/27 г.	18,1%

В 1927/28 г. в период «левого курса» удалось еще более уменьшить роль частного торговца — до 9,8 %. В оптовой торговле доля частной торговли упала до 4%, а в розничной — до 23,4% *. В РСФСР с 1926/27 по 1927/28 г. число частных торговых заведений сократилось до 42,2 %, причем главным образом за счет оптовой и оптово-розничной торговли. Однако по данным, приведенным председателем ВЦСПС Томским (Правда. 14 июля 1928 г.), закрылись под влиянием административного и налогового нажима за 8 месяцев «левого курса» 103 000 частных лавок, а вновь было открыто кооперацией лишь 4000 **. «Сомнительно,— отмечает справедливо Томский,— чтоб каждая вновь открывшаяся кооперативная лавка заместила 20—25 частных лавок. Это одна из тех побед, когда враг позиции оставил, но победитель их не занял».

Торговая сеть СССР вообще невелика, при этом главная тяжесть розничного товарооборота ложится на мелкие лавки с ничтожным оборотом.

В 1926/27 г. было в СССР всего торговых предприятий 646 тыс., в то время как в 1912 г. на той же территории было 1011 тыс. предприятий, т. е. торговая сеть не достигла 65 % довоенной. Одно торговое предприятие в настоящее время должно в среднем обслуживать район в 32 кв. км или 225 человек населения. Особенно плохо обслуживается в торговом отношении население сельских местностей, где в среднем одна лавка приходится на 511 человек, а имеются

* Гринько Г. О. О контрольных цифрах на 1928/29 г. // Плановое хозяйство. 1928. № 9.

** Последние данные НКФ СССР о выборке первых 4 разрядов патентов показывают, что число закрытых в 1927/28 г. частных торгово-розничных предприятий достигло к 1 ноября 1928 г. 182 546 единиц (Правда. 19 декабря 1928 г.).

районы, получившие название торговых пустынь, обслуживаемые только базарами и разносной торговлей.

Недостаток торговой сети очень болезненно отражается на населении, но, кроме того, искусственно уменьшает емкость рынка. «Недостаточность торговой сети в СССР единодушно признается одним из коренных зол современной организации советской торговли», — пишет советский экономист В. Канторович *, из работы которого о советской торговле мы взяли вышеприведенные цифры. При такой бедности торговой сети гонения на частника отрицательно отражаются на всей экономике СССР. Экономическое вытеснение частной торговли и замещение ее функций хорошо организованной кооперацией — явление с точки зрения народнохозяйственной лишь положительное. Но русская действительность дает совершенно иную, весьма уродливую картину.

Если, как мы показали выше, существующий торговый аппарат всех категорий (государственный, кооперативный, частный) мал, редок и не в состоянии обслужить нужды населения, а государство, в свою очередь, не в состоянии быстро расширить свою сеть, то никакими разумными соображениями нельзя мотивировать стремление советской власти сжать размеры частной торговли, не останавливаясь даже перед мерами насилия.

В результате торговое обслуживание деревни еще более ухудшилось. Район, обслуживаемый одной лавкой, увеличился на 60 %, недостаток товаров в деревне обострился. В городе, где в руках частника находится торговля мясом на 60 %, овощами на 75 %, яйцами на 83 % и молоком на 95 %, уменьшение частной торговли значительно ухудшает условия снабжения потребителя. Размеры торговых оборотов каждый раз после «стрижки шерсти у частника» падают и доходы фискальных учреждений сжимаются. Но что хуже всего, частный капитал уходит в подполье, на тайные торговые **, а еще чаще спекулятивно-валютные операции.

* Канторович В. Некоторые вопросы торгового аппарата СССР // Социалистическое хозяйство. 1928. № 3.

** «Частная торговля почти начисто отрезана от легальных источников снабжения продукцией государственной промышленности!» (Канторович В. Указ. соч.)

СОВЕТСКАЯ КООПЕРАЦИЯ

Советская кооперация носит своеобразный характер. Во все времена и во всех странах кооперация считает своей основной задачей самоорганизацию потребителя и пробуждение в нем самостоятельности. Вся хозяйственная деятельность европейской кооперации проникнута общественным духом. Кооперация не только торгует, но и выполняет социальные и культурные задания. В советской России свободной, самостоятельной кооперации не существует. До конца 1923 г. советская власть даже не допускала существования добровольных потребительских обществ. Все рабочие завода или трудящиеся района принудительно, согласно декрету, приписывались к соответствующему потребительскому обществу. В большинстве случаев членские взносы механически перечислялись из кассы завода (учреждения) в кассу кооператива. С целью оживить кооперацию советская власть дважды (28 декабря 1923 г., а затем 20 мая 1924 г.) в декретах о кооперации формально признала принцип добровольного членства. Но и по сей день на практике полной добровольности членства не существует. Вопрос о зачислении в рабочий кооператив решается часто голосованием на общем собрании завода кучкою коммунистов при пассивном отношении остальных.

В деревнях осуществлять принудительное зачисление в кооперативы несколько труднее. Однако и в деревне административное воздействие при записи в кооператив играет большую роль. Народный комиссар земледелия М. Смирнов еще в 1926 г. вынужден был признать, что, объезжая юго-восток России, он повсеместно установил принудительную запись в потребительские общества при выдаче государственных пособий и ссуд.

Современные советские кооперативы — не продукт самостоятельности, активности масс потребителя. Они реорганизованы государственной властью из принудительных потребительских коммун, осуществлявших в первые годы советской власти карточную раздачу продуктов питания и предметов широкого потребления.

Ввиду вышеуказанных причин число членов коопе-

рации формально очень велико. Оно достигло почти 12 млн в годы «военного коммунизма», упало в годы, когда принудительность членства ослабела, и вновь растет начиная с 1925 г., так как только участие в кооперативе создает возможность получения необходимых продуктов. По данным Центросоюза:

Год	Потребительские общества	Лавки	Члены
1918	47 000	63 200	11 500 000
1923	19 085	25 400	7 600 000
1924	22 621	37 129	7 133 000
1925	25 625	51 458	9 436 600
1926	28 658	62 736	12 462 000
1927	28 614	71 143	15 073 000
1928	28 620	85 000	22 581 000

Кроме потребительской кооперации в СССР существует и сельскохозяйственная кооперация (кредитные, машинные, семенные, животноводческие, табаководческие и проч. товарищества), объединяющая к 1928 г. 7,5 млн крестьян, и промыслово-кустарная кооперация (сбытовая, заготовительная и снабженческая) — 11 862 кооператива, объединяющих 1150 тыс. членов.

В общем к 1927/28 г. все виды кооперации представляют собой громадный аппарат, объединяющий до 60 % всех организованных в профсоюзы рабочих и 40 % крестьянских дворов.

В большинстве случаев участие в кооперативных организациях носит исключительно формальный характер, а побудительными причинами являются исключительно соображения материально-коммерческого характера. Это участие ничем не отличается от обычных операций по купле-продаже с государственной или частной организацией.

Число активных членов, принимающих участие в работе своего кооператива, по свидетельству самих советских кооператоров, очень невелико. Очень слаба связь кооперации с обслуживаемым ею потребителем. Это одно из самых слабых мест советской кооперации. Кооперативные органы лишь номинально выборные.

Все кандидатуры в местные и центральные органы кооперации предлагаются коммунистическими фрак-

циями и избираются обязательно открытым голосованием целых списков без всякого обсуждения кандидатов. Не только ни одна партия, но даже ни одна оппозиционная кооперативная группа в силу общих политических условий не имеют возможности выставить своего списка; беспартийные избираются только по предложению коммунистов из числа так называемых «честных» беспартийных. Чем выше кооперативный орган, тем больше в нем влияния коммунистов. По данным 1927 г., коммунистов в правлениях первичных кооперативов было 15 %, в районных союзах — 40 %, в областных союзах — 65 %, в Центросоюзе — 90 %.

Из кооперативных организаций изгнаны все независимые кооперативные работники. После краха «военного коммунизма», возлагая большие надежды на кооперацию, Ленин писал: «Кооперация с верностью химических законов выделяет меньшевиков и социал-революционеров, поэтому, используя кооперацию, нужно изгнать из нее социалистов и крепко держать их под замком». Арестами, высылками коммунисты «очистили» кооперацию от всех старых независимых деятелей общегражданской и рабочей кооперации, изгнали из кооперации и местного испытанного кооперативного работника, годами приобретающего кооперативный опыт, относившегося к кооперативной работе, как к общественному служению. Вместо них в кооперацию пошел, по мнению самих коммунистов, элемент, ей чуждый: среди них немало бывших мелких торговцев, царских чиновников и мешочников периода гражданской войны *.

Советская кооперация находится в прямой зависимости от государства и в административном и финансовом отношении. Обеспечив за собой руководящую роль в кооперативных организациях, государство возложило на них исполнение своих заданий, часто извращающих, как видно из дальнейшего, самое существо кооперативной работы. Кооперативы не имеют своей коллективной воли, воли своих членов: ее действия нормируются, регулируются Комиссариатом торговли, Госпланом и прочими государственными органами.

* Правда. 27 сентября 1924 г.; Правда. 22 декабря 1928 г.

В 1926 г. это вынуждены были признать сами коммунисты. «Правда» указывает, что «выявился ряд ошибок в методах регулирования работы кооперации государственными органами. Кооперация была целиком приравнена к государственным организациям, на нее возложены были обязанности закупки и поставок на условиях, предписываемых ей государством. Таким путем был уничтожен свободный характер кооперации, так как она нередко, чтобы выполнить предписания государства, была вынуждена распоряжаться своим имуществом к невыгоде своих членов» (Правда. 30 декабря 1926 г.) Но и после этого признания положение осталось старое, на что указал в своей речи Рыков на пленуме ЦК в июле 1928 г. Выполняя возложенные на нее государством задачи — стать главным торговым проводником промышленных товаров в деревню и главным скупщиком сельскохозяйственных продуктов для городского населения, промышленности и экспорта, — кооперация, естественно, имеет громадные обороты.

Обороты всех видов кооперации

1924/25 г.	5	231 млн червонных рублей
1925/26 г.	9	626 млн червонных рублей
1926/27 г.	13	780 млн червонных рублей

В 1927 / 28 г. обороты кооперации, по предположениям, достигнут 14,5 млрд руб., из которых на долю потребительской кооперации приходится около 12 млрд. Обороты кооперации в 1927 / 28 г. достигнут 50,5% всех торговых оборотов страны по оптовой торговле и 54,3% по розничной. Но такие громадные обороты оказались возможны лишь потому, что кооперация работает на средства государства и по его директивам.

Одно из слабых мест советской кооперации — это недостаток собственных средств. В 1926 / 27 г. в балансе Центросоюза свои средства едва достигли 6,3% всех капиталов. В 1927/28 г. размеры несколько увеличились и достигают 9,8 %. В низшей же сети они еще меньше и равняются 5,2 %. Зависимость кооперации от субсидии и кредитов государства по-прежнему остается решающим фактором.

Постоянная финансовая помощь государства, однако, не поставила кооперацию на ноги. Государство

неоднократно вынуждено было спасать кооперативные организации от банкротства. Кооперативные векселя не оплачиваются в срок. Высшие советские органы осаждаются кооперативными организациями, ходатайствующими о субсидии.

Потребительская кооперация плохо обслуживает нужды своих членов — трудовых масс города и деревни, сельскохозяйственная — крестьян-производителей. Рабочая кооперация работает формально, чиновничьи. Сельская кооперативная сеть очень редка: имеются громадные районы, где одна кооперативная лавка обслуживает 10 селений и до нее надо ходить за 10 верст.

Как общее правило, кооперация торгует всего на 5—10 % дешевле частной торговли, но у кооперации очень часто нет в наличии самых ходких и самых нужных товаров. Товар, закупаемый Центросоюзом у государственных трестов и синдикатов, движется по всей кооперативной сети и, проходя через 4—5 звеньев, все дорожает, обрастая крупными накидками к первоначальной цене. Центросоюз накладывает в среднем 6—10 %, облсоюз — 5—7 %, райсоюз — 8—10 %, а низшее звено кооперации — городские или сельские общества — 15—20%. Немало установлено случаев, когда кооперация торгует даже дороже частной торговли *. Ассортимент товара рассчитан не на массового потребителя, а на «выгодного покупателя» **. «Кооперация увлекается накоплением капиталов, использованием конъюнктуры рынка ***, т. е. попросту спекулятивной скупкой и продажей товаров, часто совсем ненужных ей». «Деятельность кооперации проникнута коммерческим духом», в «методах работы Центросоюза мало общественного духа» и т. д. ****

Также далека от защиты интересов своих членов и сельскохозяйственная кооперация. Она очень деятельно участвует в снижении цен на хлеб, исполняя волю своего хозяина, экспортирующего хлеб, — государства. В последние месяцы 1924 г., когда определился голод в некоторых районах России, ряд кооперативных организаций принимал участие в скупке

* Торгово-промышленная газета. 17 июня 1928 г.

** Экономическая жизнь. 26 февраля 1927 г.

*** Союз потребителей. № 13—14.

**** Экономическая жизнь. 18 июля 1928 г. «В телескоп не увидишь разницу между простой лавкой и кооперацией» (Речь Бухарина. Правда. 2 декабря 1928 г.)

скота, шерсти и льна, за гроши продаваемых крестьянством, охваченным паникой.

Когда из-за недостатка хлеба в стране цены на него поднимаются, кооперация вместе с другими государственными органами заставляет крестьянство продавать хлеб и сельскохозяйственное сырье по низким лимитным ценам (ниже цен воспроизводства). Создалось своеобразное положение, когда крестьянин ищет защиты от кооперации-скупщика у частного торговца, платящего значительно более высокие цены *.

Летом 1928 г., когда определился недостаток хлеба и муки на рынке, ряд рабочих кооперативов (например, Мальцевский, Бежецкий, Златоустенский) продали частным торговцам по повышенной цене имеющиеся у них запасы хлеба в количестве нескольких сот тысяч пудов **.

В переживаемую СССР полосу хищнического первоначального накопления кооперация могла бы сыграть громадную хозяйственную и общественную роль. Но и в этой области, как и во многих других, экономические возможности, созданные нэпом, упираются в политические условия советской России. Кооперация не может быть создана «благосклонно настроенным диктатором», она продукт творчества коллектива, она должна опираться на самодеятельность масс. В бесправной стране нет условий для общественного строительства.

И в царской России кооперация стала развиваться только после того, как произвол был несколько смягчен и вмешательство во внутреннюю жизнь кооперации ослаблено.

В настоящее время в СССР имеется разветвленный, с громадными оборотами торговый аппарат, носящий вывеску кооперации, но по своей сущности, по своей структуре и принципам не имеющий ничего общего с кооперацией, а являющийся параллельной государственной торговой организацией и поэтому страдающий всеми пороками государственного бюрократизма.

* Экономическая жизнь. 8 августа 1927 г.

** Там же. 15 июня 1928 г.

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ, ТОРГОВЫЕ ДОГОВОРЫ, КОНЦЕССИИ

СОСТОЯНИЕ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

Внешняя торговля довоенной России своей структурой и своими размерами отражала отсталость народного хозяйства.

В 1913 г. весь оборот внешней торговли России составлял 3,8 % общего оборота мировой внешней торговли и равнялся лишь 2894 млн руб. Если исчислить долю экспорта и импорта товаров по отношению ко всей продукции страны (в границах Советского Союза), то в 1913 г. ввоз России составлял около 7 % всей внутренней продукции, а вывоз — около 6 %.

Внешний товарооборот в млн руб. (в пределах старой России) составлял:

Период	Вывоз	Ввоз	Баланс
	в среднем в год		
1901 — 1905 гг.	941,1	637,2	303,9
1906 — 1910 гг.	1204,6	910,3	294,3
1911 — 1913 гг. *	1543,8	1235,8	308

* В пределах современного СССР в 1913 г. экспорт был равен 1350 млн руб., а импорт — 970 млн руб.

Обороты внешней торговли в предвоенные годы быстро возрастали, причем торговый баланс все время оставался неизменно активен и в среднем в последние 10—15 лет равнялся около 300 млн руб. ежегодно.

Промышленная отсталость страны и преобладание в ней аграрного производства в полной мере отразились на характере довоенной внешней торговли. Вывоз строился преимущественно на вывозе зерна, леса, кожи, льна и других сельскохозяйственных продуктов, притом в сыром, непереработанном виде; 35 % всего мирового вывоза главнейших зерновых хлебов в период 1908—1912 гг. приходилось на вывоз из России. Ввоз состоял преимущественно из промышленных материалов, промышленного и технического оборудования и готовых технических изделий.

В отношении производства машин, станков, двигателей, технических приборов Россия была в полной зависимости от заграничного рынка. Значительная часть сырья, вывозимая из России (кожа, лес, железная руда, пушнина, кишки и даже зерно), возвращалась затем в Россию после переработки за границей в виде готовых изделий. Подобное строение экспорта и импорта объяснялось малой индустриализацией довоенного строя России, но оно, в свою очередь, задерживающе действовало на темп промышленного развития страны.

Мировая война, а затем интервенция иностранных государств и гражданская война свели размеры внешней торговли России к совершенно ничтожной величине. В 1919/20 г. оборот внешней торговли был в 77 раз меньше, чем до войны.

С 1922 г. началось возрождение внешней торговли, но подъем совершается очень медленным темпом. Экспорт и импорт СССР, по официальным данным ЦСУ, выражается в следующих цифрах:

Годы	Экспорт	Импорт	Оборот
	в млн довоенных руб.		
1913 *	1350	970	2320
1920/21	20	208	228
1921/22	64,5	270	334,5
1922/23	133,2	147,8	281
1923/24	369,1	233,5	602,6
1924/25	370,8	411,5	782,3
1925/26	470,6	464,5	935,1
1926/27	558	497,4	1055,4
1927/28	444,7	573,4	1018,1

* В пределах современного СССР.

По отношению к 1913 г. весь оборот 1927/28 г. равнялся лишь 44 %. Удельный вес России в общем мировом товарообороте составлял в 1927/28 г. лишь 1,5 %.

Интересно отметить, что внешняя торговля современной России по своим размерам стоит ниже, например, внешней торговли Дании, Швеции или Швейцарии.

По структуре своей экспорт СССР также несколько изменился по сравнению с довоенным временем.

Распределение вывоза показывает следующая таблица *.

Показатель	1913 г.	1926/27 г	1927/28 г
	в процентах ко всей стоимости экспорта		
Зерно и фураж	45	30,2	5,4
Масло	4,7	5,1	6,2
Яйца	5,9	4,3	6,7
Птица	0,4	1	1,7
Лен и конопля	7,7	2,8	3,3
Щетина	0,6	1	1
Кишки	0,7	1,4	1,7
Пушнина	1,1	11,8	17,9
Сельскохозяйственные продукты	8,6	10	14
Всего сельскохозяйственных продуктов	74,7	67,6	57,6
Лесные материалы	11,4	10,4	12,6
Нефтяные продукты	3,4	12,2	15,4
Марганец	1,3	3,6	2,2
Прочие промышленные продукты	9,2	6,2	12,2
Всего промышленных продуктов	25,3	32,4	42,4
Весь экспорт	100	100	100

По-прежнему чрезвычайно крупную роль играет экспорт сельскохозяйственных продуктов, но доля его значительно понизилась: в 1913 г.— 74,7 % всего экспорта, в 1924/25 г.— 53,2 %, в 1925/26 г.— 62 %, в 1926/27 г.— 67 %, в 1927/28 г.— 57,6 %. Особенно понизилась доля зерновых хлебов, главным образом пшеницы и ячменя. Объясняется это явление многими обстоятельствами. Главные из них: пониженная товарность современного сельского хозяйства; увеличение душевого и общего потребления сельскохозяйственных продуктов в стране, притом за счет главным образом экспортной культуры — пшеницы; недовосстановленность посевных площадей и сборов по товарным культурам, пшенице и ячменю.

* Таблица составлена на основании данных «Энциклопедии советского экспорта» (Изд-во НКТ) и «Конъюнктурного обзора внешней торговли» (Экономическая жизнь. 30 октября 1928 г.).

Экспорт хлеба по отдельным культурам выражается в следующих цифрах (в тыс. т):

Год	Всего зернового хлеба	В том числе			
		пшеница	рожь	ячмень	овес
1913	9583,4	3329	646,5	3926	599,5
1924/25	598,7	167,4	72,1	199,1	3,3
1925/26	2068,6	737,1	158,3	836	22,8
1926/27	2177,6	1198,5	417,4	262,2	66
1927/28	410,6	данных нет			

По техническим культурам экспорт дает ломаную кривую. Лен в 1925/26 г. достиг 23 % довоенного уровня, в 1927/28 г. — лишь 14 %, масло семян в 1924/25 г. — 60%, в 1925/26 г. — 44%, а в 1926/27 г. — 10% довоенного уровня. Вывоз растительного масла в 1925/26 г. достиг 400 %, а в 1926/27 г. — лишь 50 % довоенного уровня.

Не достигли еще довоенного уровня экспорт масла (40 %), яиц (26 %), мяса, птицы и дичи (49 %).

Промышленный экспорт по некоторым группам товаров превысил довоенные размеры, по другим еще очень далек от них.

Показатель	1913 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
	в млн руб				
Лесопродукты	165	70,5	72,5	58,2	79,7
Нефтепродукты	50	37,3	66,6	76	89,2
Марганцевая руда	14,5	14,3	17,8	21,2	24
Сахар	27	6,5	13,9	18,9	31,1

В 1926/27 г. и 1927/28 г. под влиянием значительного снижения экспорта хлеба органы советской власти начинают усиленно стимулировать экспорт второстепенных продуктов: икры, птицы, пера, пуха, рогов, копыт, костей, фруктов, грибов, ягоды и проч.

В первые годы нэпа в импорте играли большую роль

Показатель	1913 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
	в процентах к стоимости всего импорта			
Машины и орудия промышленного производства	14	7,4	12	21
Сырье, полуфабрикаты и вспомогательные материалы	40,8	50,9	56,5	62,3
Материалы и изделия для сельскохозяйственного производства	5,1	6,2	8,5	5,9
Материалы для транспорта	2,1	3,3	3,4	2,4
Топливо	7,4	0,1	0,6	0,9
Предметы и изделия широкого потребления	23,3	28,5	13,5	4,9
Предметы и принадлежности гигиены, медицины и санитарии	1,2	1,8	1,9	0,8
Предметы роскоши	5,4	0,1	0,1	0
Прочие товары	0,7	1,7	3,5	1,8
Всего	100	100	100	100

продукты широкого потребления. Начиная с 1925/26 г. доминирующую роль начинает играть ввоз сырья и орудий производства.

Предварительные данные о структуре импорта в 1927/28 г. показывают, что еще более возросло удельное значение импорта машин, сырья и полуфабрикатов (81,6 % всего импорта), но одновременно за счет других импортируемых товаров возрос и импорт предметов и продуктов широкого потребления (11,7 % всего импорта).

По удельному весу во внешнем товарообороте СССР отдельные государства распределяются следующим образом:

Предварительные данные по внешней торговле за 1927/28 г. дают несколько измененную картину: на первом месте по экспорту стоит Германия, которая ввозит 28,8 % всего русского экспорта, затем Англия — 22,9 %, Латвия — 13,3 %, Франция — 6,4 %, США — 3,5 %, по импорту в советскую Россию ввозится из Германии — 29,8 %, из Америки — 21,3 %, из Англии — 5,5 %.

Несмотря на все старания советского государства развить экспорт промышленных изделий и второстепенных сельскохозяйственных продуктов и сжать импорт, значительное уменьшение экспорта зерновых хлебов и нужда промышленности в импорте сырья и машин не дают возможности обеспечить стране активный торговый баланс.

Баланс по внешней торговле по годам определяется следующими цифрами (в млн руб. соответствующего года):

Показатель	1913 г	1923/24 г.	1924/25 г	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г *
Экспорт	1 520,1	523,4	575,2	676,6	770,5	636,1
Импорт	1 374	430,2	723,5	756,3	712,7	820,1
Баланс	+ 146,1	+ 93,2	- 148,3	- 79,7	+ 57,8	- 184
(актив + ; пассив -)						

* Данные предварительные.

Из пяти лет, протекших после восстановления внешней торговли, лишь два года имели активный баланс.

Размеры внешней торговли в первые месяцы советской власти были столь малы (была открыта лишь граница с Финляндией), что к радикальной реорганизации внешней торговли советская власть приступила лишь в 1918 г.: 22 апреля 1918 г. СНК издал декрет о полной национализации внешней торговли. Но до начала 1920 г. этот декрет оставался лишь декларированием государственной монополии внешней торговли. Лишь после 2 февраля 1920 г., когда советская Россия подписала первый мирный договор с Эстонией, торговые сношения России с мировым рынком несколько выросли.

В 1920 г. торговые сношения имеются главным образом с Эстонией, Турцией и Персией. С 1921 г. советская Россия стремится установить экономические

отношения, а затем и заключить торговые соглашения и договоры с другими государствами мира. Первое торговое соглашение СССР заключено 16 марта 1921 г. с Англией. В этом же году были заключены договоры с Турцией и Персией. 16 апреля 1922 г. был подписан общий договор с Германией (Рапалло), заключающий и ряд экономических статей. В том же 1922 г. советская Россия возобновила торговые отношения с Голландией, Швецией, Францией и Италией.

К 1927 г. СССР имеет торговые договоры с Германией *, Турцией, Персией, Швецией, Италией, Норвегией, Латвией, Грецией, Финляндией, Эстонией, Польшей, Литвой, Чехословакией, Австрией, Данией, Китаем и Японией.

Торговое соглашение с Англией в 1925 г. предполагало заменить вновь выработанным торговым договором, но ввиду падения рабочего министерства Макдональда договор не был ратифицирован. В 1927 г. произошел разрыв англо-советских отношений, очень сильно отразившийся на торговых операциях СССР с Англией. В 1928 г. окончился срок договора с Грецией, которая отказалась его возобновить.

Из европейских стран СССР еще не имеет торговых договоров с Францией (хотя формальное признание СССР Францией произошло еще в 1924 г.), Бельгией, Голландией, Югославией, Испанией, Португалией, Болгарией, Румынией, Швейцарией и Венгрией. Соединенные Штаты хотя до сих пор не признали СССР и не имеют с ним оформленного торгового договора, но с 1927 г. имеют с СССР хотя и медленно, но все же развивающиеся торговые операции.

Больше внимания СССР обращает на развитие своих торговых отношений со странами Востока: Персией, Турцией, Китаем, Афганистаном. Здесь играют роль

* Торговый договор с Германией был заключен 12 октября 1925 г. В 1928 г. по предложению германского правительства начались переговоры об изменении договора. После долгих совещаний 21 декабря 1928 г. было подписано советско-германское соглашение, которое после ряда декларативных, имеющих политический характер заявлений вносит в договор некоторые изменения и разъяснения, касающиеся прав немецких граждан на въезд и выезд из СССР, смягчения таможенных формальностей, обслуживания внешней торговли СССР германским коммерческим флотом, облегчения работы германских концессионеров и т. п. Все крупные вопросы остались неразрешенными, и переговоры по ним отложены...

раньше всего политические соображения, но также и возможность экспортировать в эти страны свои промышленные товары. Общий баланс торговли СССР со странами Востока активен, хотя и весьма незначительно.

Внешняя торговля России с другими странами построена на началах, необычных для капиталистических стран. Вся внешняя торговля национализирована. Заготовку и продажу экспортных и закупку импортных товаров осуществляет Народный комиссариат торговли (НКТ) либо непосредственно через свой торговый аппарат (Госторги — в СССР, торгпредства — за границей), или через небольшое число государственных экспортно-импортных обществ — Хлебоэкспорт, Лесоэкспорт, Нефтесиндикат, Текстильный синдикат и другие организации, которым это право предоставлено. Кроме того, право на внешнеторговые операции в пределах определенного плана имеют и кооперативные центры — Центросоюз, Сельскосоюз.

Все остальные государственные организации должны все свои операции по экспорту и импорту осуществлять через органы Внешторга, получив предварительно особую лицензию на право вывоза или ввоза потребного товара. На каждый товар НКТ устанавливает контингент, т. е. определенный размер ввоза или вывоза.

Существует в СССР и система обложения ввоза таможенными пошлинами. По инерции советская таможенная система ставит себе те же задачи, что и в капиталистических странах. Во-первых, высокими пошлинами увеличить цену товара и этим сберечь от конкуренции соответствующую отрасль внутри страны, во-вторых, дать государству крупный таможенный доход. Но эти цели при советской системе внешней торговли полностью достигаются и другими способами. Ввозимые государством товары передаются на реализацию соответствующему государственному синдикату или тресту (например, мануфактура — Текстильному синдикату, сельскохозяйственные машины — Сельмашу, электрические принадлежности — Электротресту и т. д.), которые устанавливают цены на импортные изделия с таким расчетом, чтобы обеспечить сбыт русской продукции и дать государству большой доход.

МОНОПОЛИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ И ИНТЕРЕСЫ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Русские коммунисты утверждают, что монополия внешней торговли — одно из основных и ценнейших завоеваний русской революции и что существование ее охраняет народное хозяйство России от расхищения и распада. Десять лет практики советской системы внешней торговли дают основания подвести некоторые итоги. Испытанию подверглись, конечно, не монополия внешней торговли как программа и принцип (...), а та конкретная система, которая действует в России и которая весьма далека в своей практике, например, от тех принципов монополии внешней торговли, которая намечается в программах многих социал-демократических партий.

Отказ от утопий немедленного коммунизма создал возможность возрождения хозяйства внутри страны, но утопическое упорство в сохранении системы внешней торговли искусственно задерживает этот процесс возрождения. Промышленность, сельское хозяйство, торговля, финансы — все имели свой радикальный нэп, не знала его только внешняя торговля.

Опыт показал, что государство оказывается не в состоянии только своим аппаратом и только за свой счет осуществить все разнообразные функции экспорта и импорта громадной страны. Раньше всего не хватает для этого оборотных средств. У государства не хватает средств для финансирования всей национализированной промышленности, внутренней и внешней торговли. Из-за недостатка средств государство оказывается не в состоянии закупить у крестьянина товарные излишки хлеба и прочее сельскохозяйственное сырье по выгодной для крестьянина цене, вызывая этим недовольство и задерживая восстановление крестьянского хозяйства. По этой же причине государство все время уменьшает размеры импорта.

Казенный, бюрократический, громадный по размерам, централизованный, пропитанный произволом, спекуляцией и коррупцией монопольный аппарат Внешторга еще более ухудшает практику советской внешней торговли. Допущенный к заготовке для внутреннего рынка частный торговец ухитрился в 1925 и 1926 гг. быстрым оборотом своего ничтожного по срав-

нению с государственным капиталом заготовлять до 25 % хлеба и до 30 % других видов сырья, причем платил крестьянину более высокую цену, чем государство. Государство систематически ввозит тракторы, плуги, косы, удобрение в количестве ниже спроса, предъявляемого крестьянством. Приходится сжимать импорт, указывают органы советской власти, потому что в стране нет в достаточном количестве валютных ценностей. В этом объяснении — яркое признание банкротства современной системы внешней торговли. Валюты нет у госторга, Центросоюза, Госбанка, нет у государства. Но она имеется у основного потребителя — у крестьянина. Крестьяне Северного Кавказа, заказавшие и не получившие манильского шпагата для сноповязалок, украинские хлебопашцы, получившие тракторы без запасных частей, сибирские крестьяне, оставшиеся без сепараторов, астраханские ловцы, сидящие без сетей, поморские звероловы без охотничьих снарядов и, наконец, крестьяне всей страны, получившие в 1927/28 г. лишь 50—60 % своей потребности в сельскохозяйственных машинах и мануфактуре, а металла лишь 32 % потребности, — все они обладают не просто «потребностью», а предъявляют вполне платежеспособный спрос. Они могут оплатить импортные товары валютными ценностями — хлебом, пушниной, маслом, рыбными продуктами и т. д.

То, что в довоенное время с громадными барышами выполняли многочисленные частные экспортные и импортные конторы и отделения иностранных фирм, теперь оказывается не по силам монополисту — советскому государству. Государство оказывается не в состоянии собрать у крестьянина имеющиеся у него валютные ценности в виде хлеба, сырья и прочих сельскохозяйственных продуктов и привести ему взамен потребные ему орудия. Но советское государство не только не пытается привлечь и направить в интересах хозяйства капиталы и энергию частных лиц, оно технически централизует все операции внешней торговли в руках одного монопольного органа, отстранив от этих задач даже непосредственно в них заинтересованные государственные органы. Государственные тресты, государственные торговые организации, государственные медицинские учреждения, муниципальные предприятия — все должны свои заказы делать только че-

рез органы Внешторга. Такое суженное понимание монополии внешней торговли, такая противоречащая всякому здравому смыслу попытка пропустить весь поток экспортных и импортных товаров через двери оперативного отдела Внешторга — является характернейшей чертой советской монополии.

Это делается во имя сохранения плана экспорта и импорта. Но вырабатываемый Внешторгом план при этих условиях оказывается фикцией. Рынок России был мало изучен и в довоенное время, теперь же, после потрясений последних лет, нет, конечно, никакой возможности выработать заранее и детально план и экспорта и импорта. Поэтому-то в 1924/25 и 1927/28 гг. продолжали вывозить хлеб уже тогда, когда определился в стране неурожай, а затем спешно пришлось ввозить хлеб из Англии, Германии и Америки, при голоде в стране на лен, сахар, масло эти продукты из страны энергично экспортируются. Промышленные и сельскохозяйственные машины, полуфабрикаты ввозятся не в том количестве и не те, которые требуются. Машины и станки для вновь построенных заводов или для целей капитального переоборудования заказываются по старым чертежам и спецификации, без учета новейших технических достижений.

Трудно представить себе что-либо более бюрократическое, чем положение, при котором на каждую машину, на каждую запасную часть к машине необходимо получить особую лицензию. Аппарат Внешторга загружен рассмотрением мелких требований на импорт, а внутри страны заводы сокращают свою работу из-за того, что своевременно не получили лицензию на нужные им машинные части.

Но не менее болезненно отражается на народном хозяйстве проводимая коммунистами идея «советского промышленного протекционизма». Интересы русской промышленности, экономически и технически чрезвычайно ослабленной, размеры и характер русской безработицы, естественно, требуют на ближайшее время политики некоторого протекционизма. Особенно это необходимо в условиях, когда даже сельские промышленные страны охраняют свои границы пошлинами и в то же время ведут бешеную борьбу за рынки. Но эту правильно поставленную задачу большевики своею обычною прямолинейностью довели до абсурда.

Можно считать временно вынужденной политику, которая ставит своей задачей впредь до укрепления и рационализации обереечь от конкуренции те основные производства, которые уже существуют в стране и которые производят продукты по цене хотя и более дорогой, но все же доступной массам населения. Но в России не пускают в страну в достаточном количестве иностранные машины, станки, инструменты, необходимые для русских заводов, только потому, что в какой-нибудь из комиссий еще только решено переоборудовать для этого производства какой-либо завод.

При этом совершенно не учитывается ни когда будет произведена в России нужная машина, ни как отразится на ее цене тот факт, что для производства небольшого числа машин будет произведено специальное переоборудование. Например, переоборудование текстильных фабрик замедляется, потому что предварительно переоборудуют механические заводы для организации на них постройки текстильных машин. Для производства потребных для южных портов СССР 12 элеваторных кранов переоборудуют для этой цели совершенно неприспособленный завод. Заводы, имеющие станки определенных немецких и английских фирм, тщетно хлопочут о лицензиях для спешного заказа сработавшихся частей, а им отказывают, предлагая заказать на русском заводе. 30 % всех закупленных за границей для Донбасса врубовых машин не могут быть использованы для добычи угля, потому что отсутствует бронированный кабель и запасные части, которые решено изготовлять на русских заводах. В то же самое время механизация добычи угля считается основным условием индустриализации СССР.

Промышленный протекционизм на практике принял форму самоблокады, запретительной системы.

Экономическая наука давно и твердо установила, что система протекционизма только тогда оказывает поощряющее влияние на национальную промышленность, когда тарифные ставки или иная покровительственная система лишь умеренно охраняют изделия страны от конкуренции, стимулируя промышленность к удешевлению и к улучшению продукции. Запретительная система или высокие таможенные пошлины могут взрастить лишь рахитичную, безнадежно убыточную промышленность. Состояние ряда отраслей

русской промышленности в период царизма ярко доказывает эту мысль. Советская власть пошла именно по этому ошибочному пути: советская промышленность, охраняемая не только высокими пошлинами, но главным образом системой лицензий, наглухо запирающей границы, производит изделия очень дорого и плохие по качеству. Советское государство-монополист ставит на ввозимые товары цены на 10—30 % выше цен на соответствующие русские товары, несмотря на то, что цены на русские ткани на 238 % дороже, на металлические изделия на 250 % дороже зарубежных. Например, инспекция Наркомторга установила, что за мануфактуру и обувь, доставленную из-за границы, потребитель заплатил 345 % накладки *.

Конечно, в России в противоположность буржуазным странам система монополии не обогащает непосредственно ни буржуазию, ни помещиков. Но это обстоятельство и даже то, что монополия внешней торговли не обогащает и неумелого хозяина — советское государство, меньше всего доказывает ее целесообразность.

В 1927 г. Рабоче-крестьянская инспекция опубликовала уничтожающую оценку работы Внешторга. В органах внешней торговли наблюдается «неудовлетворительное руководство», «нет плана», «отсутствие контроля», «нездоровая конкуренция», «реализация товаров на невыгодных условиях», «заключаются явно невыгодные договоры», «накладные расходы достигают до 140 % от заготовительной цены», «заграничные кредиты и авансы получались на чрезвычайно невыгодных условиях: уплачивались 40, 50 и 100% годовых», «экспорт нерентабелен, а по некоторым товарам убыточен» и т. д., и т. д. **

То обстоятельство, что современная организация монополии внешней торговли совершенно невыгодна и является губительной для всего народного хозяйства, признают даже многие советские хозяйственники. Но они утверждают, что причина лишь в плохой организации дела, в устранимых реорганизацией дефектах аппарата. Они хотят сохранить все основы советской сис-

* Правда, 17 августа 1927 г.

** Экономическая жизнь. 1 сентября 1927 г.

темы монополии внешней торговли, устранив лишь бюрократизм, волокиту, неумелость и дороговизну. Монополия внешней торговли существует уже свыше 6 лет, во главе ее стояли лучшие коммунисты, люди большой энергии (Красин, Фрумкин, Стомоньяков и другие), за это время переходили от централизации к децентрализации и обратно. Ревизовали, отдавали под суд; то пробовали строить аппарат почти из одних коммунистов, то привлекали крупных торговых специалистов. Однако громоздкость, медлительность и неумелость государственного аппарата внешней торговли оставались неизменными. Ибо эти отрицательные стороны советской монополии внешней торговли не случайные недостатки механизма, не дефекты современной организации, а непосредственное следствие того объема и тех форм, в которых осуществляется внешняя торговля СССР.

Планы экспорта и импорта, вырабатываемые без знания потребностей, гипертрофия огосударствления и монопольности всех торговых связей СССР с внешним миром и, наконец, централизованное, бюрократическое построение аппарата внешней торговли — все эти звенья соединены органически.

Во имя того, чтобы сохранить то с народнохозяйственной точки зрения ценное, что имеется в огосударствлении внешней торговли, нужно возможно быстрее ликвидировать такое положение, при котором развитие народного хозяйства связывается утопическими формами современной внешней торговли. Для этого нужно перестать ограничиваться мелкими заплатками и реорганизациями. Нужен радикальный пересмотр всей советской системы внешней торговли.

Государство в современной России должно иметь возможность осуществлять во внешней торговле политику охраны хозяйственных интересов ослабленной экономической страны, государство должно иметь самые широкие возможности регулирования внешней торговли — в этом нет спору между социалистами и коммунистами.

Весь вопрос в том, каковы должны быть формы государственного регулирования и каков должен быть объем государственного участия во внешней торговле.

В программах ряда социалистических партий Европы государственная монополия внешней торговли

является одним из требований (Швеция, Австрия, Германия, Швейцария и др.), но во всех этих программах предполагается не сплошное огосударствление всей внешней торговли, а лишь постепенное огосударствление отдельных отраслей (в Австрии и Швейцарии, например, предполагают начать с монополии ввоза хлеба), притом огосударствление должно выражаться совсем не в том, что государственный аппарат сам монопольно осуществляет торговлю, а в том, что вся внешняя торговля в данной отрасли руководится и регулируется специальным государственным органом. Самая операция торговли в пределах установленных государством размеров и цен может осуществляться кроме государства и кооперативными организациями, и частными лицами. Более того, в государственный орган, руководящий внешней торговлей данной отрасли, предполагается наряду с представителями государства введение представителей потребителей и частной торговли.

Эта система отличается от существующей в СССР, во-первых, постоянным и последовательным огосударствлением лишь отдельных отраслей внешней торговли, во-вторых, тем, что даже в огосударствленных отраслях предполагается не государственная монополия торговых операций, а государственная монополия руководства. Такая система, обеспечивая за государством возможность руководства, в то же время не создает казенных бюрократических органов, по самой своей конструкции не способных на гибкую коммерческую деятельность.

Если бы в СССР монополия была сохранена лишь по отношению к внешней торговле отдельными товарами, например по экспорту хлеба, нефти или по импорту паровозов, хлопка, чая и проч., если бы в отношении остальных товаров государство допустило к внешней торговле наряду с государственными организациями кооперацию и частных лиц, то это было бы только в интересах страны.

Конечно, государство и при этом условии должно вырабатывать определенный хозяйственный план внешней торговли, вести определенную внешнеторговую политику и осуществлять самое широкое регулирование внешней торговли всеми товарами.

Но это должно делаться совсем не системой выдачи

лицензий на каждую вывозимую партию кожи или ввозимую машину. Международный торговый обмен за долгие столетия существования выработал весьма действенные меры осуществления строгой и дифференцированной внешнеторговой политики. Запрещение к ввозу или вывозу одних категорий товаров, установление контингента для других, высокие, умеренные или низкие пошлины для третьих, снятие пошлин и даже выдача поощрительных премий для остальных товаров, разрешение импорта на условии обратного экспорта определенных товаров и т. д., и т. д. Имея, кроме того, в своих руках транспорт, распоряжение валютой, банки, кредит, заключая специальные международные торговые договоры, государство обладает весьма разнообразным ассортиментом средств для того, чтобы осуществлять желательную ему политику.

При этой системе русское государство раньше всего освободило бы свое финансовое ведомство от заботы об обеспечении денежными средствами всего экспорта и импорта. Оно могло бы направить свои средства обильно и своевременно лишь в отрасли, сохранившиеся в руках государства. К развитию экспорта, возможности которого в СССР при целесообразной хозяйственной политике неограниченны, были бы привлечены кроме государственных органов еще инициатива, активность и капиталы частных лиц. Допущенные к импорту русские и иностранные частные фирмы, вступив в непосредственные отношения с потребителем, ввозили бы действительно те товары, на которые имеется спрос, причем торговые расходы и продажные цены снижались бы взаимной конкуренцией.

Стремление иностранных фирм к расширению рынка сбыта своих товаров побуждало бы их допускать кредитование в больших размерах и на условиях более выгодных, чем сейчас при монополии внешней торговли. Во всяком случае, те 18—20% в год за кредит, которые фактически сейчас платит советское государство, тогда страна наверное не платила бы. Лицензионная система была бы при таком изменении внешнеторговой операции сохранена лишь по отношению к тем товарам, на ввоз или вывоз которых установлены были бы контингенты. Вся остальная масса

товаров подвергалась бы лишь таможенному обложению и таможенному контролю.

Руководящие круги советской власти, ссылаясь на Ленина, утверждают, что обычные для капиталистических стран формы таможенной охраны внешней торговли по отношению к СССР недостаточны и недействительны. «СССР находится во враждебном ему капиталистическом окружении, которое всячески старается превратить его в колонию. Только монополия внешней торговли является достаточной охраной СССР». Благодаря монополии внешней торговли, уверяют русские коммунисты, советская Россия может противостоять всем притязаниям капиталистических фирм; может, сталкивая их во внешней конкуренции, добиваться максимального снижения цен и, учитывая благоприятную ситуацию, централизованно перебрасывать заказы из одной страны в другую.

Опыт последних семи лет достаточно явно показал, что Ленин не оказался прав ни при определении степени агрессивности хозяйственных кругов капиталистического мира по отношению к советской России — очень характерно отношение к торговле с СССР коммерческих кругов Германии, Англии и Америки *, ни при оценке монополии внешней торговли как системы, препятствующей чрезмерной наживе иностранных капиталистов за счет советской России. С 1921 г., после краха политики иностранной интервенции, капиталистические страны, начиная с Англии, Италии, Германии и кончая Францией и Америкой, совсем не посягали на суверенные права советской власти, совсем не предполагали устанавливать в России «колониального режима», а, побуждаемые поисками рынков сбыта и взаимной конкуренцией, стремились к самому широкому развитию торговых отношений с советской Россией **.

С другой стороны, тот же опыт показал, что

* Достаточно вспомнить известную циничную фразу Ллойд-Джорджа о том, что «торговать Англия с советской Россией готова, не спрашивая об ее строе, как имела торговые отношения и с людоедами».

** Опасность вооруженного конфликта капиталистических стран с советской Россией по-прежнему велика, но причины ее лежат в политической области и не имеют никакого отношения к вопросу о пригодности той или иной системы внешней торговли...

существование монополии внешней торговли совсем не охранило советскую власть от уплаты тем иностранным фирмам, которые работали с советской Россией, баснословных барышей, а, наоборот, определяло очень высокий уровень, как компенсацию за риск.

Но откажемся условно от этого возражения, будем исходить из того положения, что капиталистические страны действительно хотят экономически поработить современную Россию. Конечно, крепко закрытые границы лучше всего охраняют страну от развития торговых связей со всем внешним миром. Но поскольку советская Россия в торговле с внешним миром нуждается — и для продажи своего хлеба, сырья, нефти, и для закупки машин, хлопка, медикаментов и проч., — постольку система монополии, т. е. система самоблокады, оказывается противоречащей интересам и населения и хозяйства. Призрачным оказалось на практике и преимущество советской монополии внешней торговли в отношении конкурирующих национальных и интернациональных капиталистических фирм. Не говоря уже о том, что неумелый аппарат торгпредств за истекшие годы весьма плохо использовал свое благоприятное положение монопольного представителя целой страны, а громадные накладные расходы по оплате кредита, транспорта, администрации и т. д. съедали все даже полученные скидки, но капиталистический мир очень скоро нашел способ парализовать это преимущество советской монополии. Учитывая опыт трех лет торговых отношений с советской Россией, промышленные и торговые фирмы, например Германии, уже решили противопоставить монопольной организации советского государства свою монопольную организацию — специальный немецкий Торгово-промышленный комитет, который и будет «давать советы и справки», т. е., по существу, представлять перед торгпредством интересы немецких фирм и регулировать цены, условия и размеры операций и проч. Органы французской торгово-промышленной буржуазии открыто пишут, что последуют немецкому примеру в своих торговых отношениях с СССР. Усиленно обсуждается проект создания и интернациональной организации для таких же целей. Удастся ли советской России добиться от представителей крупной буржуазии отказа от этого требования и какими

уступками будет куплен этот отказ, пока неизвестно, но много оснований считать, что в будущем органы советской внешней торговли будут иметь против себя не разрозненные взаимно конкурирующие иностранные фирмы, а в той или иной форме координирующие свои действия организации. Современная система внешней торговли лишь увеличила силу натиска капиталистических организаций на советскую Россию, сгладив их противоречивые интересы и дав им стимул к объединенным коммерческим действиям.

Между тем разумная политика регулирования внешнеторговых отношений и гибкая таможенная система могут в полной мере оберечь действительные интересы России. В 1922/23 г. в условиях стремительно падающей валюты, когда разница между ценами на товары внутри СССР и вне его исчислялась многозначными цифрами, никакие таможенные ставки не могли охранить СССР от хищнического ограбления. Этого можно было достичь только разрешительной системой внешней торговли *.

И это обстоятельство было главным доводом Ленина в защиту монополии внешней торговли в то время. Но какая нужда в сохранении монополии внешней торговли в советской России сейчас, когда разница в ценах хотя и очень велика, но все же всегда может быть урегулирована таможенными пошлинами? Мало того, если бы было установлено, что та или иная страна вступает на путь агрессивного захвата русского рынка, то у правительства России всегда есть возможность прекращения торговых отношений с данной страной. Всегда возможные эксцессы могут побудить к экстренным временным мерам, но это не довод за то, чтобы держать внешнюю торговлю постоянно на положении почти закрытых границ.

Конечно, таможенная система не гарантирует ввоза или вывоза определенного товара (кроме контингентированных групп) в точно установленном плане количестве. Но дает ли эти гарантии современная система? Разве при монополии внешней торговли при лицензионной системе «дефекты организации» не обращают в фикцию самые точные планы? И разве конт-

* Характерно, что в условиях крайней инфляции на разрешительную систему временно перешла и Германия.

рабанда не достигла в СССР размеров, никогда не виданных ни в одной стране? Таможенная система и государственное регулирование могут определить лишь характер и ориентировочный размер оборотов по группам товаров, но эту функцию они выполняют, не парализуя всего народного хозяйства.

Есть еще один довод за сохранение монополии внешней торговли, довод, который советская власть широко не выдвигает, но который является одним из основных. Государству нужен постоянный приток иностранной валюты, нужно регулировать вывоз ее. Обязанность всех русских экспортирующих организаций сдавать валюту государству, а импортирующих — получать валюту от государства всего легче осуществляется при монополии внешней торговли. Но раньше всего вопрос регулирования притока иностранной валюты и курса на нее не имеет прямого отношения к системе внешней торговли. Во всех странах это — область мероприятий финансово-банковского порядка. При этом если государство добивается регулирования валютного курса не мерами финансовой политики, а мерами административными, как сейчас в СССР, то это обстоятельство само по себе дезорганизующе влияет на внешнюю торговлю и все народное хозяйство. Мы не знаем, что было бы с валютой СССР при отмене монополии внешней торговли. Но достигает ли эффекта советская власть в отношении валютном при монополии внешней торговли? Много ли иностранной валюты осталось в СССР в результате монополии внешней торговли, если торговый баланс внешней торговли из года в год пассивен на многие миллионы рублей? Большой ли эффект дает полное огосударствление всей внешней торговли, если в бюджете 1927/28 г. от всех операций внешней торговли предполагается доход в 4 млн руб.? *

* До самого последнего времени не посвященные в тайны бухгалтерии НКТ могли предположить, что экспортные и импортные общества и Госторг все же получают большие доходы, но лишь не проводят их через государственный бюджет. Сейчас опубликованы официальные балансы за 1926/27 г. Госторга и экспортных и импортных организаций, из которых явствует, что большинство этих организаций либо убыточны, либо дают ничтожные доходы. Баланс по всем внешнеторговым организациям дает общий убыток в 11 млн руб. Интересны прибыли таких монопольных экспортных организаций, как Экспортхлеб или Экспортлес: первый дал за год

Опыт нэпа во всех областях народного хозяйства показал, что отказ от утопических мероприятий «военного коммунизма» лишь способствовал развитию производительных лиц страны. Советская монополия внешней торговли — один из пережитков «военного коммунизма». При обороте внешней торговли, застывшем на уровне в 40% довоенного, монополия внешней торговли не обеспечивает и не может обеспечить стране активного торгового баланса. При реорганизации всей системы внешней торговли на принципах, нами указанных выше, экспорт, возросший благодаря устранению средостения между крестьянством и внешним рынком, сам обеспечит государству постоянный приток иностранной валюты.

Буржуазная система внешней торговли плоха не методами, не несовершенством организационной структуры, не техникой, а содержанием, политикой внешней торговли. Русские большевики в свое время были вынуждены восстановить ранее отброшенную ими систему банков и кредита. В интересах народного хозяйства им придется восстановить и многие сейчас ими отвергаемые методы и формы буржуазного регулирования внешней торговли.

Сейчас всякая попытка поставить на обсуждение вопрос о целесообразности существующей системы монополии внешней торговли оценивается в советской России как покушение на один из основных устоев советской системы. В 1927 г. народный комиссар финансов Сокольников за такого рода предложение был снят с поста и попал в опалу. В 1928 г. Центральный Комитет ВКП одним из главных обвинений против «правой оппозиции» выдвинул их намерение смягчить монополию внешней торговли. Поэтому в заключение будет небесполезно указать на один малоизвестный факт. В конце 1922 г. Политбюро ВКП по инициативе Каменева и Зиновьева приняло постановление: «Приступить к постепенной ликвидации монополии внешней торговли». Не осуществлено это постановле-

прибыль в 308, 9 тыс. руб., второй — 135,7 тыс. руб. Текстильимпорт получил прибыль в 783 тыс. руб., а Электроимпорт — убыток в 107 тыс. руб. (данные опубликованы в «Плановом хозяйстве». 1928. № 8).

ние было лишь ввиду вмешательства Ленина, считавшего его несвоевременным *.

Чем раньше вся система монополии внешней торговли будет радикально перестроена на новых началах, тем это будет лучше и для денежной системы, и для индустрии, и для сельского хозяйства СССР.

КОНЦЕССИИ

Концессионная политика советской власти хотя и не целиком относится к области внешней торговли, так как охватывает и промышленные концессии, однако она связана в советской России с системой монополии внешней торговли.

Еще накануне новой экономической политики советская власть делает попытки привлечь в хозяйство страны иностранные капиталы «на началах, не нарушающих устои советской хозяйственной системы». После того как определилось, что в силу политических и экономических причин разместить на иностранных денежных биржах денежные займы невозможно, а кредиты, получаемые при импортных закупках, невелики и краткосрочны, советская власть решилась вступить на путь концессий и разрешила особым декретом (23 ноября 1920 г.) сдачу иностранцам промышленных и торговых предприятий на концессионных началах. В 1923 г. был издан декрет об организации смешанных торговых и промышленных обществ с привлечением участия в них наряду с государственным иностранным капитала. Руководящая роль советского государства обеспечивалась обладанием 51 % всех акций.

Положительные результаты концессионной практики оказались невелики. Согласно официальным данным, на 1 января 1928 г. поступило от иностранцев свыше 2200 концессионных предложений. Но заключено договоров за истекшие семь лет всего 163. Данные о распределении концессий опубликованы лишь на 1 января 1927 г. ** Заключенные к этому времени

* См. воспоминания одного из бывших руководителей Внешторга Фрумкина (Правда. 24 ноября 1927 г.).

** Иоффе А. Итоги концессионной политики СССР // Плановое хозяйство. 1927. № 1.

концессионные договоры распределяются следующим образом:

Торговля	36	договоров	— 25%
Лесные предприятия	6	»	— 4,2%
Сельское хозяйство	10	»	— 6,8%
Рыбные, звероловные и прочие промыслы	6	»	— 4,2%
Горная промышленность	24	»	— 16,6%
Обрабатывающая промышленность	41	»	— 28,5%
Транспорт и связь	12	»	— 8,4%
Строительные предприятия	3	»	— 2,1%
Прочие	6	»	— 4,2%
Всего	144	»	— 100%

Из 144 договоров 27,9% было заключено с германскими, 15,3% — с английскими, 10,4% — с американскими, 3,5% — с французскими гражданами, остальные 43% — с представителями других европейских, азиатских и американских государств.

За этот же период было организовано 31 смешанное акционерное экспортное и импортное общество.

Надежды советского правительства на то, что концессионная политика обеспечит постоянный и обильный приток иностранного капитала в промышленность и торговлю, не оправдались. Несмотря на громадные доходы, полученные некоторыми концессионерами от работы в России *, размеры нового капитала, ввезенного концессионерами в страну, очень невелики. Всего за 7 лет концессионерами вложено в хозяйство СССР новых капиталов на 58 млн руб. и предоставлено подтоварных кредитов на 32 млн руб. Три четверти этой суммы приходится на торговые предприятия, на промышленность — всего 13 млн руб. Доходы государства от концессионных предприятий оказались также невелики: в среднем в год около 5 млн руб. концессионных отчислений и около 7 млн руб. налогов и акцизов.

* Главный концессионный комитет сообщает, что согласно балансам 17 концессионных предприятий средняя доходность на вложенный капитал равна в 1926/27 г. 35,2% ко всему и 76,5% к основному капиталу (Экономическая жизнь. 1 апреля 1928 г.).

В «Экономической жизни» от 6 января 1929 г. напечатан баланс американской промышленной концессии А. Хаммера за 1926/27 г., из которого следует, что чистая прибыль концессионера была равна 1198 тыс. руб. при вложенном капитале в 710 тыс. руб.

Главные причины, объясняющие такое слабое развитие концессий в СССР, те же, которые определяют хронические кризисы в промышленности и застойное состояние внешней торговли.

Полное отсутствие в стране правового порядка, точных хозяйственных норм. Бюрократизм, взяточничество и коррупция в низших и высших государственных учреждениях. Необходимость преодолевать невероятные сложности при получении сырья, при пользовании транспортом, при сбыте продукции, при торговых сношениях с частными посредниками или при найме служащих. В случае необходимости покупки для предприятия новой машины и явной невозможности приобрести ее в России нужно месяцами, и иногда совершенно бесплодно, добиваться получения лицензии на ввоз из-за границы. Такие же сложности приходилось преодолевать при приглашении из-за границы не имеющих в СССР специалистов и квалифицированных рабочих. Громадные затруднения испытывал концессионер из-за того, что большинство концессионных договоров не давали ему права непосредственного сбыта своей продукции ни в СССР, ни в других странах. Весь свой товар он должен был сдавать по определенным ценам государственным или кооперативным органам СССР. Как бы точно договор заранее ни определял условия взаимных расчетов, но на практике перед монополистом-государством концессионер, уже увязавший громадные капиталы, совершенно беспомощен, особенно в моменты осложнения сбыта. Во всех случаях конфликта концессионер, конечно, не находит защиты в советском суде, в полной мере подчиненном советскому государству и проводящем его политику. Требование иностранных концессионеров, чтобы конфликты разрешались третейским разбирательством, почти во всех случаях отклонялось Главным концессионным комитетом. Лишь в последних концессионных договорах с французскими и американскими гражданами это требование о третейском суде было удовлетворено.

Но главная причина, препятствующая развитию концессий в СССР, лежит в области валютной: в общем запрещении свободного вывоза иностранной валюты из страны и в принудительном курсе на червонец. Ввозимую концессионером иностранную валюту он вы-

нужден обменивать в Госбанке по принудительному пониженному курсу. В большинстве договоров концессионер раньше конца срока концессии вообще не имел права на вывоз из СССР своей прибыли, лишь в некоторых договорах последнего времени это право предоставляется концессионеру в определенных пределах. Но во всех случаях концессионер претерпевал массу сложностей при получении разрешения на вывоз прибыли и при обмене ее на иностранную валюту. Это обстоятельство уменьшает те громадные прибыли, ради которых концессионер идет на концессию в СССР и терпит весь риск и все сложности.

Все это создало такое положение, что не только замедлился темп заключения новых концессий, но происходила постепенная ликвидация даже и тех концессий, которые уже были заключены. Из 163 концессионных договоров на 1 января 1928 г. функционировало лишь 92 концессии*. Достаточно указать, что за последние три года ликвидированы 32 концессии, в том числе наиболее крупные — Нансен, Крупп, Вольф, Вирт, Гарриман. Вышли иностранные концессионеры из ряда смешанных обществ, производящих торговые экспортно-импортные операции. Из 31 смешанного общества остались работающими лишь 8.

Обосновывая необходимость первого декрета о концессиях, Ленин в докладе от 27 ноября 1920 г. доказывал верхам коммунистической партии: «Концессии — это не мир с капитализмом, а война в новой плоскости». До сих пор вся политика и практика советской власти по отношению к концессионерам была в духе этой директивы. И это определяло неудачу концессионной политики.

К концу 1927/28 г. концессионная политика советской России зашла в явный тупик. Упорное нежелание иностранных капиталов идти при существующих в советской России условиях работы на долгосрочные и крупные вложения денег стало ясным и для руководителей советской политики. Сомнение в возможности работы с советской Россией, которое проявили промышленные и торговые круги Германии в связи с переговорами в конце 1928 г. об изменении

* Бутковский В. Иностранные концессии в народном хозяйстве. 1928.

и дополнении русско-немецкого торгового договора, решительность, с которой они критиковали опыт работы в продолжение 5 лет в СССР, заставили советскую власть решиться на отступление в области концессионной политики. 24 июля 1928 г. Совет Народных Комиссаров утвердил основные положения новой концессионной политики *. Основные положения вносят следующие важные изменения в существующую систему. Новое положение отменяет в полной мере всякие ограничения в отношении объектов концессий. Главному концессионному комитету предлагается принять меры к привлечению иностранного капитала во все области транспорта, обрабатывающей (в том числе и металлической), горной, топливной промышленности, в области электростроительства, лесного хозяйства, сельского хозяйства, производства искусственных тканей и, наконец, в области коммунального хозяйства.

Новое концессионное положение предоставляет концессионерам право свободной продажи продукции. Налоговое обложение концессионеров будет упорядочено, и многочисленные государственные и местные налоги будут заменены одним налогом, который будет взиматься одним определенным органом в особо установленном порядке. Концессионерам будут предоставляться значительные таможенные облегчения при ввозе ими оборудования, инструментов, строительных материалов и проч. Выдача разрешений на ввоз из-за границы потребных машин, оборудования и сырья должна производиться в срочном порядке, не более чем в месяц. Кроме того, концессионеру предоставляется ряд льгот в отношении приглашения технического персонала из-за границы и в отношении найма рабочих в России. И наконец, НКФ предложено обеспечить своевременное удовлетворение заявок концессионера на вывоз его прибыли в валюте.

Экономическое положение советской России ко времени опубликования основных новых концессионных законов (неурожай, новое падение червонца,

* Положения СНК о концессионной политике опубликованы 15 сентября в «Торгово-промышленной газете» и разосланы по всем торгпредствам.

затруднения в промышленности и взаимоотношениях с крупнейшими государствами) таково, что имеются все основания сомневаться, вызовет ли резкое изменение концессионной политики советской власти быстрый приток иностранных капиталов в СССР.

Иностранные фирмы, уже работающие в советской России, знают, что в СССР при монопольном господстве государства в промышленности и торговле, при полном отсутствии правовых гарантий больше, чем везде, играют роль не столько условия концессионного договора, сколько соображения политики и самые условия ежедневной работы.

Текст нового закона еще не выработан. А опубликованные постановления носят слишком общий, явно декларативный характер, чтобы из них можно было сделать твердые выводы. Каждый пункт имеет дополнение, которое, как показывает многолетняя практика, может свести на нет декларируемые облегчения. Например, концессионер имеет право свободной продажи своей продукции. Но это право предоставляется лишь «как правило», и, следовательно, могут быть исключения, делаемые специальными распоряжениями. Или концессионер имеет право вывоза своей прибыли в валюте. Это постановление имеет очень важное дополнение: «в соответствии с концессионным договором». Но сможет ли концессионный договор разрешить впредь более льготный в отношении сроков, размеров и курса вывоз валюты, если финансовое положение СССР сейчас еще более затруднено, червонец еще более поколеблен, а запасы золота и валюты еще более уменьшены, чем это было в 1925—1927 гг.?

Какое содержание будет вложено в схемы опубликованных положений, находится в прямой зависимости от общего курса советской политики в ближайшее время. Действительная возможность развития хозяйственных отношений иностранцев с советской Россией может быть только при общем отказе советской власти от утопической политики. Все эти обстоятельства заставляют не очень переоценивать ближайшие практические результаты изменений в области концессионной политики.

Но гораздо важнее принципиальное значение этого нового перелома. Опубликованные новые положе-

ния означают, что советская власть сочла себя вынужденной допустить в принципе существование в советской России в очень широких размерах и даже в основных решающих отраслях крупнейших частных промышленных предприятий, правда пока только иностранных. Если бы эти положения были реализованы, это означало бы отказ от монопольного положения государства, даже в крупной индустрии*, необходимость переустройства всей национализированной промышленности на началах способности к конкуренции с иностранным частным промышленником.

Программа «активизации» концессий означает не только отказ от монополии и сдачу частному капиталу самых ответственных участков промышленности, но и признание необходимости частичной денационализации промышленности. Концессионерам предоставляется не только долголетняя эксплуатация вновь построенных предприятий, но эксплуатация уже существующих, даже только что построенных заводов, рудников и электрических станций.

Отказ от государственной монополии даже в командных отраслях промышленности, фактическое признание необходимости частичной денационализации и курс на повышение удельного значения частного капиталистического хозяйства. Три решительных отступления от трех основных принципов коммунистической программы! «Размеры необходимой денационализации находятся в прямой зависимости от политики советской власти». Денационализация будет тем больше, «чем глубже будет разрушение народного хозяйства» и «чем дольше будет искусственно поддерживаться всеобъемлющая система государственной индустрии, не соответствующая современным хозяйственным условиям страны», указывали много лет назад представители социал-демократии. «Может наступить такой момент,— писал Л. Мартов еще в 1922 г.,— когда никакая помощь извне не позволит отстоять для страны желательный в интересах трудя-

* «Торгово-промышленная газета», комментируя новые положения концессионной политики, открыто пишет: «Это откроет возможность освободить значительные капиталы из тех областей, в которые будут привлечены концессионеры» (Торгово-промышленная газета. 15 февраля 1928 г.).

щихся масс контроль общества над производительными силами» *.

К 1928 г. советской власти приходится сдавать позиции в самых важных хозяйственных областях. Тот минимум общественного хозяйства — муниципальные предприятия, который был в руках городских дум и земств даже в царской России и за расширение которого вели борьбу все демократические элементы России, — советская власть, гордящаяся своей социализаторской политикой, готова сдать к 1928 г. с торгов частному капиталу. Вместо организованного проведения денационализации от наименее важных объектов к более важным советская власть оказывается вынужденной отказываться от всякого плана и готова предоставить частному капиталу на его выбор: нефть, уголь, металл, коммунальные предприятия и железные дороги.

На отказ от монополии и на частичную денационализацию индустрии советское государство пошло «в силу крайней необходимости», во имя «ускорения темпа развития страны и удовлетворения потребности населения» — поэтому совершенно непонятно, почему право открытия новых промышленных предприятий предоставляется лишь иностранному капиталу. «Вестник агитации и пропаганды ЦК ВКП» в 1920 г. при издании первого декрета о концессиях развивал следующие соображения по этому вопросу (№ 4 от 25 декабря): «Основной смысл концессии — политический. Они даются иностранцам в целях усиления вражды в капиталистическом мире. Ссоря наших буржуазных недругов между собой, рождая в них соревнование, зависть и опасения... мы ослабляем союз буржуазии». Детской наивностью звучит в 1928 г. этот довод. Теперь даже самые фанатические коммунисты не думают, что привлечение иностранных капиталистов в советскую Россию — одна из форм революционной борьбы Коминтерна и что капиталисты всего мира ожесточенно соревнуются за то, чтобы первыми получить концессии в советской России. Второй довод был экономического порядка. «Советская власть привлекает лишь иностранный капитал на началах концес-

* Мартов Л. Наша платформа // Социалистический вестник. 4 октября 1922 г.

сии потому, что этот капитал находится вне распоряжения советской власти, а русский частный капитал и без того наш». Мы показали в предыдущих главах, что после опыта 7 лет нэпа нельзя всерьез говорить о том, что советское государство в состоянии распоряжаться даже теми небольшими капиталами, которые имеются у отдельных частных русских предпринимателей, и теми сбережениями, которые имеются у населения России. Снизить долю частного сектора в общем хозяйстве страны путем разорения частника, путем ликвидации его предприятия советская власть действительно в состоянии, но она оказывается совершенно бессильна привлечь средства частных лиц на производственные цели государства в виде займов, в виде вкладов в сберегательные кассы или какими-либо другими способами.

Конечно, привлечение русского частного капитала в сколь-нибудь широких размерах реально лишь при условии создания в стране иных политических и хозяйственных условий и лишь при увеличении производительного внутреннего накопления. Но и привлечение иностранных концессионеров требует, как показал достаточно убедительный опыт последних лет, правовых гарантий и обеспечения нормальной хозяйственной деятельности. Последние акты советской власти показывают, что советская власть готова предоставить иностранным капиталистам «необходимую свободу хозяйственной деятельности» в порядке исключения. Но это ставит Россию в совершенно ненормальные условия, напоминающие режим «капитуляций» в полуколониальных и колониальных странах. Все отношения между частным предпринимателем и государством перестают быть обычными хозяйственными отношениями и определяются в значительной мере соображениями политического характера. Опыт Китая показал, какие последствия имеют конфликты именно вокруг иностранных концессий, а уже имеющаяся концессионная практика советской России лишь подтверждала это неизбежное переплетение хозяйственных и политических вопросов почти в каждой крупной концессии. Каждый вопрос, каждый конфликт при концессионной системе вырастает до размеров вопросов международной важности. Конечно, нужда в капитале в России столь велика, что приходится идти на при-

влечение иностранного капитала в разных формах, в том числе и в форме концессии. Но какие имеются основания отбрасывать все внутренние возможности мобилизации капитала и стимулирования частной инициативы и почему отдавать преимущество иностранному капиталу?

В новом курсе концессионной политики имеется одна область, которая должна вызывать особенную тревогу. Это область взаимоотношения иностранного концессионера и рабочих. Какие оправдания находят коммунисты тому обстоятельству, что и на частных концессионных предприятиях рабочие будут лишены обычных форм классовой борьбы и независимых профсоюзов? Обычная ссылка коммунистов на то, что советское государство — это предприниматель, не имеющий враждебных рабочему классу интересов (ссылка для социалиста всегда несостоятельная), в этом случае полностью отпадает даже для коммунистов. А между тем то, что советские огосударствленные профсоюзы при конфликтах с концессионерами часто будут руководствоваться не интересами рабочих, а сложным переплетом политических соображений, показала уже имеющаяся практика. Иногда против неугодного концессионера широко применялся «нажим через профсоюзы», как это было в период выживания Гарримана с марганцевых концессий или перед пересмотром условий договора с Индо-европейским телеграфом. Но в большинстве случаев русские профсоюзы согласно директивам власти стараются «не раздражать концессионеров». Достаточно внимательно прочесть напечатанные в советской прессе интервью с концессионерами, еще работающими в России. Все они стараются сказать что-либо приятное советской власти и поэтому с удовлетворением отмечают, что «при содействии профсоюзов им удалось на предприятиях ввести сдельную работу», что «профсоюзы не мешали им добиться высоких норм выработки», а один из них с завидной откровенностью отметил, что «ни в одной стране предприниматель не имеет таких спокойных условий работы: нужно лишь ладить с профсоюзом, тогда всякая возможность забастовки, в сущности, совершенно исключена» *.

* Известия. 7 октября 1928 г.

Не менее ярко выразил ту же мысль и член президиума ВСНХ СССР С. Аралов, ведающий концессионными делами: «Нужно особо отметить, что мы не смотрим на концессионера как на частного предпринимателя, работа и успехи которого нам совершенно чужды. Мы мыслим работу с концессионерами как разумное и дружное сотрудничество».

Когда Ленин вводил впервые концессии, он обещал «соперничество между общественным и частнокапиталистическим хозяйством». К 1928 г. его ученики докатились до обещания «дружного сотрудничества».

Если иностранные концессии примут хоть сколь-нибудь большие размеры, то отсутствие у русских рабочих элементарных прав коалиции приобретет особо грозный характер.

Огосударствление профсоюзов лишило русского рабочего независимых профессиональных организаций. Заключение профсоюзами коллективных договоров с государственными предприятиями, договоров, часто ухудшающих условия труда, происходит без ведома заинтересованных рабочих. <...>

В большинстве случаев, руководствуясь чувством самосохранения и заботой об экономии сил, рабочие массы своим давлением, своим ежедневным массовым натиском на фабзавкомы и профсоюзные организации заставляют их нарушать свой «бургфриден» с хозяйственниками и если не активно защищать интересы рабочих, то, по крайней мере, быть рупором рабочего недовольства и представителем, ищущим компромисса. В тех случаях, когда давление рабочих оканчивается безрезультатно, их отношение к казенным профсоюзам принимает характер прямой враждебности. Изредка, несмотря на все полицейские рогатки, недовольство рабочих выливается в стачку, в этом случае рабочие создают для руководства своей борьбой нелегальные стачечные комитеты. Перевод на худшие условия работы, увольнения, аресты и высылки бывают частым следствием таких проявлений активности русского рабочего.

ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО И ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Стремление построить плановое хозяйство руководило русскими коммунистами еще в период «военного коммунизма». Учет и план были теми нормирующими идеями, которые сыграли немалую роль, когда советская власть в 1918—1920 гг. попыталась перевести всю экономику страны в условия централизованного планирования. Мы не будем останавливаться на плановом хозяйстве этого периода. Общеизвестно, что попытка централизованно управлять всем производством страны, вплоть до сапожных мастерских и крестьянской пашни, или в плановом порядке распределять все товары, вплоть до зубного порошка, к концу 1920 г. окончилась полным крахом.

Такая утопическая политика, особенно в условиях хозяйства отсталой, разоренной войной страны, к иным результатам привести и не могла. После перехода к новой экономической политике советская власть отказалась от стремления непосредственно управлять всеми деталями хозяйства страны, но все же продолжала ставить себе утопическую задачу планирования всех хозяйственных процессов страны. Взгляд на хозяйство СССР как на хозяйство плановое, противопоставление его как плановой хозяйственной системы неорганизованному хозяйству капиталистических стран является основной руководящей идеей всех съездов ВКП, а следовательно, обязательной директивой всем государственным органам СССР.

Высший орган планового хозяйства СССР — Госплан в своем отчете, изданном в 1926 г., следующим образом определяет сущность планового хозяйства: «Осуществляя плановое хозяйство, мы, во-первых, стремимся к такому построению народного хозяйства, при котором благодаря соразмерности частей и научной выработанности методов производства и распределения при правильном согласовании с объективными материальными ресурсами и наличной рабочей силой достигается максимальный производственный успех с минимумом затрат и в минимальные сроки времени, во-вторых, вся государственная система конструируется таким образом, что обеспечивает пла-

новый ход всего механизма без кризисов и срывов, причем весь трудящийся коллектив является сознательным участником общественного производства в целом, ясно отдающим себе отчет в методах и степенях возможности подчинения мертвой природы его нуждам» *.

Приводя это определение планового хозяйства, мы должны сказать, что не оспариваем его по существу. В согласии с марксистским пониманием научного социализма оно правильно и весьма детально определяет сущность планового хозяйства в законченном социалистическом обществе. Спор не в определении целей (социализм, плановое хозяйство), а в том, представляет ли современное советское хозяйство плановую хозяйственную систему, имеются ли для этого предпосылки и в какие пределы поставлено объективными условиями государственное регулирование хозяйства в СССР.

Государственные органы и руководители советского хозяйства рассматривают плановое хозяйство не как отдельную цель, а как задачу сегодняшнего строительства или даже как уже осуществленное благо советского хозяйства. Один из руководителей Госплана, коммунист С. Струмилин, докладывая разработанный им проект плана хозяйства на ближайшие 5 лет, утверждает: «Мы теперь более чем когда-либо вправе вслед за Марксом сказать: «Мы до сих пор только изучали мир, но дело теперь идет о том, чтобы изменить его» **. ВСНХ в своем органе, определяя очередные хозяйственные задачи, пишет: «Наше планирование должно быть не только простым предвидением, не только открытием закономерностей, но творческим, волевым строительством социалистического хозяйства» ***.

И наконец, директивы XV съезда ВКП по составлению пятилетнего плана народного хозяйства категорически устанавливают: «На основе национализации крупной промышленности и других командных высот стало возможным плановое руководство хозяйством...

* Цит. по: Проблемы планирования. М., 1926.

** Струмилин С. Индустриализация СССР и эпигоны народничества // Плановое хозяйство. 1927. № 7.

*** Торгово-промышленная газета. 6 сентября 1927 г.

Решение о пятилетнем плане означает, что мы приступаем к осуществлению развернутой программы социалистического строительства» *.

Ознакомление с практикой планирования хозяйства СССР всего лучше осветит объем и методы планирования и пределы его осуществления.

Хотя Госплан был организован еще в 1921 г., а первый «план реконструкции всего советского хозяйства на энергетической основе» — План электрификации — был выработан еще в 1920 г., однако до прекращения инфляции, т. е. до 1924 г., проекты планирования не оказывали существенного влияния на хозяйство СССР. С 1924 г. положение дел изменилось. Постановлением коммунистической партии было решено впредь строить все хозяйство по планам, вырабатываемым Госпланом.

За истекшие с тех пор четыре года определились органы и методы современного планового руководства хозяйством России. В основном плановая система СССР построена следующим образом. Каждая из республик, составляющих СССР, имеет свой Госплан, вырабатывающий план развития ее хозяйства. Общее планирование по всему СССР осуществляется Госпланом СССР **, <который> не подчинен ни одному из отдельных комиссариатов, и в случае разногласий между ним и хозяйственными комиссариатами вопрос переносится в высший хозяйственный орган СССР — Совет Труда и Оборона (СТО), решения которого обязательны для всех государственных учреждений страны. Госплан СССР на основании целевых программных указаний, преподаваемых ВКП, и экономических и статистических данных вырабатывает два хозяйственных перспективных плана: на 5 лет и на 15 лет. В первом — пятилетнем плане — разрабатываются хозяйственные мероприятия реконструкции, капитального строительства, индустриализации и интенсификации сельского хозяйства, которые не могут дать производственного эффекта в более короткий срок. Генеральный план, охватывающий период в 15 лет, должен разработать еще более радикальные и дли-

* Правда. 27 декабря 1927 г.

** По бюджету 1927/28 г. на содержание Центрального статистического управления и Госплана тратится в год 26 млн руб.

тельные меры преобразования хозяйства в обобществленное социалистическое хозяйство.

В обоих планах статистическими и экономическими методами определяются на предстоящие годы: динамика населения, социальный состав его, национальный доход, накопление, капитальные вложения, продукция индустрии и сельского хозяйства, товарооборот, внешняя торговля, денежная эмиссия, государственный бюджет, налоги, народное потребление, заработная плата и все прочие элементы народного хозяйства в целом, по отраслям и по районам. Все это связано в единую систему, в план всего народного хозяйства. Эти планы носят руководящий, хотя и ориентировочный характер.

Далее, Госплан, начиная с 1924 г., суммируя и обрабатывая отчеты и проекты ведомств, составляет ежегодно основной хозяйственный план «Контрольные цифры народного хозяйства», в котором планирует еще более детально все элементы народного хозяйства на предстоящий год. Контрольные цифры, по неоднократному разъяснению руководящих органов СССР, имеют директивный характер и обязательны для всех отдельных республик и всех ведомств СССР, которые, в свою очередь, планируют и руководят текущей хозяйственной жизнью в пределах норм контрольных цифр Госплана. Кроме того, Госплан составляет и публикует ежемесячно конъюнктурные обзоры и сводные отчеты, которые служат материалом планирования.

Внешне этой системе нельзя отказать в стройности и формальной выдержанности. Более того, многочисленные печатные труды и материалы плановых органов СССР имеют бесспорную теоретическую ценность. Крупнейшие русские экономисты выполнили за эти годы громадную работу по изучению экономики старой и новой России и по выработке методологии планирования. Если для социалиста-экономиста большой интерес представлял вышедший еще задолго до войны труд Атлантикуса «Государство будущего», бывший первой попыткой подойти вплотную к экономике обобществленного государства, то не может не вызывать теоретического интереса попытка (отвлекаясь даже от ее реальности) построить план, составить баланс, выработать прогноз развития всего народного хозяйства в целом.

Большой теоретический интерес представляет, например, спор, возникший между советскими экономистами при выработке перспективных планов хозяйства на 5 и 15 лет вперед о том, какой метод следует положить в основу работы — генетический или телеологический, т. е. исходить ли при выработке планов в переходную эпоху из целевых заданий, считая себя свободными от подчинения «вековым экономическим закономерностям», или строить план на основе изучения экономических процессов, их тенденций, их внутренней закономерности и вносить предвидение и сознательную волю лишь в пределах и в направлениях, не нарушающих основные законы развития производительных сил *. Эта проблема, носящая на первый взгляд сугубо академический характер, быть может, скоро встанет весьма актуально перед европейским пролетариатом, когда история поставит перед ним задачу планового строительства в переходную эпоху. Но и в России спор вокруг этой, казалось, далекой от реальной действительности проблемы имеет весьма большое значение — хотя и отрицательное — и для тех методов, которыми вырабатываются директивы хозяйственным органам, и для тех последствий, которые они вызывают. Очень характерно, что большинство старых экономистов-марксистов (не коммунистов), во главе с такими крупными экономистами, как В. Громан и В. Базаров, твердо отстаивают примат генетического метода, а коммунистические экономисты, особенно молодые, исходят из метода телеологического. «Мы не детерминисты, но мы полагаем, что и в советской России повелительно диктуют свою волю экономические законы. При выработке плана наша задача раньше всего познать действительность и ее законы», — настаивают первые. «Мы также не отрицаем необходимости познания сущего и изучения динамики прошлого. Но вопрос примата телеологии решен был для нас в дни Октябрьской революции, когда мы пошли против «извечных законов капиталистического развития», — формулировал докладчик по методологии генерального плана Н. Ковалевский взгляд коммунистов по этому вопросу.

Громадны и очень поучительны те сложности,

* Дискуссия по вопросу о методологии генерального плана — апрель — май 1928 г.

которые возникли при выработке пятилетнего и пятнадцатилетнего планов. Для иллюстрации мы приведем лишь несколько примеров.

Перспективный план хозяйства нельзя строить лишь на предположениях. Между тем методологическая сложность в том, что нет никакой реальной базы: все факторы взаимосвязаны. Обычный для марксиста определяющий фактор — развитие производительных сил — является в настоящем случае также величиной искомой. Естественно раньше всего исходить из основной производительной силы страны — населения. Но прирост населения ведь, в свою очередь, величина производная, зависящая от экономических, культурных, бытовых факторов, величин неизвестных. Сохранит ли Россия в продолжение 15 лет современный коэффициент прироста населения 2,3% или он приблизится к приросту населения Франции в 1913 г. в 0,09%? Вопрос о населении интересует не только со стороны количества самодеятельного населения, для нас не менее важен вопрос качества — квалификации, культурности. Как учесть эти факторы на 15 лет вперед? Из каких факторов исходить при исчислении размеров продукции? Считать ли, что реконструкция промышленности и сельского хозяйства произойдет на наиболее высокой, но все же современной технической базе? Но как на 15 и даже на 5 лет вперед игнорировать те изменения, которые внесут в современную технику хотя бы уже сделанные, но еще широко не примененные открытия и изобретения? Можно ли игнорировать передачу двигательной силы на расстояние без проводов, жидкий уголь, синтетические бензин и каучук, новые металлические сплавы, искусственные волокна, новые химические удобрения и технические достижения в сельском хозяйстве? Но как учесть их влияние? А как исчислять те естественные богатства недр СССР, которые будут открыты за предстоящие годы? Ведь только в 1926 г. были открыты в Волжском районе громадные запасы калия, изменяющие все перспективы русского земледелия, или в 1928 г. — новые металлические руды в горах Сибири.

И наконец, если план должен вырабатываться по методу телеологическому, как решило большинство Госплана, то хозяйственное строительство должно быть развернуто в расчете производительно занять всю

энергию самодеятельного населения страны, не допуская существования безработицы. Но как, какими методами исчислять те изменения, которые произойдут в результате реконструкции хозяйства страны за 15 лет (даже за 5 лет) в составе и размерах рабочей массы? Сколько освободится рабочей силы в результате рационализации техники индустрии и сколько найдет применение на новых предприятиях, сколько будет вытеснено из умирающего мелкого ремесла и вновь брошено на промышленный рынок из интенсифицирующегося хозяйства деревни? Как проектировать размеры производства? Исходить из максимума производственных возможностей или из потребностей населения? Но ведь производственные возможности очень неопределенны: они могут быть в случае нужды расширены увеличением и изменением состава импорта. Следовательно, нужно исходить из потребностей. Но как учесть на несколько лет вперед потребности русского рабочего или крестьянина, когда весь его культурный и бытовой уровень за эти годы изменится?

Таких трудностей тысячи. Именно этой сложностью объясняется то обстоятельство, что Госплан вынужден вырабатывать уже шестой вариант пятилетнего плана: еще в период выработки жизнь опрокидывает все теоретические расчеты. Генеральный же план на 15 лет до сих пор не сведен в единую систему всего народного хозяйства. Уже выработаны 15-летние планы по отдельным отраслям хозяйства (машиностроение, транспорт, электрификация и т. д.) и по отдельным районам СССР (Украина, Урал, Средняя Азия и проч.), но сведение этих 19 томов монографии (свыше 500 страниц каждый, не считая материалов и приложений) в единую систему, согласование неувязок и противоречий — труд громадный и далеко еще не завершенный.

Как велика ни была условность этих плановых работ, сколько бы утопизма ни превносилось в их исполнение, но теоретическая и ориентировочная ценность их несомненна. Делается попытка разрешения совершенно неразработанных принципиальных проблем, углубляется понимание экономических явлений, устанавливаются новые закономерности между элементами хозяйства, улучшаются старые и изыскиваются новые статистические методы. И хотя и до сих пор

знание действительной экономики России весьма ограничено, а прогнозы и директивы часто далеки от научности, но все же мы полагаем, что работы советских плановых органов будут впоследствии изучаться всяким серьезным экономистом, работающим над плановыми проблемами. Как работы ассирийских астрологов и средневековых алхимиков, весьма далекие от реальной действительности и серьезной научности, однако, легли в основу современной астрономии и химии, так, несомненно, не будут игнорироваться будущей наукой планового хозяйства и работы советских экономистов, несмотря на весь их утопизм и нереальность.

Но русское народное хозяйство дорого оплачивает лабораторную теоретическую работу советских плановых органов.

Несмотря на неоспариваемый нами теоретический интерес, работа советских плановых органов, однако, не только не создает из советского хозяйства организованной плановой системы, но своим стремлением охватить все народное хозяйство не позволяет государству направить свою энергию на необходимое и вполне возможное регулирование лишь основ экономики и отдельных областей, а своим утопическим содержанием часто приносит прямой вред, дезорганизуя и искажая развитие производительных сил страны. И первый, и особенно последующие пятилетние планы основывались не столько на учете экономических и финансовых факторов, сколько статистически исходили из задания обеспечить определенный годовой прирост продукции. Первый план исходил из роста продукции в год на 11—13%. План начала 1928 г. исходит из среднего годовичного прироста в 18%. Один из немногих независимых экономистов советской России, старый социал-демократ В. Базаров, критикуя «статистическую установку планов развертывания промышленности», указывает, что если исходить исключительно из стабильного прироста в 18%, то «продукция промышленности увеличится через 5 лет в 2,4 раза, через 10 лет — в 5,4 раза, через 20 лет — в 29,3 раза, а через 30 лет — почти в 160 раз. Менее чем через 20 лет мы по уровню промышленного развития далеко оставим за собой Северную Америку (предполагая притом, что эта последняя, в свою очередь, будет развивать

свою индустрию не медленнее, чем в настоящее время), а через 30 лет на каждого гражданина Советского Союза будет приходиться в сто раз больше промышленной продукции, чем в наши дни» *.

Базаров называет такие планы «поверхностной индустриальной экспансией» и указывает, что они построены без учета имеющихся в наличии финансовых, экономических, технических и культурных условий.

Однако новый проект пятилетнего плана ВСНХ, выработанный в августе, предполагает рост продукции уже на 20% в год, а проект того же ВСНХ, доложенный Госплану в декабре (7-й проект), уже намечает рост в год на 21—20% **.

Могут ли иметь положительное значение планы, которые и в состоянии проекта остаются неопороченными и неотмененными не более 3—4 месяцев?

Отрицательное же влияние их как идеологического обоснования и для «чрезвычайных мер» против крестьянства, и для денежной и кредитной инфляции — очевидно.

Мы остановимся теперь подробнее на том, какое влияние оказывает на народное хозяйство СССР уже 4 года вырабатываемые годовичные планы («Контрольные цифры»), так как, как мы уже сказали выше, 15- и 5-летние планы все еще находятся в стадии выработки и переработки.

Хотя после огромных сложностей, выдвигаемых построением длительных планов, задача выработки плановой хозяйственной системы на один год кажется значительно более скромной, но и она оказывается в советских условиях невыполнимой. Причина лежит не в том, что коммунисты плохо планируют, а социалисты сумели бы это сделать лучше. Причина — в отсутствии объективных предпосылок для создания плановой системы. Грандиозность поставленной задачи, бюрократичность советского управляющего аппарата, хаос в работе самых ответственных хозяйственных органов играют немалую роль при срыве планирования. Но и отвлекаясь от этих пороков советской организации управления, надо признать, что поставленная задача невыполнима объективно.

* Экономическое обозрение. 1928. № 6.

** Торгово-промышленная газета. 23 декабря 1928 г.

Раньше всего отсутствует необходимое знание даже основных факторов экономики СССР: статистические сведения неполны и неточны и целый ряд хозяйственных явлений совершенно не изучен. Можно ли с расчетом на успех строить единую систему хозяйства, когда до сих пор не изучены ни размеры национального дохода, ни дифференциация деревни, ни проблема аграрного перенаселения, ни проблема воспроизводства и накопления, ни размеры потребления города и деревни, ни даже размеры и состояние основного капитала промышленности и необрабатываемых земельных резервов?

Но решающую роль играет то обстоятельство, что самый уровень преобладающей экономической структуры СССР — полунатуральное и мелкое крестьянское хозяйство, организационное состояние даже промышленности, распыленность обмена и общие культурные навыки — не позволяет построить единого планового хозяйства.

Для марксиста ясно, что законченное плановое хозяйство (плановое хозяйство как система) может быть осуществлено лишь в условиях социалистического хозяйства. То, что в высокоразвитых капиталистических странах известно под названием «организованного капитализма», является лишь первым приближением к плану, лишь оазисами плана в неорганизованной по своей сущности капиталистической системе. Громадные монополистические хозяйственные организмы — тресты и концерны — вносят некоторую организованность в свою сферу, иногда в целые отрасли производства или сбыта. Но они не создают из капиталистического хозяйства хозяйства планового. Борьба между отраслями промышленности, между национальными и интернациональными объединениями продолжается. А классовая борьба принимает хотя и более организованный, но часто еще более острый характер.

Но даже эти зачатки плановости, первые попытки организованного руководства отраслями производства или сбыта стали возможны лишь на очень высоком уровне развития организации хозяйства.

Концентрация предприятий в тресты и концерны, сотрудничество финансового и промышленного капитала, высокий уровень техники, громадные резервы

материальных богатств, тесные установившиеся торговые связи, организационные навыки — лишь эти факторы развитого капитализма позволили внести некоторую организованность, некоторые элементы плана в хозяйство.

Русские коммунисты полагают, что наличие национализации промышленности, банков, транспорта, внутренней и внешней торговли создают в СССР «исключительные преимущества в организации планового хозяйства», и тщетно ищут причины неудачи своих планов. Между тем даже в национализированных секторах хозяйства СССР, где всего больше предпосылок для регулирования и плана, они часто оказываются обречены на неудачу именно из-за максимализма поставленных задач, из-за стремления охватить единым планом все предприятия, притом не органическим длительным путем слитые в трест или синдикат, а лишь недавно механически объединенные приказом высших советских органов.

Даже в промышленности и торговле СССР возможности плановости невелики. Они ограничены главным образом неразрывной зависимостью от стихии крестьянского производства и распыленного внутреннего рынка и все растущей связью с мировым хозяйством. План народного хозяйства ведь должен учесть, как в количественном, так и в ценностном выражении, взаимоотношение между СССР и мировым хозяйством на год и даже на большие сроки (в 5- и 15-летних планах). Возможно ли предвидение и устойчивое планирование, когда из-за отсутствия в стране свободных денежных средств темп и форма индустриализации, размеры продукции находятся в решающей зависимости от таких от Госплана не зависящих обстоятельств, как предоставят ли и в каком размере Германия или Америка долгосрочные кредиты СССР? Размеры и рентабельность русского экспорта и импорта, а следовательно, и темп развития основных факторов русского народного хозяйства, находятся в зависимости от очень резко колеблющихся цен на мировом рынке, например на хлеб, от политики мировых концернов по хлопку, каучуку или нефти или от спроса на лес или марганец.

Но главное это то, что нет предпосылок для плановой организации в основном секторе экономики са-

мого СССР — в сельском хозяйстве. Весь многомиллионный крестьянский мир живет, производит, продает и потребляет вне всяких плановых директив Госплана, а согласно законам товарного рынка, общим для всего капиталистического мира.

Уже одного того обстоятельства, что 65% народной продукции производится в условиях распыленного хозяйства, а 80% населения живет в условиях примитивного товарного обмена, достаточно, чтобы построению планов и прогнозов были поставлены в современной России самые узкие пределы. Частнохозяйственная стихия крестьянского хозяйства предопределяет стихийность и всего советского народного хозяйства.

Примитивный характер русского крестьянского хозяйства ставит размеры урожая в полную зависимость от метеорологических условий, пока совсем не поддающихся плановому руководству. А между тем две трети сырья, потребного для промышленности, поступает из сельского хозяйства, и главным потребителем продуктов промышленности является тот же крестьянин. Далее, размеры товарного хлеба, цены на продовольствие и сырье, размеры экспорта и импорта определяют и темп, и пределы развертывания и переоборудования промышленности.

Поэтому не приходится удивляться, что даже в промышленности и в оптовой торговле, концентрированность и национализация которых создаст условия для планового регулирования, на практике достигнуты лишь небольшие успехи: производственные программы отдельных отраслей приблизились к действительности, улучшилось финансирование, уточнилась калькуляция продукции, установлены цены и накладки на отдельные товары. Но эти «плановые» моменты говорят лишь о некоторой элементарной упорядоченности государственного хозяйства, а совсем не о плановом руководстве хозяйством страны в целом. Более того, несмотря на монополию и национализацию, советские руководящие органы часто более беспомощны в руководстве отдельными предприятиями, в устранении между ними конкуренции, в борьбе с сокрытием запасов, со срывом политики цен и проч., чем многие частные концерны Европы. Причина лежит и в худшем знании потребностей своей отрасли

руководителями, и в отсутствии длительного или органического сращивания разнородных предприятий треста, и в невысокой квалификации руководителей и технических работников и, наконец, в разлагающем влиянии асей советской экономики. Ведомственные и частные интересы руководителей государственных предприятий очень часто ломают плановое начало, обостренная борьба между государственными предприятиями заставляет забывать о директивах, и стихия рынка захлестывает даже государственные предприятия — твердыни планового хозяйства.

Еще менее шансов на успешное плановое руководство 25 млн крестьянских хозяйств, всей частной торговлей и всем мелким и кустарным производством. О каком плане может идти речь в отношении этих миллионов распыленных мелких хозяйств, весь кругозор которых не выходит за пределы забот о завтрашнем дне, производство которых целиком во власти стихии природы, а весь сбыт подчинен стихии рынка?

Опыт всего советского периода показал, что, несмотря на все усилия высших хозяйственных органов, несмотря на бесчисленные циркуляры и директивы, несмотря на теоретическое бездефицитное сбалансирование всех элементов хозяйства в стройную систему — годичный план *, планового хозяйства в СССР нет и при современном уровне и не может быть.

Это, конечно, не значит, что советское планирование лишь кабинетное измышление, мимо которого жизнь спокойно проходит.

Хозяйственная политика государства, его вмешательство в экономику и в буржуазных странах, где совсем нет плановой хозяйственной системы, — громадная сила, которая может способствовать или, наоборот, замедлять и искажать развитие производительных сил. Содействие государства сельскому хозяйству или промышленности, таможенная политика, бюджет, налоговая система, экономическое и социальное законодательство — повсюду факторы громадной действенности.

* Интересно отметить, что «Контрольные цифры» на 1927/28 г., долженствующие нормировать всю хозяйственную жизнь СССР, были утверждены лишь через 8 мес после начала хозяйственного года. «Контрольные цифры» на 1928/29 г. также пока — до февраля 1929 г. — еще не выработаны.

Еще в большей мере такое положение дел существует в советской России, где политическая и экономическая роль государства велика, как нигде. В условиях диктатуры советское государство властно, никем не сдерживаемое, никем не контролируемое, само определяет все экономическое и социальное законодательство страны. Оно устанавливает политику и руководит текущей работой всей национализированной промышленности, банков, внешней и внутренней торговли. Мы указали выше, что положительные результаты в этой области невелики, но если даже будут достигнуты самые большие успехи, то это будут успехи государственного регулирования, установления порядка и рационализации в государственных предприятиях, что, конечно, при главенствующем значении в советской России государственного хозяйства, усилит элементы плана в народном хозяйстве, но все же совсем не сделает из него плановой хозяйственной системы.

Дают положительные результаты в советской России лишь те планы и та политика, которые ставят своей задачей или самое общее руководство основными моментами народного хозяйства, или регулирование отдельных отраслей промышленности (или торговли), и притом только те планы, которые считаются с законами товарного хозяйства, которые учитывают направление стихийного развития экономики страны *.

Когда же советские плановые органы пытались осуществлять задачи, поставленные директивами коммунистической партии, но идущие вразрез с экономическими законами, с соотношением социальных сил, с тенденциями хозяйственного развития, то в первый период нэпа планы просто оставались нереализованными (жизнь проходила мимо них), в последние же годы, когда советская власть овладела государственным аппаратом и научилась усиливать его мобилизацией местных коммунистических организаций, то директивы весьма точно осуществляются, но последствием этого бывают тяжелые экономические потрясения. Иногда жизнь стремительно опрокидывала оши-

* «План действовал, когда смыкался со стихией, и срывался, когда опирался на организованный аппарат», — признает даже такой оптимистический советский экономист, как коммунист Сарабьянов (Сарабьянов В. Основные проблемы нэпа. М., 1926).

бочный или вредный план, иногда, не в силах непосредственно преодолеть насилие государства, стихия прорывала плотину планирования в другом, менее охраняемом месте.

Мы ограничимся приведением лишь нескольких иллюстраций. Согласно решению XI съезда ВКП, советская власть тотчас же после введения нэпа решила «в первую очередь восстановить отрасли, производящие орудия производства, а во вторую — продукты массового распределения». Троцкий следующим образом мотивировал эту резолюцию: «Лишь только после того, как мы обеспечим восстановление средств производства, мы примемся за производство средств потребления».

Однако, несмотря на все усилия плановых органов, результаты подряд пять лет оказывались обратными: стихийный процесс восстановления удовлетворял в первую очередь наиболее насущные потребности массового потребления. Страна нуждалась в мануфактуре, пищевых продуктах, обуви и не могла во имя самого мудрого плана ждать, пока будут восстановлены доменные печи, металлургические заводы или построена электрическая станция Волховстрой. И лишь в 1925/26 г., когда хозяйство страны, и в первую очередь крестьянство, несколько окрепло и на рынке определилась потребность в металле и машинах, начала возрождаться более быстрым темпом и тяжелая индустрия. Более того, только на деньги, которые государство извлекло из рынка путем продажи предметов первой необходимости, оно смогло финансировать и поставить на ноги тяжелую индустрию в стране. Анализируя эту проблему, советский экономист В. Сарабьянов вынужден признать: «В годы восстановительного процесса в промышленности чрезвычайно крупную роль играла стихия, чрезвычайно малую — Госплан» *.

Мы уже отмечали бесхозяйственность, которой отличается управление и капитальное строительство промышленности. Ценность вырабатываемых производственно-технических и строительных планов может быть характеризована следующими фактами: план на 1927/28 г. совершенно не учитывал введения в целом ряде отраслей трехсменной работы. Вызываемые

* Сарабьянов В. Указ. соч.

этим увеличение размеров продукции, острый недостаток сырья, топлива и рабочей силы опрокинули все планы, все соотношения. Планы реконструкции химической и металлической промышленности были очень тщательно составлены статистиками и экономистами. В результате: ученые и инженеры-химики обратились к председателю СНК Рыкову со специальным письмом, в котором указывают, что проекты должны быть переработаны, так как игнорируют те новые открытия, ту революцию, которые в послевоенное время в Европе и Америке пережила практическая химия, а инженеры-технологи засыпали ВСНХ статьями, в которых утверждают, что «принятые проекты новых металлзаводов не соответствуют требованиям современной техники капиталистических стран и что концентрация производства и создание огромных комбинатов являются архаическим, устарелым методом организации производства» *.

Проводимая в продолжение 5 лет на заводах рационализация производства единодушно характеризуется на съезде Рабоче-крестьянской инспекции (сентябрь 1928 г.) ** как «бесплановая», «хаотическая», «не имеющая ни руководства, ни метода, ни плана». Ряд ораторов-коммунистов считали нужным ставить в пример СССР те большие успехи в области рационализации, которых добилась капиталистическая Германия в последние годы, несмотря на «преимущества советской плановой системы» ***.

Столь же нереальными оказались планы в области товарооборота. В 1925/26 г. по плану предполагался урожай выше среднего. Было предположено платить крестьянину за заготавливаемый хлеб весьма низкие цены. Соответственно были разработаны планы экспорта, импорта, расширения производства, товарооборота, эмиссии и т. д. Но жизнь сорвала весь план. В нем были допущены два больших «просчета», во-первых, размеры урожая оказались переоценены и,

* Торгово-промышленная газета. 6 июля 1928 г.

** Правда. 1 сентября 1928 г.

*** В 1924 г. Ф. Дзержинский писал: «Должен сказать, что когда я читаю о наших преимуществах и возможностях в отношении рационализации производства, то мне становится тошно, как от морской качки...» (опубликовал инженер Шухгалтер в «Торгово-промышленной газете» 26 августа 1928 г.).

во-вторых, при высоких ценах на промышленные изделия крестьянин отказался продавать свой хлеб по низким ценам, установленным советским государством. К маю цена на хлеб выросла в $1\frac{1}{2}$ раза. Экспорт оказался нерентабельным, промышленные предприятия оказались без необходимых денежных средств. Разразился кризис «товарного голода», так как хороший урожай и стихийно выровненный крестьянством эквивалент между промизделиями и сельскими продуктами значительно повысили спрос крестьянства на рынке. Деревня предъявила спрос на промышленные изделия, значительно превышающий предложение этих товаров. Все расчеты, на которых строилось плановое хозяйство на весь 1925/26 г., были нарушены. В 1926/27 г. «Контрольные цифры» предполагали «значительное усиление товарного голода», а все первое полугодие 1926/27 г. неожиданно для советских экономистов наблюдалось очень резкое снижение сбыта, так как крестьянство, удовлетворившее свои насущные нужды, предпочло сложить свои товарные излишки в запас, возобновив те страховые запасы, которые бывали у него обычно до войны. После того как государство оказалось вынужденным спешно перестроить свои планы и прийти на помощь промышленным и торговым предприятиям денежными субсидиями, товарооборот на почве скрытой инфляции резко вскочил вверх, недостаток товаров вновь сделался обычным явлением... и планы оказались вновь нежизненными.

В конце 1927/28 г. история 1925/26 г. повторилась: крестьянин вновь отказался продавать государству хлеб по дешевым ценам. На этот раз сопротивление крестьян было столь велико, что не помогли и меры насильственного отнятия хлеба. Не только все планы, но даже нормальное функционирование промышленности было поставлено под угрозу. Государству пришлось уступить и вопреки всем своим планам поднять цены на хлеб.

Не менее ярким примером нереальности и необоснованности советских планов и прогнозов может служить также несоответствие между предположениями эмиссии фактическими выпусками: в 1925/26 г. было выпущено всего 200 млн руб. вместо предположенных по плану 570 млн руб., а все же страна пережила инфляци-

онную лихорадку. В 1926/27 г. было предположено к выпуску 150 млн руб., а выпустили 285,2 млн руб. Сорваны были стихией рынка и две основные кампании последних лет, проводимые советской властью: снижение себестоимости промышленной продукции и снижение продажных цен, ибо состояние оборудования, недостаток товаров на рынке и усиленная денежная эмиссия гнали цены вверх.

Было бы излишне приводить еще примеры «просчета» в планах по отдельным отраслям промышленности, по экспорту и импорту, по сырью, по строительству и по целому ряду других элементов народного хозяйства. Практика советского «планового хозяйства» дает громадное количество таких фактов.

К вопросу о том, является ли советское хозяйство плановым, следует подойти еще под одним углом зрения. Для социалиста основной задачей планового хозяйства является устранение неизбежных при капиталистическом хозяйстве кризисов. Один из коммунистических экономистов специалист по вопросам конъюнктуры Л. Эвентов утверждает, что «советская экономика выработала средства обуздания периодических кризисов» и «в этом преимущество новой системы перед капиталистическим хозяйством» *.

Однако факты говорят, что и советской экономической системе не удалось превратить производительные силы из «демонических господ», по выражению Энгельса, в «покорных слуг».

Сущность типичного экономического кризиса в том, что из-за неорганизованности капиталистического хозяйства периодически наступают периоды перепроизводства, кризиса сбыта в одной или нескольких отраслях народного хозяйства. В послевоенное время в ряде стран кризисы потеряли ряд черт, присущих классическим кризисам. Раньше всего нарушена была периодичность: в Англии, например, кризис имеет многолетний, длительный характер, в Германии кратковременная высокая конъюнктура сменяется кризисом, который после нескольких месяцев уступает место вновь кратковременному периоду подъема. Но наиболее характерным для послевоенной конъюнктуры является то обстоятельство, что к кризисам сбыта прибавились

* Экономическая жизнь. 13 сентября 1927 г.

еще кризисы нарушенного денежного обращения, кризисы недостатка капиталов и кризисы хозяйственных диспропорций.

Такое же точно положение наблюдается и в советской России. Оставляя в стороне период «военного коммунизма», за семь последующих лет СССР пережил уже дважды именно кризисы сбыта: в 1923/24 г. и в 1926/27 г., причем кризис 1923 г. носил типичный характер и принял громадные размеры. Вот как характеризует этот кризис советский экономист В. Сарабьянов: «Крестьянский спрос сжался (из-за диспропорции между ценами на промышленные изделия и сельские продукты.— А. Ю.) в самой крайней степени, и наступил кризис сбыта, захвативший все отрасли нашего хозяйства. Этот кризис и по сию пору памятен нашим хозяйственникам» *. Кризис сбыта в первое полугодие 1927 г. был менее остр, но и он был значителен, что ясно из следующих данных: в период II и III кварталов 1927/28 г., от января по июнь, обороты московской и провинциальных бирж упали на 70 % по сравнению с предыдущим кварталом и на 25 % по сравнению с соответствующими месяцами прошлого года **.

Кризисы этого типа — кризисы сбыта — тем удивительнее в России, что в самой экономике страны нет причин для таких кризисов. Производство стоит еще на очень низком уровне, внутренний рынок очень большой и спрос главного потребителя — крестьянина — после нескольких урожайных лет потенциально очень велик. Страна страдает главным образом от недостатка товаров, и происходившие столь болезненно кризисы сбыта нужно отнести исключительно за счет искривлений, создаваемых политикой власти.

Но кроме этих типичных кризисов сбыта советская Россия, как ни одна страна в мире, сотрясается постоянными и сменяющимися кризисами диспропорций. Кризисы сырья, кризисы металла, кризисы транспорта, кризисы экспорта и импорта, кризисы капитала и т. д., и т. д. Нет области хозяйства, которая не страдала бы от диспропорций между нею и остальными отрасля-

* Сарабьянов В. Экономика и экономическая политика СССР. М., 1926. С. 339.

** Исчисления сделаны по конъюнктурным обзорам Госплана.

ми народного хозяйства. Восстановительный процесс идет не по плану, а стихийно. Но мало того, основной характерной чертой всего послереволюционного хозяйства России является диспропорция между производственной способностью индустрии и потребностями сельского хозяйства, т. е. постоянный недостаток капитала для обновления промышленности и хронический товарный голод.

Можно ли говорить об отсутствии кризисов в России, когда при сокращении выбрасываются на улицу десятки тысяч рабочих и служащих, когда число безработных неудержимо растет и когда деревня выбрасывает в город миллионы избыточного голодного населения, не находящего там работы. Все «просчеты», «диспропорции», «ошибки плана» — лишь советский псевдоним тех явлений, которые обычно называются экономическими кризисами.

Самый суровый приговор над советской хозяйственной системой, самое яркое доказательство отсутствия в ней плана именно в том и состоит, что она держит страну в состоянии хронических кризисов, что она связывает производительные силы, в то время как они, раскрепощенные революцией, стихийно рвутся к подъему.

Итак, есть ли в советской России плановое хозяйство?

После всего изложенного достаточно вспомнить определение планового хозяйства, хотя бы данное советским органом планирования — Госпланом и приведенное нами в начале главы, чтобы с полным основанием дать ответ на этот вопрос.

Соразмерность и учет элементов производства и потребления? Знание и целесообразное использование материальных ресурсов и рабочей силы? Максимальный производственный эффект с минимумом затрат и в минимум времени? Обеспечение планового хода всего хозяйственного механизма без кризисов и срывов?

Такого планового хозяйства в советской России нет.

Но и то государственное регулирование, для которого имеются в советской России все предпосылки, тоже не дает достаточного положительного эффекта именно из-за утопизма целей, грандиозности планов и бюрократичности управления. А между тем го-

сударственное регулирование могло бы быть одним из необходимейших факторов возрождения хозяйства в стране, пережившей великие революционные потрясения.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИТОГИ

Великая революция, которую пережила Россия, давала все основания ожидать быстрого расцвета ее народного хозяйства. Свержение царизма, получение крестьянами земли, ликвидация феодальных пережитков, возможность перехода сельского хозяйства от примитивных форм к интенсивным, обилие естественных богатств, благоприятствующее развитию промышленности и привлекающее в страну иностранные капиталы, внутренний рынок очень большой емкости и, наконец, пробужденные революцией инициатива и активность народных масс — все эти обстоятельства, казалось, предопределяли быстрый рост благосостояния страны и ее населения.

История России пошла иными путями. Страна пережила все разорение гражданской войны и вооруженной интервенции, перенесла в период большевистских попыток насильственно осуществить немедленный коммунизм небывалую и неисчислимую растрату основного капитала промышленности, обнищание крестьянского хозяйства и вымирание многих миллионов населения от голода и эпидемий. Со времени нэпа создались несколько более благоприятные условия для восстановления и развития производства города и деревни. Но политика советской власти, проникнутая утопизмом, и после нэпа осложняет и дезорганизует подъем народного хозяйства, отнимает у населения всякие стимулы к творческому труду, сводит к минимуму производительное накопление, ставит преграды хозяйственно целесообразному привлечению иностранного капитала. Через одиннадцать лет после революции Россия с трудом добралась до довоенного уровня народного хозяйства, т. е. до уровня самой отсталой из крупных европейских стран. Пропась между уровнями хозяйства России и передовых промышленных стран еще больше увеличилась. Это в то время, как другие страны молодого капитализма в Южной Америке и Азии расширяют свое хозяйство с невиданной быстротой.

Мы уже указали в соответствующих главах, что быстрый подъем промышленности СССР совершился до сих пор лишь за счет восстановления досоветских резервов основного капитала промышленности * и что достигнутые размеры продукции ни в какой мере не удовлетворяют самых элементарных потребностей населения. Когда будут исчерпаны резервы старого наследства, когда будут догружены до последних пределов старые предприятия и введена, где это возможно, непрерывная работа **, темп подъема промышленности быстро сорвется, если не будут обеспечены нормальные условия расширенного воспроизводства. Но основным условием расширенного воспроизводства является внутреннее накопление в стране и приток иностранных капиталов на производственные цели. Ни первого, ни второго в СССР нет. Нет накопления в государственной промышленности и торговле, которые требуют ежегодных субсидий и долгосрочных кредитов, ничтожно накопление в частной промышленности и торговле, так как угроза ареста и конфискации имущества все время висит над частным предпринимателем.

* Что быстрое расширение промышленности в период восстановления совсем не связано с преимуществами советского строя, ясно хотя бы из того факта, что, например, Германия после инфляции расширяла производства отдельных отраслей на 30—40% в год.

** Советская печать утверждает, что восстановительный период закончен был еще в 1926/27 г. Мы считаем, что и сейчас расширение промышленности в значительной мере происходит за счет унаследования резервов. Известный экономист В. Базаров высказывает по этому вопросу следующие верные соображения: «Капитализм в силу присущей ему тенденции к ограничению платежеспособного спроса основной массы населения никогда не работает с полной нагрузкой своих предприятий, экономическая предельная нагрузка при капитализме значительно ниже технически возможной... И не подлежит сомнению, что высокий темп роста выработки в последние годы в некоторой своей части обуславливается этой сверхвосстановительной загрузкой унаследованных от капитализма предприятий» (Экономическое обозрение. 1928. № 6).

Советские экономисты, специально изучавшие использование основных капиталов фабрично-заводской промышленности СССР, — Демирчоглян и Кваша — приходят к следующему выводу: «Материалы последних лет дают основание считать, что в настоящее время — 1928 г. — наличное оборудование промышленности использовано не в полной мере и есть возможность увеличения продукции за счет того же основного капитала» (Статистическое обозрение. 1928. № 3).

Единственная область хозяйства, где началось после объявления нэпа некоторое накопление, — это сельское хозяйство. Мы показали в предыдущих главах, что высокими ценами, налогами, инфляцией и «ножницами» советская власть выкачивала из крестьянства многие сотни миллионов рублей, чтобы обеспечить промышленности возможность расширения хотя бы только в пределах восстановления. Враждебные рабочему классу экономисты, правильно отмечая это обстоятельство, делают из него вывод, что в советской России «рабочий благоденствует за счет крестьянина». Этот вывод совершенно ложен. Русский рабочий в советской России получает минимальную плату за очень тяжелый труд, он не только не лежит бременем на каком-нибудь ином классе, но именно его трудом живут в советской России паразитические элементы. Но если взять не рабочего как индивидуум или класс, а всю промышленность как отрасль народного хозяйства, то верно, что она из-за непосильных объемов национализации и из-за облепляющих ее накладных расходов, из-за большевистской бесхозяйственности живет за счет сельского хозяйства. Это обстоятельство настолько очевидно, что в большевистской среде сам факт никем и не оспаривается. Одни, левые, — в лице Преображенского * — построили целую теорию «социалистического накопления», по которой пролетариат в период социалистического строительства должен выкачивать из деревни потребные ему для расширенного воспроизводства средства, как ранее это делал капиталист по отношению к колониям. Другие — группа Сталина — считают, что извлекать средства из деревни, конечно, нужно, но в более умеренных размерах. Спор у коммунистов, таким образом, лишь о пределах «допустимого грабежа».

Между тем вся постановка вопроса у обеих коммунистических групп ошибочна. Дело не в том, мало или много брать в целях индустриализации из сельского хозяйства. Будущее России, конечно, требует быстрой индустриализации ее промышленного и сельского хозяйства. Лишь на этом пути возможно быстрое разрешение проблемы безработицы и крестьянского перенаселения, быстрый рост культуры и благо-

* Преображенский Е. Новая экономика. М., 1924.

состояния населения, увеличение удельного веса рабочего класса, усиление его классовой организованности. Этому равно требуют интересы и города и деревни. Так как в период расширения технической базы промышленности нужны громадные средства, то интересы народного хозяйства потребовали бы от всякой власти такой политики, которая мобилизовала бы для этих целей всё имеющееся в стране накопление, т. е. в русских условиях в первую очередь стремилась бы перераспределить капиталы из сельского хозяйства в промышленность. Но для того чтобы такая политика была рациональна и целесообразна, нужна наличность двух основных и обязательных условий. Во-первых, необходимо не «грабить» сельское хозяйство, не подрывать корней его экономического благосостояния, а, наоборот, обеспечить сельскому хозяйству, призванному финансировать промышленность, наиболее благоприятные условия развития и накопления. И во-вторых, необходимо обеспечить наиболее быстрый и производительный эффект капитальных вложений в промышленность. Оба эти условия в советской России отсутствуют. Русские большевики не понимают, что именно во имя быстрого темпа индустриализации необходимо дать крестьянству раньше всего возможность хозяйственно овладеть приобретенной во время революции землею, обеспечить ему в кратчайший срок землеустройство, дать ему стать на ноги экономически, создать для него благоприятные условия накопления. Это нужно политически во имя того, чтобы крестьянство не было отброшено в лагерь контрреволюции,— это необходимо и экономически. Вся структура народного хозяйства России требует сочетания одновременного развития промышленности и сельского хозяйства, того, что по советской терминологии называется двусторонним путем развития хозяйства. Сейчас в советской России вкладывается ежегодно в промышленность свыше миллиарда рублей, а в сельское хозяйство, оставляя в стороне утопические затеи с совхозами и колхозами, всего около $\frac{1}{5}$ этой суммы. Если бы даже ценою некоторого временного ущерба для промышленности в ближайшее несколько лет сельскому хозяйству была оказана необходимая агрономическая помощь, было осуществлено землеустройство, было увеличено производство

или импортированы необходимейшие плуги, сепараторы и удобрения, ситец или утварь, то происшедший благодаря этому подъем сельского хозяйства, увеличение его урожайности, расширение экспорта и рост покупательной способности населения создали бы в ближайшие годы такие благоприятные условия для проведения индустриализации, о каких теперь лишь мечтают коммунисты, близорукие сторонники одностороннего пути — индустриализации во что бы то ни стало. В результате в корне ошибочной политики советской власти по отношению к деревне из сельского хозяйства все последние годы выкачивались все его накопления и одновременно у крестьянина отнимались стимулы к увеличению благосостояния (гонения на «кулака»). С другой стороны, бесхозяйственное, неумелое проведение «индустриализации» давало слишком малый эффект и очень медленно увеличивало количество промышленных изделий, не давая крестьянам в достаточном количестве потребных им сельскохозяйственных орудий и инвентаря. К 1928 г. создалось положение острого кризиса. Как раз тогда, когда промышленность, подойдя к исчерпанию старых резервов, больше, чем ранее, нуждается для расширения производства в финансировании за счет крестьянского хозяйства, последнее начинает проявлять явные признаки регресса: посевная площадь уменьшается, урожайность падает, громадные районы охвачены голодом*.

Столь же ошибочна политика советской власти и в отношении второго возможного источника финансирования промышленности — иностранных капиталов. Сейчас, когда крупнейшие капиталистические страны лихорадочно ищут рынки для помещения своих свободных капиталов, Россия с ее громадными хозяйственными перспективами, несомненно, могла бы привлечь иностранные капиталы в очень больших размерах. Конечно, иностранный капитал империалистических стран всегда не прочь поставить ту страну, куда он ввозит свои товары или которую он финансирует, в

* На пленуме ЦК ВКП представитель правой оппозиции заместитель комиссара финансов Фрумкин выступил с заявлением, что «сельское хозяйство СССР из-за политики последнего времени переживает деградацию» (Правда. 24 ноября 1928 г.).

подчиненное полуколониальное положение, но в современную эпоху во внешней политике великих держав так много противоречивых интересов, а потребность в экономических сношениях с Россией так велика, что любому правительству России нужно не так уж много уметь, чтобы, привлекая иностранные капиталы и обеспечивая им их обычные немалые барыши, парализовать всякие их поползновения на нарушение политической и хозяйственной независимости России. То, что было по плечу царской России (несмотря на обильный приток иностранных капиталов), или по силам даже современной Турции, легко смогла бы осуществить всякая разумная власть в России.

Между тем политика советской власти такова, что за десять лет, протекшие после революции, Россия получила совершенно ничтожные иностранные вложения в промышленность. Россия имеет все, что обычно привлекает иностранный предпринимательский капитал: громадные естественные богатства, дешевую рабочую силу, широкий и все растущий внутренний рынок сбыта. Нужна была исключительно ошибочная политика советской власти, нужен был слишком большой риск, чтобы иностранный капитал, стремившийся в первые годы после нэпа в Россию, идущий в леса и пустыни Африки, все же не пошел в советскую Россию... Послевоенное восстановление хозяйства было во всех странах болезненно. Но нет ни одной крупной страны в мире, кроме советской России, в которой хозяйство вот уже одиннадцать лет после войны постоянно бьется в лихорадке кризисов.

Советская власть мечется в последние годы, как в заколдованном кругу. То бросает громадные денежные средства на капитальное строительство промышленности, не соразмерив свои затраты с возможностями хозяйства, и ошибочностью этой политики лишь усиливает товарный голод и расшатывает устойчивость денежной системы. То объявляет «чрезвычайные меры» против крестьянского мелкого хозяйства и к национализированной промышленности, с которой не справляется, прибавляет еще крупные государственные зерновые фабрики (совхозы). То вновь начинает искать «смычки» с крестьянином и обещает льготы тем крестьянским группам, которые поднимают и расширяют свое хозяйство. Упорное сохранение

совершенно непосильных объемов национализированной промышленности и одновременная готовность передать иностранному капиталу на началах концессии даже предприятия основных отраслей; упорное отстаивание современной монополии внешней торговли и лихорадочные поиски иностранных кредитов. От правого курса к левому, от левого к правому. И снова упирается в тупик. В этом закон порочного круга.

А между тем если бы снять оковы с производительных сил страны, то в самый кратчайший срок хозяйство России стало бы на ноги и начало бы быстро нагонять, как все страны молодого капитализма, ушедшие вперед старые промышленные государства. Для этого надо раньше всего радикально изменить экономическую политику. Нужно примириться с тем, что в России объективные условия требуют, чтобы страна развивалась в условиях по преимуществу капиталистического хозяйства. Нужно свести размеры национализированной промышленности до посильных пределов, нужно отказаться от монопольности государственного хозяйства и создать условия, в которых могли бы развиваться и частная промышленность, и торговля, и, самое главное, крестьянское хозяйство. Только при быстром развитии производительных сил страны и при расширении технической базы промышленности могут быть удовлетворены насущнейшие потребности пролетариата и созданы благоприятные условия для классовой борьбы рабочего класса.

Но изменения, даже самого радикального, одной экономической политики недостаточно, ибо нормальное развитие производительных сил страны требует определенных политических условий. Как в годы, предшествующие свержению самодержавия, хозяйственное развитие России упиралось в царизм, так сейчас развитие русской экономики упирается в советскую диктатуру. Какую бы сторону советской действительности ни взять, мелкими политическими реформами не устранить коренных ее пороков. Мало ли энергии, например, затрачивает советская власть на борьбу с бюрократизмом, хищениями, взяточничеством: «показательные суды», «самокритика», суровая «чистка» партийного и советского аппарата! И все фатально остается безрезультатным! Ибо режим дикта-

туры, монополия коммунистической партии, выделение коммунистов в привилегированную касту и отсутствие в стране свободного общественного мнения — это именно та среда, в которой пышно расцветает коррупция, самодурство и произвол. Советская власть тщетно пытается вот уже какой год обеспечить, например, хозяйственному строительству необходимое активное содействие со стороны ученых, техников и квалифицированных рабочих. Но разве в условиях бесправия населения, когда инженеру или ученому, не угодившему начальству, по политическим соображениям могут в любой день устроить показательный процесс, когда за проявление неугодного начальству мнения могут выбросить со службы, разве в таких условиях могут проявляться необходимейшие для развития производства и техники инициатива и самостоятельность?

Произвол и бесправие парализуют и предприимчивость частного предпринимателя. Сегодня частному промышленнику сдают в аренду предприятие или разрешают торговлю, а завтра ввиду нового зигзага политики его разоряют и ссылают к Полярному кругу. Сегодня разрешают частные общества взаимного кредита, а завтра, придравшись к ничтожному нарушению формальных норм, их закрывают. Особым декретом демунципализируют нерентабельные дома, а через несколько лет, после того как частные владельцы привели дома в порядок, их снова отбирают, так как они стали рентабельны. Шахтинский процесс наглядно показал, что и иностранный концессионер не может работать в стране, где нет элементарных гарантий права, нет независимого суда и политических свобод.

Особенно остро чувствует связь между политикой и экономикой крестьянин советской России. Он весь в руках ближайшего и высшего начальства. Он не знает точно ни своей земли (отберут при очередном переделе), ни размеров налога (ставки налога определяются совершенно произвольно), ни цен, по которым он обязан сдавать хлеб государству, ни того, когда ближайшему совету вздумается объявить его кулаком и превратить в лишенного защиты закона пария.

Какая продуктивная хозяйственная деятельность возможна при таких условиях?

И наконец, рабочий советской России, в то время как вся диктатура осуществляется от его имени, не имеет минимума политических прав, чтобы защитить свои интересы ни при решении крупнейших политических вопросов, ни у себя на заводе при снижении расценок и определении норм выработки. Тот самый русский рабочий, который десятки лет в период царизма вел борьбу за свободу слова, печати, собраний, тысячами шел в ссылку за право коалиции, теперь не имеет ни возможности свободным выбором своих представителей определить политику власти, ни права на открытое участие в социал-демократической партии, ни своих классовых профессиональных организаций, ни свободной прессы, ни свободных собраний.

Оправдывая режим террора и диктатуры тем, что у власти партия рабочего класса, а полное огосударствление рабочих организаций тем, что в советской России нет капиталистов-предпринимателей, советская власть готовит рабочему классу трагическую судьбу: он будет противостоять неизбежной реставрации частнокапиталистических отношений безоружный, дезорганизованный. Советская власть с каждым годом все более и более теряет свою связь с рабочим классом, все шире, несмотря на левые судороги, те отступления, которые она должна делать в интересах самосохранения частнокапиталистическим элементам, все неизбежнее полный политический и экономический крах современной политики. Возвращение своего классового врага русскому пролетариату придется встретить, не имея ни политических, ни профессиональных организаций, разучившись методам классовой борьбы, потерявши классовое самосознание.

Так ежедневная жизнь с ее обычными хозяйственными кризисами, с ее все новыми и новыми проявлениями произвола и бесправия упирает экономику страны в политику. В условиях советской диктатуры оказывается невозможным нормальное развитие ни промышленности, ни сельского хозяйства. Для того чтобы на смену обреченной на смерть советской диктатуре пришел не реакционный строй, обеспечивающий правовой режим для буржуазии, но вновь закабаляющий рабочего в условия бесправия, а единственно благоприятный для трудящихся масс города и деревни строй демократии — необходима активная

борьба рабочего класса за политические права, за свободу своих организаций, необходим тесный союз рабочего класса и крестьянства. Выход из экономического тупика возможен только в том случае, если под влиянием все растущего недовольства народных масс будет ликвидирован режим пережившей себя диктатуры и радикально изменена современная утопическая экономическая политика.

Вне этого возможны только или застойная депрессия, или тяжелые экономические и политические потрясения.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ .	3
С. Прокопович ИЗ «РУССКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СБОРНИКА» (ПРАГА 1926) Что дал России нэп	11
С. Кон ИЗ «РУССКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СБОРНИКА» (Прага, 1926) Опыт советской национализации .	58
Л. Пумпянский ИЗ СБОРНИКА «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК» (БЕРЛИН, 1923) Организация и работа советских трестов	107
С. Шерман ИЗ СБОРНИКА «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК» (БЕРЛИН, 1923) Внутренний рынок и торговый быт Советской России	133
А. Югов ИЗ КНИГИ «НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО СОВЕТСКОЙ РОССИИ И ЕГО ПРОБЛЕМЫ» (БЕРЛИН, 1929) Индустриализация и проблема капитала Проблема управления государственной промышлен- ностью Пути развития сельского хозяйства Внутренний товарооборот Внешняя торговля, торговые договоры, концессии Плановое хозяйство и государственное регулиро- вание Экономические итоги	174 187 202 219 241 274 294

НЭП. ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Сборник

С о с т а в и т е л ь Виктор Викторович КУДРЯВЦЕВ

Заведующая редакцией Т. Репина. Редактор С. Родионова. Художник В. Кудрявцев. Художественный редактор И. Лопатина. Технические редакторы О. Глушкова, М. Гречнева. Корректоры Н. Кузнецова, Е. Коротаева.

Сдано в набор 15.04.91. Подписано к печати 18.10.91. Формат 84×108¹/₂. Бумага газетная. Гарнитура «Журнальная рубленая». Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,96. Усл. кр.-отт. 16,17. Уч.-изд. л. 16,18. Тираж 5000 экз. Заказ 1850. Цена 90 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий», 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8. Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

НЭП

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Мы жаждем возрождения русского национального хозяйства, подъема его производительных сил и народного дохода. И мы знаем, что отправной точкой для этого возрождения, каковы бы ни были политические изменения, будет вот эта разоренная страна — Россия...

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

